

1612. РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Андрей Богданов

Андрей Богданов

1612

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

АНДРЕЙ БОГДАНОВ

1612
РОЖДЕНИЕ
ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Москва
ВЕЧЕ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45
Б??

Богданов, А.П.

Б73 1612. Рождение Великой России / Андрей Богданов. — М. : Вече, 2013. — 352 с. : ил. — (От Руси к империи).

ISBN 978-5-4444-0678-6

Знак информационной продукции 16+

В 1612 году на карте мира появилась вместо Московского государства новая держава — Великая Россия. Величие её состояло не в превосходстве над другими странами по размерам территории. Великой назвали свою страну выборные представители её уездов, подчёркивая, что власть принадлежит всей земле, а не только Москве. Столичные бояре призвали в Москву интервентов и потеряли право на власть. Только Земский собор сословий и районов России мог спасти разорённую гражданской войной и преданную своей верхушкой державу. Новая книга доктора исторических наук Андрея Богданова расскажет читателю тяжёлую правду о Смутном времени и православных людях, которые сумели его преодолеть.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45**

ISBN 978-5-4444-0678-6

© Богданов А.П., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Седьмого, а по новому стилю, 17 апреля 1612 г. в Ярославле было объявлено о рождении новой державы — Великой России. Так постановил собравшийся в городе Совет всей земли — выборных представителей уездов нашей страны¹. Грамоты с решением Совета были разосланы по городам разорённого Смутой Московского государства². Именно это государство, созданное в XV–XVI вв. силой оружия и отчасти договорами, лежало теперь в руинах. Его центральные структуры были или уничтожены в ходе многолетней гражданской войны, или служили «изменникам-боярам» и интервентам, засевшим в Кремле. Только объединившись, россияне могли покончить со Смутой, изгнать интервентов и сформировать своё государство так, как согласятся между собой его жители.

Созданный Мининым и Пожарским «Совет всей земли» применил многовековой опыт российского народовластия, опиравшегося на фундаментальное понятие «всенародной правды» и гармоничного с культурой создавших нашу страну

¹ О Совете всей земли см.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 179–186.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. Т. II. СПб., 1836. № 203.

народов³. Благодаря этому опыту Всенародное ополчение не просто освободило Москву, но создало новое государство. Его лидеры поняли, что гражданская война не может завершиться победой одной из сторон. Народное согласие могло быть достигнуто лишь на основе древней традиции народовластия и представлениях о нравственности.

В современной научной литературе историю народовластия рассматривают в качестве местного и разового явления. В Новгороде вечевая республика существовала 500 лет, но это была лишь причуда новгородцев, принесённая ими в Псков и Вятку. В других городах князей приглашали и изгоняли, — случайно и неведомо кто. Земские соборы — фарс. Больше половины царей, включая Петра, было избрано, даже Иван Грозный поощрял местное выборное самоуправление, а Совет всей земли в Ярославле и избрание Михаила Романова Земским собором всё равно выглядят разовым актом, будто народовластие в Смуту взялось ниоткуда и испарилось без следа.

Историки иронизировали над предками, видевшими главную причину Смуты в растлении духа, умножении доносчиков и предателей, распаде родственных уз, процветании воров и грабителей. По сравнению с Великим разорением страны Иваном Грозным, когда многие районы обеслюдели, а толпы

³ Акты, относящиеся к истории Земских соборов / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1909; *Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси. Изд. 2. М., 1902; *Его же.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905; *Дитятин И.И.* Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // *Русская мысль*, 1880. Кн. V. Отд. VI; его же. К вопросу о земских соборах XVII столетия // *Русская мысль*, 1883. Кн. XII. С. 84—106; *Загоскин П.П.* История права Московского государства. Казань, 1877. Т. I. С. 207—304; *Латкин В.И.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619—1620, 1648—1649 и 1651 годов). СПб., 1884; его же. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885; *Платонов С.Ф.* Заметки по истории Земских соборов // *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории (1883—1912). Изд. 2. СПб., 1912; и др.

беженцев метались по стране, ища спасения от опричного меча и голода, это казалось срундой. Но потом было 20 лет мира, страпой правил Борис Годунов, крестьян закрепостили, порядок был восстановлен ... Только растреление душ, если верить участникам событий, неукротимо продолжалось.

СМУТА

Когда в 1601–1603 гг. страну поразил голод, и даже монастыри прятали свои запасы, позволяя вымирать всей округе, когда люди продавали себя в рабство за хлеб, а на Москву шла армия восставших холопов, дело было не в экономике, как в Англии, где «драконовские законы» выморили и поработили население в угоду производителям шерсти. И не в верс, как в Германии, Франции и Италии, топивших себя в крови религиозных войн. Как справедливо писали современники, на Руси рухнули связывавшие людей узы.

Вотчинник и помещик, обязанный быть отцом крестьянам, попытался держать их силой — и оставил на голодную смерть. Холоп со времён Древней Руси был не просто доверенным слугой, но членом семьи; боевые холопы служили хозяину в сражении. Выбросив их за ворота, и хозяин, и царь, который это разрешал, ставили себя вне закона не только в глазах обиженных — но всего общества.

Когда явился самозванец, стать под знамя «царя Дмитрия Ивановича» значило — отказать аморальной власти в праве на существование. Личность самозванца значения не имела. То, что он вёл с собой ляхов, было неважно. Когда Лжедмитрий I был разбит, ляхи и казаки разбежались, но за него стали города, а после смерти Годунова — и армия.

В 1905 г. в Москву вступил царь, признанный народом, войском, знатью и духовенством. Гражданская война утихла, острые требования повстанцев были удовлетворены, милости и награды лились рекой. Но для этого царь использовал богатства Церкви, а для поддержавшей его Речи Посполитой — оплота католической реакции — он стал смертельной угрозой.

Речь Посполитая появилась в 1569 г. Католическая Польша объединилась с огромным Великим княжеством Литовским, причём его православные земли — часть Белоруссии и Украина — отходили полякам. Но государственное строительство по западному образцу, когда короли-завоеватели отдавали покорённое население в качестве рабочего скота своим герцогам и баронам, на Руси не прошло. Попытка порабощения вызвала народную войну, которая шла вплоть до воссоединения земель Древней Руси с Россией.

В шляхетской «республике», где паны были равны, народ считался «говорящим скотом», а православные — скотом диким, правил швед — король Сигизмунд Ваза. Масса недовольной им шляхты с женами и детьми приехала в 1506 г. в Москву, на свадьбу царя Дмитрия с дочкой сandomирского воеводы Мариной Мнишек. Речь шла об объединении русских земель под властью нового «цезаря». Но ситуацию использовал лукавый боярин Шуйский. Вступив в сговор с польскими и шведскими властями, он объявил, что приезжие хотят убить царя! Москвичи бросились громить иноземцев, Шуйский убил Дмитрия, приписал ему свои грехи и сел на престол.

Пока литовцы и поляки, пылая местью, седлали коней, против царя, избранного «одной Москвой», восстала Россия. Народ отказался верить в смерть «своего» государя. Самозванца не было полтора года, но за виртуального «царя Дмитрия» сражались армии Ивана Болотникова, Ильи Муромца, Прокопия

Ляпунова и других вождей. Лишь в 1608 г. новый Лжедмитрий стал лагерем под Москвой, в Тушино. С ним, кроме дворян, горожан и казаков, были поляки и литовцы — участники разгромленного восстания против короля Сигизмунда.

По всей стране, от Белого моря до Каспия, от Смоленска до Урала, лилась кровь и свирепствовали шайки, грабившие от имени какого-нибудь «царя». Героическими усилиями князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский создал буквально из ничего регулярную армию и в союзе со шведами «очистил Московское государство» от войск Лжедмитрия II. Он вступил в Москву и тут же был отравлен завистливыми боярами, а его армия погублена.

Терпение участников гражданской войны лопнуло, когда разорение усугубилось интервенцией призванных Шуйским шведов, а затем и поляков, к которым присоединились нанятые на русскую службу немцы. Шуйского его дворяне стащили с трона и постригли в монахи. Тушинский лагерь разбежался, вскоре Лжедмитрия II убили. Знать и народ требовали «выбрать государя всюю землёю», созвав в Москву депутатов всей России, чтобы общим советом положить конец братоубийству.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

В июле 1610 г. народ ликовал, слушая читаемую в храмах грамоту московских бояр, разосланную по благословению патриарха Гермогена. Впервые за семь лет войны большинство россиян решило «быть в соединении и стоять за православную веру всем заодно», защищая право страны выбрать государя, не покоряясь ни захватчикам-иноверцам, ни вора-самозванцам.

Бояре спешно разослали по городам и всяям грамоту о присяге себе: дескать, они, до выборов государя, по воле народа взяли на себя бремя власти. Но московская власть, Семибоярщина, в выборы не верила. То ли дело сын короля Сигизмунда Владислав с иноземными полками: «Лучше королевичу служить, чем от холопов своих побитым быть и в вечной работе у них мучаться!» В августе бояре присягнули Владиславу, заключив с ним договор о сохранении их власти и привилегий. В сентябре они сдали Москву войскам Сигизмунда — врага, осаждавшего Смоленск!

Россияне, несмотря на привычку к подлостям московских властей, несколько месяцев пребывали в ошеломлении от «боярской наглой измены». Города и воеводы, вроде князя Дмитрия Пожарского, хотели верить, что король Сигизмунд, как обещали бояре, выведет войска из России, а его сын примет православие и станет призванным государем, — третейским судьёй и полководцем, — как памятный Рюрик и сотни других князей, которых приглашали города Руси.

Все, прежде всего бояре, просчитались. Сигизмунд, судя по документам его канцелярии, был в восторге, что «внёс войну в самые недра обширнейшего государства». Целью короля была экспансия Речи Посполитой и «распространение католической веры среди диких и нечестивых северных народов». Власть в Москве взял литовско-русский шляхтич Гонсевский, правивший именем королевича, но по приказам короля. Его опорой стали королевские слуги — боярин Салтыков, купец-кожевник Андронов, назначенный казначеем русских финансов, и дьяк Грамотин. Бояре сидели в Думе лишь для вида.

Шляхта вела себя в Москве так же, как в порабождённых ею литовско-русских городах: убивала, насиловала, платила «не по цене» или вынимала вместо денег саблю. Не имея права

казнить равных, лишь отрубив руки шляхтичу-протестанту, стрелявшему для забавы в икону, Гонсевский приговорил 27 немцев-наёмников к смерти и 20 — к истязаниям. Но изменить прав оккупантов он не мог. Через три месяца москвичи, ещё не знавшие ужасов войны, заполнили Россию призывами о помощи.

Страна, не помня зла, ещё считала себя Московским государством. Люди пошли спасать «царствующий град». В феврале 1611 г. к Москве тянулись отряды от Белого моря, Вологды и Перьми, из Астрахани, Нижнего, Муром, Владимира, Переяславля, Суздаля, Галича, Костромы, Ярославля, Романова, Рязани и Зарайска. К столице спешили толпы дворян, стрельцов, горожан, казаков и крестьян, служивших прежде разным царям и самозванцам. Большинство из них опоздало.

«Властители России», засевшие в Кремле и Китай-городе, очень боялись. Они отняли у москвичей оружие, даже топоры у плотников, ввели комендантский час и запретили продавать мелкие дрова, опасаясь жердей и поленьев. Москву наполняли шпионы, в Кремль пускали с обыском. На башни втащили пушки. Поляки, литва и немцы спали, не снимая доспехов. Гарнизон, знать и богачи ждали бунта. Иноземцы этого ожидания не вынесли и в марте 1611 г. устроили в Москве резню.

Утром 19 марта Пожарского, спавшего в его хоромах на Сретенке, разбудил набат. 8 тысяч закованных в латы немецких наёмников с пиками и мушкетами атаковали торг на Красной площади, на улицах рубила народ саблями польско-литовская кавалерия. Князь со своими холопами, стрельцами и мастеровыми построил баррикады и выкатил с Пушкарского двора пушки. Отбив атаку, ратники Пожарского со щитами из столов и лавок сбили врага с Лубянской площади в Китай-город. У Яузских ворот оккупантов остановил воевода Бутурлин, из

Замоскворечья изгнал казачий голова Колтовский, с Тверской отбросили стрельцы.

«Видя, что исход битвы сомнителен, я велел поджечь Замоскворечье и Белый город», — писал Гонсевский. «Мы действовали по совету доброжелательных к нам бояр, — вторит пан Маскевич, — которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться... Пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день... Москву можно было уподобить аду». На улицах, охваченных пожаром, шло избиение жителей; отовсюду неслись вопли убиваемых, плач и крики женщин и детей. Враги наступали, укрываясь за стеной огня, с тыла русских атаковал подошедший к столице королевский полк Струся.

Москвичи не смогли одновременно сражаться с огнём и врагом. За несколько дней город была стёрт с лица земли. Раненого в голову Пожарского холопы увезли в его имение. Подошедшие к столице ополченцы увидели лишь засыпанные пеплом холмы, на которых торчали печные трубы и остовы церквей, крепостные стены и башни. С ходу вступая в бой, россияне в ночь на 6 апреля взяли укрепления Белого города, заперев неприятеля в кроваво-красных стенах Кремля и Китая.

«Московское государство» пало. Все его структуры испарились с дымом московского пожара. Подчиняться приказам из Кремля было зазорно. Никто не мог назначить воеводу и иного государственного чиновника. Не осталось ничего, хотя бы формально объединяющего страну. И когда вся эта окалина отвалилась, под её тонким слоем обнажилось золото. Основой России оказалась толща народного самоуправления, демократическая традиция столь мощная, что ей трудно найти современные аналоги. И — неизвестная нынешним россиянам.

РУССКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Разнородные отряды Первого ополчения объединились под командой различных по характерам и взглядам людей: боярина князя Трубецкого, донского атамана Заруцкого и думного дворянина Ляпунова. Они возглавили «Совет всея земли» для восстановления законной власти в стране и учредили центральные ведомства-приказы вместо разгромленных в Москве⁴.

На деле это была профанация демократии по образцу Речи Посполитой. Грамоты «Совета» вроде бы подписаны представителями 25 городов, но только воинскими людьми, стоявшими лагерем в Москве, а не гражданами. Дворяне в этих грамотах были озабочены дележом захваченных поместий и крестьян, верхушка казаков — получением поместных и денежных окладов, чтобы приравняться к шляхте. Летом 1611 г. казаки убили Ляпунова, и дворяне в массе разбежались.

Подчиняться такому «Совету» Россия не могла. Об этом писалось в грамотах, которыми земский совет Нижнего Новгорода обменивался с поволжскими городами, татарами и марийцами, земский совет Казани — с выборными властями Перми, те — с Устюгом, Солью Вычегодской и т.д. Выборные городские власти договорились о главном: «быть нам всем в совете и соединении... друг друга не побивать, не грабить и дурного ничего ни над кем не делать... новых воевод, дьяков, голов и всяких приказных людей в города не пускать... а выбрать бы нам... государя всею землёю Российския державы», — выбор же военных не признавать.

⁴ Веселовский С.Б. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1911. Кн. 4.

В этой переписке земские власти вышли за пределы своих полномочий. Они испокон веков существовали для самоуправления, а не «государева дела». Выбравшиеся горожанами и лично свободными (чёрными и дворцовыми) крестьянами земские старосты и городовые приказчики занимались административной; целовальники — сбором и распределением налогов, часть которых шла на местные нужды; судьи — судом над податными сословиями (кроме смертной казни); губные чиновники — ловлей воров и разбойников с предварительным следствием; и т.п. В крепостнических сельских районах Центра России власти выбирались дворянами, ибо дворянин выступал «отцом» его крестьян.

Документация местных выборных учреждений фрагментарна, но её достаточно, чтобы похоронить убеждение, будто они «возникли в условиях Смуты». В этих условиях они лишь проявили себя на государственном уровне. Самодержавие, вопреки другой вздорной идее, самоуправление не давило, а поддерживало. Даже тиран Иван Грозный функции земских учреждений расширял, а «кормления» центральных чиновников от местных дел пытался отменить (реально их отменил лишь царь Фёдор Алексеевич в 1679 г.).

Функция «кормлений» состояла в том, что великокняжеская власть, в знак господства над землями Руси, присылала туда разного ранга чиновников с перечнем, от каких «дел» им «кормиться» (как завела ещё в X в. княгиня Ольга). Но в Московской Руси «кормленщик», он же «недельщик», стал получать наказ не вступаться в дела местного самоуправления, взимая «корма» не за работу, а именно за невмешательство в неё. Доходным был «езд» чиновников, уже по «Русской правде» 1209 г. получавших кроме «корма — сколько возьмёт» за простую перепряжку лошадей 5 кун — цену пяти устоев моста!

Судебники 1497, 1550 и 1589 гг. оценивали проезд судебных чиновников от Москвы и обратно в бешеные деньги. Тайна «ездов» раскрыта в дополнениях к Судебнику от 1556 г., где ездокам прямо указано на местах «ни которого дела... не делати, а возити грамоты для своего ездѹ». Приехал, показал грамоту — и бери за дорогу в оба конца! Кормление чиновника от данной ему отрасли управления называлось «путѣм»...

Русское государство строилось на фундаменте местного самоуправления, а князья и цари с их публичной властью являлись его надстройкой. Когда древние скандинавы называли Русь «Страной городов» — «Гардарикой», они имели в виду их политический вес, а не количество (не большее, чем во Франции) или богатство (уступающее Византии). Именно города призывали, а если надо — изгоняли князей: такие случаи известны почти в каждом древнерусском городе.

«Лучшие люди», сообщавшие князю, что ему был или будет «указан путь» за невыполнение требований города, представляющего округу-«землю», были, как и в Риме, выборными представителями хозяев — землевладельцев, купцов и глав мастерских. Эти «золотые пояса» (которых в Новгороде жила примерно тысяча) составляли городской совет — вече, которое в нужде обращалось ко всему мужскому населению, как римский сенат к народному собранию (из женщин имела право голоса только «матѣрая», детная вдова).

Подробное городское, а не только княжеское и церковное летописание сохранилось в Новгороде, но мы знаем, что другие города, например Смоленск, заключали международные договоры и объявляли войну. Демократическая традиция зашла столь далеко, что расплодившиеся князья создали своё вече — съезд или «снем» — для обсуждения общерусских дел. Даже в самом низу, в сельских общинах, старосту выбирал мирской сход.

Нередко великие князья называли себя царями, но официально первым царём стал Иван IV — по воле Земского собора. Эти выборные сословно-представительные органы собирались в XVI в. много чаще, чем французские Генеральные штаты, и играли более видную роль, чем английский Парламент, шагмповавший решения королей.

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

Летом 1611 г. демократия не родилась, а проявилась в обстановке, когда государство гибло. После героической 20-месячной обороны пал Смоленск. Холоп Иван Шваль сдал шведам Новгород. Ополчение разбегалось. Литовский гетман Ходкевич шел к Москве. Чтобы остановить его, власти Троице-Сергиева монастыря воззвали к городам.

В Нижнем Новгороде были царские воеводы, назначенные из Москвы чиновники и духовенство, но воевать никто не спешил. Лишь один из земских старост, мясной торговец Козьма Минин добился, чтобы грамоту из Троицы прочли публично. Это всколыхнуло народ, но дело не стронулось. День за днём Минин призывал пожертвовать третью часть имущества: 2500 торговцев его корпорации дали 1700 рублей, вдова принесла большую часть наследства, старушки — оклады с икон, и всё!

Нужна была профессиональная армия, а для неё — деньги, собрать которые могла лишь особая налоговая служба. Минин уговорил старост избрать походным воеводой князя Пожарского, а сам съездил к нему, убедив в серьёзности намерений. Пожарский поставил делегации нижегородцев условие: он возьмётся создать армию, если за казну будет отвечать Минин. Город ударил челом Козьме: «Соглашусь, — ответил староста, —

если подпишете приговор», по которому сбор денег обеспечивался всеми средствами, вплоть до продажи жен и детей.

Минин взялся за дело, и многие пожалели, что подписали составленный им приговор. Но наставленные мушкеты стрельцов будили патриотическое сознание богачей. А когда они стали готовы к бунту, в Нижний вступил князь с войском, тут же получившим жалованье... Вскоре возможности Нижнего были исчерпаны, но к Минину присоединялись представители земской власти городов Поволжья, распространявшие его опыт. Деньги текли рекой, на них закупалось оружие, снаряжение и припасы, платилось жалованье. Войско было российским: «Наёмные люди из иных государств нам теперь не надобны, — сказал Пожарский, — мы служим и бьемся за своё Отечество».

23 февраля 1612 г. новая армия двинулась в поход. На марше Пожарский принимал новые отряды, а Минин — деньги, собранные местными властями. Каждый уезд «всемирным советом» выбирал по два человека от сословий: духовенства, дворян и горожан, — и с грамотами присылал в Ярославль, где в апреле был создан «Совет всей земли». Совет как временное верховное правительство опирался на выборные земские власти; даже его воеводы вступали в города, только если их примут «всем миром».

В Совете были раздоры: русская Казань отказалась подчиняться не «царственному» Нижнему, многие её представители ушли, — однако казанские князья и мурзы, как и татары из Касимова, Кадома и Алатыря, остались. Пожарский пропускал вперёд всех, кто считал себя более родовитым, пока Совет вообще не отменил «места» по знатности. Не умевший писать, но хорошо считавший Минин действовал жестко. Многие города, в том числе не затронутые гражданской войной сибирские, не

спешили дать денег: приходилось рассылать грамоты с приказом отнимать товары у их купцов. Тем не менее внутренняя и внешняя политика Совета в целом была успешной.

Историки отказались видеть, что в обоснование своей легитимности «Совет всей земли» изменил название нашей страны. «Московское государство», именем которого выбрали на царство Шуйского и Владислава, было в руках врага, а избрание царя «одной Москвой» вызывало народное негодование. Но даже патриарх Гермоген утверждал, что Москва имела на это право: «Дотоле Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков, и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам». Совету пришлось это изменить.

7 апреля 1612 г. можно считать главным государственным праздником — Днём **Великой России**. Именно так в грамоте из Ярославля названа страна, которую представлял многонациональный и поликонфессиональный «Совет всея земли»⁵. «Вся земля» Великой России, по замыслу Минина, Пожарского и их товарищей, представляла волсизъявление подданных единой державы, независимо от их веры и национальности, через выборных представителей всех уездов страны, вместо одних лишь властей Москвы. Московскими оставались лишь дворянские чины. Поэтому полководцы Совета именовали себя «Великороссийского Московского государства бояр и воевод и всей земли воеводами». В челобитных писали: «Великой России державы Московского государства боярам и

⁵ Слово «Россия» для обозначения Руси было постепенно заимствовано нашими книжниками из греческой литературы (греки изначально, с IX в. заменяли в слове «у» на «о»). В XVI в. Великой Россией называли, в основном в церковных текстах, Московское государство (Клюсс Б.М. О происхождении названия «Россия». М., 2012). Совет в Ярославле придал возвышенному церковному термину новый смысл, положив в основание державы волю всех её подданных, всех 50 уездов.

всей земле». В платёжных документах значилось: «По наказу Великой Российской державы Московского государства бояр ... и по совету всей земли».

Название Великая Россия, вместо Московского государства или просто Руси, появилось в грамоте «Совета всей земли» не на пустом месте. В начале XVII в. его употребляли образованные люди. Так называл нашу страну патриарх Иов в «Повести о честном житии» царя Фёдора Ивановича. О «Великой Росии» и о «нас, росиянах», писал келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын». Делегаты «Совета всей земли» приняли его, потому что хотели назвать страну особо торжественно, по-новому, но вместе с тем знакомо. Это название имело долгую предысторию и серьёзное политическое наполнение.

Россией (вначале слово писалось с одним «с»)⁶ издревле, с IX в., называли Русь греки в Византии, имея в виду нашу страну (её народ они называли «рос»). Из греческих православных книг слово постепенно утвердилось на Руси. В XVI в. им нередко торжественно обозначали Русь в пределах Московского государства, в ведении Московского митрополита, а затем патриарха.

Русь, начиная с Древнейшего сказания конца X в., отражённого в летописях XI—начала XII вв.⁷, обозначала население и земли восточных славян, подвластные великим князьям Киевским, а затем их потомкам. Хотя первоначальная Древняя Русь была с XII в. разделена между великими князьями Влади-

⁶ Написание слова «Россия» с двумя «с» окончательно утвердилось лишь с середины XVII в. в изданиях Государева Печатного двора. Подробно об этой истории термина в русской книжности: *Клосс Б.М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012.

⁷ *Тихомиров М.И.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.И.* Русское летописание. М., 1979. С. 57—66 (ранее: Вопросы истории, 1960, № 5); *Богданов А.И.* Княгиня Ольга // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 57—72.

мирскими, Черниговскими, Киевскими, Полоцкими, Галицко-Волынскими и пр., в русском самосознании это была одна страна, один народ. Его неотъемлемую часть (сохраняя свою веру, языки и обычаи) составляли финно-угорские, балтские и иные племена, как создававшие вместе со славянами, по словам русских летописей, первоначальное Русское государство, так и присоединившиеся в Руси позже.

Великой Россией северо-восточную Русь, великое княжество Владимирское и затем Московское государство, тоже начали называть греки. Им уже в эпоху раздробленности Руси надо было отличать митрополитов «Киевских и всея Руси» в северо-восточных и юго-западных русских землях, во Владимире и Галиче. Так с XII в. у книжников Константинопольской патриархии, которой подчинялись оба митрополита, появились термины Великая и Малая Россия⁸. При этом слово «Малая» не звучало пренебрежительно – оно появилось для отличия отдельной русской митрополии и региона от ранее известной Великой России, в смысле: «не та, но тоже Россия»⁹.

В Московской Руси о самодержце «Великой России», «Российского царствия», о «державе Великой России» и «государстве Великой России» писали с конца XV в., со времён Василия III, отмечая, прежде всего, обширность, а не величие государства. Так, Иван Грозный в 1654 г. адресовал своё публицистическое письмо князю Курбскому «во всё его Великия Росии государство». Великодержавный статус в те времена утверждался вовсе не внутренним единством, на которое указывал термин «Великая Россия», а владением

⁸ Бибилов М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997. С. 115. Прим. 105.

⁹ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 247–258.

московским государем разными статусными «престолами». Иван Грозный именовал себя «великий государь царь и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных государств, и великий князь Новгорода Низовской земли, Черниговский» и пр. Лжедмитрий I писал: «Мы, пресветлейший и непобедимейший монарх Дмитрий Иванович, Божию милостию цесарь и великий князь всея Росии, и всех Татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей государь и царь». Новые государства под своим скипетром русские цари продолжали прибавлять весь XVII в. После присоединения Украины Алексей Михайлович в 1654 г. писал «всея Великия и Малыя Росии самодержец», не забывая перечислять остальные свои «престолы». После Андрусовского перемирия 1667 г. в его титул вошла Белая Россия, Белоруссия. Пётр I именовался: «Пресветлейший и державнейший великий государь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский и царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода, Низовской земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея северныя страны повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчичь и дедичь и наследник и государь и обладатель».

Выборным представителям «всей земли», собравшимся в 1612 г. в Ярославле, это титульное разделение областей, народов и старинных престолов не подходило. Оно не устраивало выборных ни в принципе, т.к. отражало результат в основном побед и завоеваний, а не добровольного объединения, ни конкретно, раз завоевателем выступала Москва, предавшаяся пыле иноземному и иноверному неприятели.

Словом «Россия» выборные люди обозначали именно единство всех народов страны, а термином «Великая» подчёркивали, что выражают волсизъявление равных поданных всего обширного государства, представителей всех его 50 уездов, без различия социального статуса, национальности, языка и вероисповедания. Это общее государство было православным. Само Всенародное ополчение собиралось, чтобы спасти православную веру и избрать «всю землёю» православного царя. Но — обязательно в интересах всех народов страны. Не даром в числе первых к Ополчению и «Совету всей земли» присоединились татары, мордва и коми-пермяки.

Здесь кроется ещё одна интереснейшая особенность «Великой России» как термина, обозначившего воссоздание Русского государства всем народом, людьми всех земель державы, на исконных русских демократических началах. В Древней Руси, как я уже показал в книге «Александр Невский», изначально было принято не навязывать русскую веру и законы иноязычным, например, финно-угорским народам, вместе с которыми славяне создали единое государство. В XIII в., перед нашествием Батыя, даже исконно входившие в состав Руси нерусские племена, вроде ижорян, всё ещё сохраняли собственную веру, законы и самоуправление. Православие, Русская Правда и княжеская администрация им ни в коей мере не навязывались¹⁰. Поддан-

¹⁰ Богданов А.П. Александр Невский. М., 2009.

ные Московского государства и Великой России, невзирая на их различия, считались равными. И в XVII в., после Смуты и значительного укрепления государства Земскими соборами, «обида» со стороны русского воеводы, например, тунгусам, и вмешательство в их дела карались весьма сурово. «Титульный народ» и официальная вера с X в. были — а вот национальное и религиозное угнетение русской народной и государственной культурой исключались принципиально.

В этом состояло радикальное отличие Великой России от стран Запада, где подавление и истребление чужой веры и культуры, часто вместе с чужими народами, считалось нормой. Эта внутренняя культурная слабость, страх перед всем «чужим», понимание отношений с «чужаками» только в рамках господства и подчинения, породили столько злодеяний, что Западу не замолить их до конца времён. Сейчас, когда власти в нашей стране приняли западную парадигму и полагают очевидный приоритет русского народа и русской культуры в стране залогом национальной розни, полезно вспомнить пример добровольного участия представителей разных народов и конфессий в спасении русского православного государства и создании Великой России.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

Но может ли быть Великая Россия без Москвы? На этот вопрос многие отвечали положительно, предлагая избрать царя «всю землёй» в Ярославле, а затем уже «очищать» столицу. Пожарский говорил — нет. После освобождения Москвы он добился того, чтобы московское духовенство и знать вместе с восьмьюстами делегатами от сословий всех 50 уездов России

приняли участие в выборах царя. Собрать народных представителей со всех уголков страны, где ещё шли боевые действия, было не просто. Лишь 21 февраля 1613 г., после долгих прений, на престол был избран Михаил Романов.

Для истории важна была не кандидатура царя (сам Михаил почти не правил), а процедура воцарения. Грозный, Годунов, Шуйский и Владислав — до, Алексей, Иван и Пётр Романовы — после, оформляли своё воцарение избранием. Но настоящие, соответствующие всем демократическим канонам выборы были одни — и они не завершились коронацией Михаила. Земский собор остался и работал подряд девять лет (три созыва, в 1613—1615, 1616—1618 и 1619—1622 гг.)¹¹. Подобное было тогда лишь в итоге революции в Нидерландах, где Генеральные штаты остались укреплять страну и после избрания Вильгельма Оранского.

Важнейшей проблемой, которую представители Великой России решали на Соборе, были государственные финансы. Ещё когда Минин и Пожарский шли на Москву, ополчение чётко ставило вопрос о том, что надо кончать с бесконтрольным распределением средств одной Москвой. Несмотря на страшное разорение, потребовавшее неоднократных экстренных сборов, финансовую систему удалось наладить.

Не менее важной задачей Собора было строительство снесённой войной администрации. Народные представители помогли воссоздать центральные ведомства-приказы и их инфраструктуру на местах. Они горячо поддерживали восстановление власти воевод в городах и уездах, вернув выборным учреждениям их прежние, сугубо земские функции.

¹¹ Черепнин Л.В. Земские соборы ... С. 216—239.

Земский собор обсуждал, как восстанавливать города и дороги, возвращать на места жителей, возрождать сословия и корпорации, налаживать торговлю и судопроизводство, совершенствовать законы.

Собор решал важнейшие вопросы войны и мира. В Белое море, по решению английского короля и парламента, явилась военная экспедиция: «Мы де хотим помочь!» — «Отказать!!» А как мириться со шведами: «на города или на деньги»? Решили отдать деньги, зато вернули Новгород, который, после восстановления, окупили эти расходы.

Земские представители собирались в критические моменты весь XVII век, вплоть до самовластия Петра, так что самодержавие Романовых в значительной мере создано ими. Это не избавило Россию от восстаний не представленных Соборами, а потому обделённых крепостных крестьян и казаков. Но самые опасные, грозящие существованию государства конфликты решить помогло.

ЖЕРТВЫ СМУТЫ

«Растлеваемо было богатство, оскудевали красота и слава, отринуто от любви человеколюбия уходило с земли нашей родовое владычество, оскудели города, оскудели люди. Не оскудела мерзость, и вырос плод греха, взопло дело беззакония, и возненавидели друг друга, и умножились среди нас падения...»

За Великим разорением на Россию надвигалась Смута — время гражданской войны и иностранной интервенции, когда полки неприятелей проскакали по могилам казнённых самодержцами полководцев до Волги, когда разорённый и умирающий от голода народ восстал на своих правителей, а те погрязли в междоусобии и в погоне за призрачной властью готовы были продать страну иноземцам, когда мужественные и честные не знали, на чьей стороне правда, когда лютые преступления против человечности ежеминутно множились и те из духовных пастырей, кто не предал, призывали к массовому человекоубийству во имя Господа... Страшна была война, и не менее страшное наследие оставила она в душах людей.

«Что творите, окайнные?! Сотворите единое покаяние, познайте прегрешения ваши, помилуйте паготу свою! И ни один не покался, не нашел в себе хоть малого смирения», — автор остановился, прозревая страшную участь Российского государства. Так древле Адам, преступивший Божью заповедь, был извержен из рая, потому что «не покался к Творцу своему и Создателю, да победит грехи покаянием. Если бы сначала смирился — не навел бы всему роду своему напасть!» Но человек

ничему не научился, и вместо того чтобы с раскаянием заглянуть в собственную душу, всюду ищет виновных: объективные обстоятельства, происки тайных врагов...

Человек отложил гусиное перо и отошел от резной дубовой конторки, на верхней крышке которой лежала стопа чистой пемецкой бумаги. Лишь несколько листов были свернуты в тетрадь; на верху её первой страницы значилось: «СЛОВЕСА ДНЕЙ, И ЦАРЕЙ, И СВЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ», а под заголовком мелко: «Сие князь Иванова слогу Андреевича Хворостинина»¹².

СЛОВЕСА ДНЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мелкие частые окошки освещали богатую горницу новопостроенного княжеского терема. Лучики света искрились на золотом шитье покрывавшей стены парчи, заставляли гореть гасившее звук шагов малиновое сукно на полу. За окнами сверкала свежим деревом омытая недавним дождем восставшая из непа Москва, плыли в голубом небе светлые кресты церквей, не успевшие потемнеть от непогод. В мягких, тисненой кожи цветных сапогах и длинном широком домашнем кафтале из тонкого узорчатого бархата князь медленно мерил шагами расстояние от низкой, с тяжелым засовом двери до рукописи на конторке. Со двора, через круглые в свинцовом переплете стеклышки окон, смутно доносился голос супруги, распекавшей дворню. Назойливо гаяло воронье, гоняемое холопами от жита, еще не сложенного в амбары.

¹² «Словеса» И.А. Хворостинина опубликованы: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909. Ст. 525—558 (Русская историческая библиотека. Т. 13).

Макнув перо в неистребимые, песмываемые темно-коричневые чернила, князь Иван Андреевич Хворостинин начал новую строку: «Я же, сколько слышал и сколько видел, никак не могу утаить». Он писал, обращаясь к читателю с просьбой верить ему: «Страна Русская и преславный град Москва свидетель словам моим!» Главное, думал князь, писать без «рассечения» правды на упрощенные односторонние взгляды и оценки, не скатываться к голому обличению и восхвалению, продуктам нетерпимости. Воспоминания о Смуте должны быть уроками, а не приговорами.

Итак, страшный голод начала века. Во главе государства — захвативший власть царь Борис Годунов, из бояр. Человек не знакомый с книжным учением, но талантливый. Жался гибнущих подданных «благоразсудным милосердием», он приказывает кормить людей государственными запасами зерна, раздает деньги, «оскудевая собственные сокровища», совершает подлинный подвиг человеколюбия. Превосходя в милости всех прежних владык, Годунов создает даже специальные команды для христианского погребения погибших от голода.

Годунов был «лукав правом и властолюбив», но в то же время — великодушный строитель, украсивший города; он укротил лихоимцев, завоевал авторитет в мире и мудростью «как добрый гигант облекшись, принял славу и честь от государей». Однако правил он, разделяя и сталкивая людей. «И озлобил людей своих, и поднял сына на отца и отца на сына, сотворил ненависть и коварство в домах подданных». Годунов поднял рабов на господ, подневольных «рабочих людей» на свободных, столкнул знать и администрацию, низверг и погубил великое множество «благородных».

Конечно, не деятельность Годунова, а страшные последствия Великого разорения вели страну к Смуте, но Хво-

ростинин верно заметил, что правление Бориса обострило социальные противоречия (достаточно вспомнить указы о закреплении крестьян и законы о холопстве). Чувствуя, как шатается трон, Годунов «с колдунами совокупился, гадая о будущем, и надежду свою возложил на чародейство». В то же время он творил свой культ, заставляя поклоняться себе, как богу. По безвременной кончине Борис был многими оплакан и с великой честью похоронен.

Сам князь Иван Андреевич юношей присутствовал на похоронах царя Бориса и имел право написать о том, что все тогда головы «от печали восклонили». Сын и наследник Годунова Федор Борисович был всем хорош, но обречен на гибель вместе с переданной ему отцом властью. Поднявшегося тогда Лжедмитрия I Хворостинин обличает как законопреступного обманщика — но обманулись многие, и из Москвы «все навстречу вышли ему и с обилием богатства радостно встретили» нового владыку.

Что бы ни говорили и ни писали после, в столице *все* «беззаконного царя владыкой хотели», а на семью Бориса *все* «разъярились». Именно массы москвичей изгнали царя Фёдора Борисовича из дворца и заточили его вместе с родными за приставы, то есть по разным домам. Людям Лжедмитрия оставалось только взять веревку и задушить заключённых. «Дивным видением» назвал Хворостинин извержение из Архангельского собора тела Бориса Годунова, когда все вдруг увидали, что тот, кого недавно оплакивали, «убил безвинных много»: сколь быстро изменилась точка зрения людей на владыку, которого они сами положили рядом с царями.

Общество было охвачено желанием перемен, все ждали от нового царя улучшения своей участи: крестьяне, повергнутые в крепостное бесправие, восставшие против своих господ хо-

лопы, десятки тысяч беглецов, покинувших Россию и показавшихся, оголодавшее воинство и обнищавшее дворянство, уставшее от опал боярство, умиравшие от голода ремесленники и торговцы, богатое и бедное духовенство... Московский «святительский чин и архиерейский собор с жителями благолепно почтил беззаконного (Лжедмитрия I) со святыми иконами, все народы Москвы ублажили его псалмами и песнями, и вся страна склонилась к его восхвалению».

Среди знати, окружившей трон нового царя Дмитрия Ивановича (как назвал себя монах-расстрига Григорий Отрепьев), был и потомок ярославских князей, сын известного опричника и боевого воеводы (недавно скопчавшегося) князь Иван Андреевич Хворостинин-Старков¹³. Овеянный романтикой драматической легенды и славой мужественного воина, доброжелательный и дерзкий в планах, умный, начитанный и ловкий, Лжедмитрий I увлекал придворную молодежь грандиозными замыслами, призраком будущей славы и удалым разгулом в настоящем. Потрясенный открывшимся перед ним полем деятельности, Хворостинин активно впитывал ворвавшуюся в московские терема западноевропейскую культуру, изучал латынь, беседовал с католическими и лютеранскими богословами.

В скором времени князь Иван стал ближайшим слугой и участником всех развлечений государя, в том числе дурного свойства, типа лихих налетов на женские монастыри. По мо-

¹³ О жизни и деятельности И.А. Хворостинина см.: *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 182—203; *Зеньковский С.* Друг самозванца, сретик и стихотворец князь Иван Андреевич Хворостинин. Нью-Йорк, 1956; *Семенова Е.А.* Русская общественная мысль первой половины XVII века (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина). Автореферат дис. канд. ист. наук. Л., 1982; *Анашкина И.В.* И.А. Хворостинин — писатель первой четверти XVII века. Автореферат дис. канд. филол. наук. М., 1989.

лодости и неопытности Хворостинин сумел досадить многим, даже нидерландскому резиденту Исааку Массе, в своих воспоминаниях назвавшему князя «надменным и все себе позволявшим мальчишкой»; хитрый голландец отомстил ему, бросив с пера уже столетия смущающую историков фразу, что Лжедмитрий «растлил 30 девиц и юного князя Хворостинина»¹⁴.

Когда Хворостинин уже в зрелом возрасте писал свои «Словеса днй, и царей, и святителей», он понимал, что Лжедмитрий оказался недостаточно «крепок» для трона, имея при внешнем блеске «мерзость запустения в сердце»; что он «не царь, а законопреступник и хульник иноческого жития, а не владыка, не князь». Но главным орудием свержения Лжедмитрия стали религиозные мотивы, прикрывавшие разочарование многих и личные интересы организаторов переворота.

О том, насколько значительный эффект имело «неблагочестие» Лжедмитрия I, свидетельствует такой эпизод, приведенный князем в «Словесах». Царь в разгар своих холостяцких приключений возвёл потешный дворец, полный всяческих выдумок и богато украшенный, гордо похваляясь этим «не господственным делом». Князь Иван, будучи наиболее любимым его приближенным, горько укорил царя: «Блуднические хоромы златом довольно украсив, мнишь оставить по себе вечную память», возносясь над самим Богом, вместо того чтобы возвести храм. Потрясенный этим упреком, Лжедмитрий стал наедине расспрашивать князя Ивана: «Ты ли злое помыслил на меня?!» — «Нет, — отвечал Хворостинин, — я не отрёкся от тебя и не отрекусь, более всего своего спасения хочу зреть твое здравие, но не воздам чести тебе, царю-человеку, более славы Божьей. От твоей милости, самодержец, никакое зло

¹⁴ Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 208.

не может меня отторгнуть, кроме низвержения христианского закона».

Лжедмитрий не разгневался, лишь закрыл Хворостипину рот рукой, не желая слышать уприсков. Но он и не прислушался к предупреждениям сторонников, ибо, своей мыслью и делами возвысившись, считал возможным «устроить самодержавие выше человеческих обычаев», невзирая на мнение других. Он сверг уважаемого всеми патриарха Иова и поставил на его место верного себе Игнатия, деятельность которого заставила боголюбивых людей пролить потоки слёз.

Пока Игнатий «сердца сокрушал любящих Господа», Лжедмитрий женился на Марине Мнишек, причем верный ему Хворостинин как кравчий наливал молодым вино за царским столом. В «Словесах» князь благоразумно опустил этот эпизод, но гневно воскликнул: «Царским венчался венцом, суший отступник!» Падение Лжедмитрия I было предрешиено.

Организатор его убийства князь Василий Шуйский захватил власть хитростью, улепив знатных показным смирением, остальных — подарками и обещаниями. Издревле Шуйские «были властолюбцы, а не боголюбцы», хоть и подняли знамя спасения веры! «И так принял Василий хоругви царские многими своими трудами, и отёр пот своей злой и лестной измены».

Хворостинина передергивало от ярости, когда он писал о Шуйском — бездарном правителе, несколько лет тащившем страну по кровавым ухабам затяжной гражданской войны. Но князь не мог не отметить, что сразу по приходе к власти царь был весьма внимателен и милостив к подданным, «милостивос всем людям благодаяние обещал сотворить и теми словами христианское множество желал любовью возжечь и в благохвальное состояние привести».

Без всякого понуждения Василий Шуйский публично, в соборной церкви, поклялся царствовать справедливо и на благо подданных, а с народа взял клятву верности. «Но разве человеческая природа знает желание свое?» Своим неискусным умом Шуйский сам нарушил клятву, «и поднялась на него держава его, и престушили клятву, которой клялись ему, и во дни его всякая правда уснула, и суда истинного не было, и любовь к чести иссякла».

Среди всех, выступивших против Шуйского, Хворостинин справедливо выделяет участников Крестьянской войны под руководством Ивана Исаевича Болотникова. Именно эти люди, «бросив плуги свои, и одевшись в брони, и препоясавшись оружием», стали громить правительственные полки и брать один за другим города. Знать, «братия» князя Ивана Андреевича, терпела поражения «от единоплеменных». И вновь автор не только укоряет царя Василия, который «в туге и скорби был», но и отдаёт должное упорству, с которым тот «утверждался и сопротивлялся» крестьянской армии: «когда своих воинов губил, когда их (восставших) многое ополчение разбивал и бесчисленную кровь врагов своих различно проливал».

Хворостинин глубоко прозревал изменения, происходившие в Шуйском, царившем в Москве, когда против него поднимались одна за другой земли Руси, толпы искателей поживы из Речи Посполитой и Швеции заполняли страну. Как и Годунов, царь Василий метался от благочестивого украшения храмов к чародейству и гаданию, «неверием от многого сетования объят был и в буйство уклонился», стал прислушиваться к «ложным шептаниям» и «своих людей оскорбил, злосердием движим». Оскорбляя православных, он окружил себя толпой лживых наветчиков, «изменив свой первоначальный обычай», и долго безуспешно боролся со своими врагами.

Свержение Шуйского с престола было весьма неоднозначным событием: ведь не способный одержать победу над восставшими против «боярского царя», царь Василий всё же олицетворял собой единство пусть и охваченного междоусобицей государства. Когда прославленный воевода князь Фёдор Иванович Волконский «и с ним иные мелкие дворяне», не испугавшись жестокой расправы над участниками предыдущих заговоров, схватили Шуйского прямо во дворце, гражданская война в России вошла в решительную и самую кровавую стадию.

Размышляя над этим событием, князь Хворостинин признает, что Шуйский дал основания для ненависти к себе и не случайно «в пятое лето державы его наполнились лютой ревностью» люди на него и братью его, поднялись от бояр и до простолюдинов, но, считает автор, их нельзя одобрить, — поднялись, «подстрекая и подущая малоумных и не имеющих страха Божия, полагающих свет во тьму, пазывая горькое сладким и сладкое горьким, не боясь крестной клятвы, завистью и гневом отлучили царя от престола».

Эта оценка тем более удивительна для того черно-белого времени, когда в ожесточении борьбы люди склонны были делить всех только на друзей и врагов, что сам Хворостинин сильно пострадал от царя Василия. «Как ты был при Ростриге (Лжедмитрии I. — А.Б.) у него близко, — гласило обвинение Хворостинину, — и ты впал в ересь, и в вере пошатался, и православную веру хулил, и постов и христианского обычая не хранил, и при царе и великом князе Василии Ивановиче всеа Руси был ты за то сослан под пачало в Иосифов монастырь»¹⁵.

¹⁵ Сведения о первой ссылке И.А. Хворостинина приведены в грамоте царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича Романовых от января 1624 года об освобождении князя из вторичного заточения

Три или четыре года молодой князь провел в заточении в цитадели иосифлян — Иосифо-Волоколамском монастыре, стоявшем в первых рядах борьбы против «еретичества». Падение его политического врага — Шуйского — освободило Хворостинина из заточения и позволило ему вернуться в Москву. Следовало подняться не только над своим временем, но и над собой, чтобы оценить свержение Шуйского как преступление. Даже современные нам историки считают стремление Хворостинина отказаться от односторонности оценок неестественным, манерным. Между тем для князя Ивана Андреевича это была не только хорошо продуманная, но и выстраданная позиция. Упорство, с каким он старался взглянуть на события и героев с разных точек зрения, не было искусственным литературным приемом: это был протест личности против грозящих уничтожить её и весь мир политических и идеологических пристрастий.

Позиция Хворостинина особенно ярко проявилась в повествовании о патриархе Гермогене — одной из крупнейших фигур Смуты. Говоря о Гермогене, обычно вспоминают его пламенный призыв к всенародному ополчению против интервентов, за который он погиб в заточении голодной смертью. Этот подвиг обычно заслоняет сложные перипетии биографии Гермогена, ставшего архиепископом Казанским еще в правление Бориса Годунова, а в Москву приглашенного Лжедмитрием I, который даже ввёл его в сенат. Правда, довольно скоро Гермоген примкнул к противникам самозванца и был выслан

(в Кирилло-Белозерском монастыре). Грамота содержит обзор всех прежних «прегрешений» Хворостинина и церковных преследований, которым он подвергался, излагает приговор князю, вынесенный Освященным собором в конце 1622 года. См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. СПб., 1822. Ч. 3. С. 331—332. № 90.

из Москвы за публичную критику его католических симпатий. На Патриарший престол Гермоген был возведён волей Василия Шуйского, которому преданно служил. Именно Гермоген руководил расправой над Хворостининым, так что у того были все основания негативно отзываться о патриархе. И все же в «Словесах дней, и царей, и святителей» Гермоген — наиболее положительный герой!

При Шуйском, писал князь Иван Андреевич, Гермоген «украшал святой патриаршеский престол». «Видел добрый пастырь царя малодушествоющего, много помогал ему своим искусством и не смог спасти того, ради которого принял от всех людей многие беды». Гермоген, по словам Хворостинина, был «истинный пастырь наш и учитель изрядный». Князь Иван не хотел обманывать читателя, представляя Гермогена идеальным духовным вождём. Как и все русские люди в Смутное время, патриарх испытывал колебания и делал ошибки. В ряде случаев паства ополчалась на высшего иерарха, в свою очередь Гермоген выступал против большинства. Иногда патриарх «уязвлялся страхом перед людским шатанием, иногда безстрашием украшался». Главное — он являлся кротким учителем, кротостью поучая людей следовать божественному уставу.

Дойдя до рассказа о Гермогене, Хворостинин отошёл от хронологической последовательности в изложении: он был целиком захвачен мучительными размышлениями, душевной болью, сомнениями относительно этой фигуры Смутного времени, в которой для князя Ивана Андреевича зримо выражалась роль церкви в разделённом гражданскими конфликтами обществе. Те, писал Хворостинин, кто получал от патриарха благословение, низринули его с пастырского престола. «Я видел неиствующих на его величие, и распылался мыслью своей, и душой болел за него, ибо видел пастыря, пораженного своими

козлицами, которые вместо волков бодали и уязвляли своего владыку. Хотя я больше всех перенес от него гонений и граблений, жил в тиранинстве под его властью (имеется в виду заточение. — А.Б.), но никогда не мыслил на него лукаво, а больше всех скорбел о нём, и стремился спасти его, и не мог спасти, потому что его гневом был обращен в ничто!»

Человек, которого Гермоген объявил еретиком, сумел оценить положительные качества своего гонителя, «истинное свое и благочестивое исправление ему отдать». В немногих словах на частном примере Хворостинин показывает трагизм борьбы с «еретичеством», бывшей по людям, сохранявшим свою совесть и человеческое достоинство. «Любимые и славные» для Гермогена люди призывали Хворостинина стать, как и они, тайным врагом патриарха, «обещая... — пишет князь, — многотысячнос обогащение», надеясь заставить переступить через свою совесть «юности моей ради». Но Хворостинин сохранил верность Гермогену и верность себе.

Недаром в критический момент гражданской войны, когда захватившее власть после свержения Шуйского правительство Семибоярщины призвало на московский престол польского королевича Владислава и волны интервентов заливали всю страну, «украшенный сединами» патриарх со слезами обнял молодого Хворостинина: «Ты более всех потрудился в учении, ты ведаешь, ты знаешь». «Книжное любомудрие» князя Ивана Андреевича более не вызывало у патриарха подозрений, напротив, Гермоген надеялся, что искушенный в науках юноша поймет его позицию. Я никогда не призывал в Москву интервентов, говорил патриарх, это ложь, что я вооружаю и поддерживаю «несоинверное воинство, которое, нарушив клятву, обладает нами через свое слово. Вы свидетели моим словам: я никогда такого не говорил! Одно проповедовал вам: облекитесь в ору-

жие Божие, в пост и в молитвы... Се оружие православия, се сопротивление в вере, се устав закона! А кого нарекли царем (то есть Владислава. — А.Б.), если не будет единогласен вере нашей, не будет нам царём! Если же будет верен — да будет нам владыка и царь!»

Во время этого разговора Хворостинин был ещё при дворе, участвовал (как и Гермоген) в таких событиях, как отправка посольства к осаждавшему Смоленск королю Сигизмунду с прошением отпустить на московский престол его сына Владислава. Автор сочинения «Словеса дней, и царей, и святителей» не снимает с себя ответственности за последовавшие трагические события, не старается задним числом разделить людей на патриотов и «изменников», как это было свойственно историкам. Те, кто, несмотря на протест Гермогена, насильственно постриг, а затем и выдал врагам Василия Шуйского, «обольстили нас и так, благодаря многим обманным речам и легкости ума *нашего*, столицу нашу захватили и народ оскорбили». Лишь когда Сигизмунд арестовал посланное к нему посольство и после кровопролитной осады взял город Смоленск, защитники которого погибли, но «не сдались, не преклонили перед врагом головы своей», после ужасающей резни, устроенной интервентами в Москве, позиции людей определились.

На место раздора гражданской войны пришло объединение сил в патриотическом Всепародном ополчении, выступившем против интервентов и тех русских, которые «как враги единоплеменникам своим были, пожигая и губя нас». Патриарх Гермоген, отказавшийся сотрудничать с изменниками и их хозяевами-поляками, был заточён и уморен голодом в Чудовском монастыре в Кремле. Прошло время, и князь Хворостинин, уже закаленным во многих сражениях воином, смог вернуться к своему духовному отцу.

Соратник Минина и Пожарского, князь Хворостинин одним из первых вошел в освобожденный Кремль и узнал у немногочисленной уцелевшей братии Чудова монастыря, где похоронено тело нового мученика — Гермогена. Плач Ивана Андреевича над гробом патриарха — одна из искреннейших и драматичнейших страниц древнерусской литературы. Суровый воин, не стыдясь слез, оплакивал Гермогена как любимого отца и «заступника веры нашей».

Но тут же, над гробом, поразило князя Ивана Андреевича мучительное сомнение, сопровождавшее его потом многие годы. Он «вспомнил и был ранен мыслью», что, как говорят, патриарх призвал людей к вооруженной борьбе с интервентами, рассылал письма, поднимавшие народ на восстание. Может ли духовный пастырь способствовать массовому кровопролитию («а кровь пролилась великая от его учительства»)?! И пришло Хворостинину на ум «преподобного Ануфрия Великого слово: «Лучше биту быть, чем бить, укоряему быть, а не укорять, и принимать бьющего, как милующего, и оскорбляющего, как утешающего». Вспомнил князь и сходные мысли апостола Петра. «И так подумал: недостойно духовному лицу дерзать на поучение к кровопролитию, следует ему отстраняться и удаляться от мирского, как учит нас преславный псалмист пророк Давид, говоря к Богу: «Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего!» И ведь Господь ему создать храм не повелел, говоря: «Пролил ты много крови и не возведешь церкви моей»».

Мысль о том, что слово духовного лица может рождать ненависть между людьми, сталкивать народы в кровавой битве, терзала христианскую душу Хворостинина. Сам он не видел греха в том, что, как воин, поднял меч на защиту российской государственности. Хворостинин и далее продолжал военную

службу. В начале 1613 года князь уже воеводствовал во Мценске, обороняя границу от польских войск, сражаясь с казаками Заруцкого. Затем, до октября 1614 г., в числе пограничных «больших воевод» Хворостинин командовал Сторожевским полком, базировавшимся в Новосили. Неприятель был отбит, и в течение трех лет Иван Андреевич мог наслаждаться миром.

В 1618 г. королевич Владислав предпринял новое решительное наступление на Москву по Смоленской дороге. С юга его поддерживала армия гетмана Сагайдачного. Казаки рвались к русской столице, сметая стоящие на их пути крепости, но от Переяславля-Рязанского, где обороной командовал князь Хворостинин, враг был отбит. За защиту города 13 марта 1619 г. воевода был пожалован «у царского стола» драгоценным кубком и собольей шубой ценою в 160 рублей. Но даже во время упорных боев с неприятелем Хворостинин не забывал поразившей его мысли о причастности духовного пастыря к кровопролитию, особенно страшному, когда политические враги оказываются врагами идейными.

Командуя обороной Переяславля, Иван Андреевич беседовал об этом с архиепископом Феодоритом, «вопрошая его о посланиях патриарха — как тот прельстил народы и ополчение ваше к своей гибели поднял? Он же (Феодорит. — А.Б.), духовной ради любви, во внутреннюю комнату пошёл и письмо самой патриаршеской руки дал мне». На этом «Словеса дней, и царей, и святителей московских» во всех известных списках обрываются, и завершение мысли Хворостинина нам неизвестно. Возможно, князю слишком тяжело было продолжать...

Полагают, что он писал свои «Словеса» по возвращении с войны в 1619 г. Религиозная нетерпимость, вспыхнувшая в России в Смутное время и принесящая стране бесчисленные дополнительные жертвы, ещё более усилилась тогда в связи с воз-

вращением из польского плена митрополита Филарета (отца молодого царя Михаила Романова), вскоре ставшего российским патриархом¹⁶. Слова «католик», «латинянин» звучали в Москве как «злейший враг». Настрадавшийся в плену, Филарет испытывал жгучую ненависть к иноверию, и католичеству в особенности; укрепление этой ненависти в пастве он считал особо важной миссией Патриаршего престола. Для искоренения действительного или мнимого «латинского влияния» в России применялись чисто инквизиционные методы...

ПОД НАДЗОРОМ

Мы не знаем, что написал или хотел написать в конце своего сочинения Иван Андреевич Хворостинин относительно религиозной нетерпимости Гермогена, но нам хорошо известно, какой протест вызвала у князя церковная политика Филарета. По мере гонений на католиков (а пленных этого вероисповедания было довольно много в Москве) Хворостинин всё более сближался с гонимыми, принимал их у себя в доме, не гнушаясь беседой не только с иноверцами, но и с самими католическими священнослужителями. В доме образованного придворного находились латинские книги и религиозная живопись.

Заслуженный воевода считал себя вправе противостоять наследию Смуты и демонстративно почитал «заодин» православные иконы и католические картины. Он не желал делать различия между греческими и латинскими сочинениями или разделять людей не по разуму и образованности, а по вероисповеданию. Такое поведение не могло не раздражать не

¹⁶ О нём подробнее см.: *Смирнов А.* Святейший патриарх Филарет Никитич // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1874. № 2.

только церковные власти, но и людей, зараженных церковным ханжеством эпохи. Даже приятель Хворостинина, известный литератор и стихотворец князь Семен Иванович Шаховской (тоже из рода ярославских князей), сам подвергавшийся церковным преследованиям, в письмах выговаривал Ивану Андреевичу за высокоумие и гордость, за упорство, с которым тот спорил по вопросам истории церкви, «превозношаясь многим велеречием и гордясь... фарисейски, думая выше всех людей знанием божественных догматов превзойти»¹⁷.

Легко представить себе реакцию на такое поведение патриарха Филарета, который, по отзыву архиепископа Астраханского Пахомия, «возраста и сапа был среднего, божественное писание отчасти разумел, нравом опальчив и мнителен, а властолюбив был настолько, что сам царь боялся его; бояр же и всякого чина людей царского совета сильно томил необратимыми заточениями и иными наказаниями; к духовному же чину милостив был и не сребролюбив; всякими же царскими делами и ратными владел...»¹⁸

Если Хворостинин думал, что ратные заслуги или придворный чин стольника, знатность рода или образованность ограждают его от посягательств духовных властей, он сильно ошибался. Патриарху ничего не стоило приказать провести в княжеском доме обыск, чтобы отобрать все латинские книги, рукописи и картины, да ещё объявить, будто князь с католиками «в вере соединился». Иван Андреевич, по словам Шаховского, «вселичался в рабах своих», обращая свои речи к холопам. Па-

¹⁷ Цит. по: *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. С. 187.

¹⁸ Цит. по рукописям: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Ф. 256 (собрание Румянцева). № 413. С. 2341; Центральный государственный архив древних актов. Ф. 181 (собрание МГАМИД). № 20/25. Л. 805; и др.

триарх показал князю, что перед властью тот сам холоп. Только по государственной милости, было объявлено Хворостинину: «Наказанная тебе не была никоторого». Князю было приказано: «Чтобы ты с еретиками не знался, и ереси их не перенимал, и латинских образов и книг у себя не держал».

Не блещущему начитанностью патриарху было лучше известно, что человеку следует читать и с кем общаться. Надо сказать, что почтение Хворостинина к образованности вообще было глубоко противно российским церковным иерархам его времени. Подобным образом пострадали игумен Троице-Сергиева монастыря Дионисий, старцы Антоний Крылов и Арсений Глухой и священник Иван Наседка¹⁹. Эти люди, известные своим участием в борьбе с интервентами в Смуту, после победы отважились сравнить 20 списков Требника, чтобы исправить при издании вкравшиеся при многократном переписывании ошибки. За эту непростительную дерзость они в 1618 г. были брошены в кандалы в тюрьму. Как писал много лет страдавший в опале Арсений Глухой, осудившие его церковные иерархи «не знают ни православия, ни кривославия»; «есть иные и таковы, которые на нас ересь возвели, а сами едва и азбуку знают, а что восемь частей речи разуметь, роды, числа, времена и лица, звания и залого — то им и на разум не всхаживало, священная философия и в руках не бывала». Даже гораздо позже, в 1645 г., официально считалось, что таланты не развиваются учением, а «даются от Бога». Именно так ответили на просьбу о разрешении преподавания в Москве константинопольскому учителю Венедикту, выговорив при этом, что «при

¹⁹ Об их осуждении см.: *Скворцов Д.* Дионисий Зобнинский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. Тверь, 1890; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 316—320; здесь же рассказывается о противниках Дионисия с товарищами, которых мы упомянем ниже.

патриархе неприлично и крайне дерзко младшему по сану называть себя учителем и богословом». В порядке вещей был и донос, что человек учится «греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть», «кто по-латыни учится, тот с правого пути совратится» и т.п.²⁰ Так что запрещение Хворостинину читать латинские книги было даже довольно мягким.

Ивану Андреевичу тяжелее было ощущать себя поднадзорным, духовным невольником. В атмосфере страха и подозрительности он не мог найти себе единомышленников. Люди таили свои взгляды, если они хоть сколько-нибудь отличались от мнения начальства. Лучше всего было взглядов не иметь, ибо кто мог предсказать, что будет названо ересью завтра? Не видя для себя выхода, Хворостинин озлобился. Он писал памфлеты, где были, по оценке судей, «про православную христианскую веру непригожие слова и про всяких людей Московского государства многие укоризны и хульные слова». Писал князь для себя, изливая на бумаге душу и никому не показывая написанное. Эти прозаические и стихотворные произведения были впоследствии изъяты при новом обыске и уничтожены, списков их не сохранилось.

В уничтоженных книжках Хворостинина, как гласит обвинение, были эпиграммы на разных лиц, насмешки над московскими обычаями, когда, например, поклоняются иконам по подписи: раз написано, будут кланяться и подделке, а если образы «не подписаны — и тем не кланяются». В стихах Хворостинина встречались едкие афоризмы, типа запавшего в память судей двустипшия, что московские люди

²⁰ Подробнее см.: *Богданов А.П.* К полемике конца 60—начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986.

Сеют землю рожью,
А живут все ложью!

С горечью писал стихотворец, что у него нет «никакого приобщения» с людьми, среди которых он живет.

Ограниченный в контактах в Москве, где, как в раздражении говорил князь, «людей нет, всё люд глупой, жить... не с кем», Хворостинин просился на посольский съезд на границу с Речью Посполитой (но был, разумеется, отправлен в другую сторону — на пограничье против ногайцев). Власти полагали, что Иван Андреевич хотел сбежать в Литву. Возможно, такая мысль у него появлялась, потому что в разговорах Хворостинин упоминал о желании проситься у царя в поездку в Речь Посполитую и Италию. Уже тогда это считалось «изменой», ибо русский человек не должен хотеть съездить за границу!

Повторный обыск в доме Хворостинина, проведенный в конце 1622 г., дал материал для обвинения, ставшего важным прецедентом в политическом преследовании инакомыслящих. На основе личных рукописей Ивана Андреевича (не перенесенных даже писцом) осуждался образ мыслей, по мнению властей, недостаточно патриотический. «Понятно, — гласил приговор, — что такие слова говорил ты и писал гордостью и безмерством своим и в разум себе в версту (то есть в сравнении с собой. — А.Б.) не поставил никого. И тем своим бездельным мнением и гордостью ты всех людей Московского государства и родителей своих, от кого ты родился, обесчестил, и положил на всех людей Московского государства хулу и неразумие».

Власти подразумевали, что подданные должны иметь образ мыслей восторженный и почтительный. А в бумагах Ивана Андреевича было «сыскано», что не только отечественная

действительность в целом, но и сам государь Михаил Федорович не вызывает у автора слез умиления и назван «не по достоинству — деспотом русским, — а деспот значит по-гречески владыка или владетель, а не царь и самодержец». «А ты, князь Иван, не иноземец, — с изумительной простотой сообщал приговор, — московский природный человек, и тебе так про государево именование писать непристойно».

Обвинения светского характера весьма интересны с точки зрения последующей истории России, однако в приговоре Хворостинину они уступают место более важным для судей обвинениям в ереси. Это неудивительно, учитывая накал религиозной нетерпимости после Смуты и влияние патриарха Филарета, явно оттеснявшего на второй план своего кровного и духовного сына царя Михаила Федоровича. Сам повторный обыск у Хворостинина был проведен по подозрению церковных властей, будто он «начал жить не по-христиански и вникать в ересь».

Хуже всего, по мнению судей, было то, что Хворостинин вновь завел у себя латинские книги и картины вместо конфискованных в первый раз. Дальнейшие обвинения были построены прежде всего на доносах слуг князя, яркими красками описавших «в жизни его в христианской вере неисправление». Впрочем, и сам князь не боялся прямо излагать на суде свои взгляды, «сам, — удивленно отмечали судьи, — во многих таких непристойных своих делах вину свою объявил!»

В присутствии церковных иерархов суд под председательством царя Михаила Федоровича (номинально) и патриарха Филарета Никитича обвинил Хворостинина в том, что тот запрещал своим слугам ходить в церковь, «а говорил, что молиться не для чего, и воскресения мертвым не будет, и про христианскую веру и про святых угодников божиих говорил

хульные слова», то есть фактически отвергал христианское вероучение, а не просто был еретиком.

Эти взгляды князь Иван Андреевич якобы подтверждал всем своим поведением. Он стал «жить нехристианским обычаем», в том числе «беспрестани пить», не соблюдая ни постов, ни церковных праздников, не посещая ни храмов, ни даже царского дворца. Мы достаточно хорошо представляем себе последствия духовного гнета, чтобы оспаривать возможность пьянства окруженного шпионами и ежечасно ждущего ареста князя. Легко поверить, что, лишенный собеседников и единомышленников, Хворостинин «в 1622 году Страстную неделю пил всю без просыпу, и против светлого Воскресенья был пьян, и до света за два часа сл мясную пищу и пил вино прежде Пасхи», как гласит приговор.

Но обвинения Хворостинина в неверии в воскресение мертвых и другие догматы выглядят гораздо менее достоверно, тем более что приговор оставляет нас в неведении, какие, собственно, идеи отстаивал Иван Андреевич перед судом. Не соответствует этим обвинениям и назначенное Хворостинину наказание. «Отступник» не только от православия, но и от христианства в целом почему-то не был казнён смертью, хотя заподозрить патриарха Филарета и его приближенных в милосердии никак невозможно! За меньшую провинность легко было поплатиться головой, тем более что Филарет был способен репрессировать и более знатного человека. Когда дрожали бояре, окольные древнейших родов, стоящему ниже по лестнице чинов стольнику не приходилось надеяться на спасение.

«И за то довелось бы тебе учинить наказание великое, потому что поползновение твоё в вере не впервые и вины твои сыскались многие, — гласит приговор. — И по государственной

милости за то тебе наказанья не учинено никоторого!» Итак, светская власть вообще умыла руки. Церковная власть не дремала, но и её Фемида не была особенно непреклонной: «А для исправления твоего в вере послан ты под начало в Кириллов монастырь, и в вере истязан (то есть испытан. — А.Б.), и дал на себя в том обещание и клятву, чтоб тебе впредь истинную православную христианскую веру греческого закона, в которой ты родился и вырос, исполнять и держать во всём непоколебимо, по преданию святых апостолов и отцов, как соборная и апостольская церковь приняла, а латинской и никакой ереси не принимать, и образов и книг латинских не держать, и в еретические ни в какие учения не вникать».

Называя заточение молодого человека в далекое северном монастыре на неопределенный срок относительно мягким наказанием, мы исходим, разумеется, не из нормальных человеческих соображений, а из отечественных реалий: ведь к мучениям предварительного следствия и суда осужденному не было добавлено ни подземной темницы, ни кандалов, ни специального тиранства надзирателей (не говоря уже о том, что Хворостинина не сожгли на костре, не зажали в клетке и т.п.). Более того, в Кирилло-Белозерском монастыре Иван Андреевич через некоторое время вновь получил доступ к перу и бумаге. Благодаря этому мы можем несколько приоткрыть завесу над тем, что же происходило на церковном судилище в Москве в конце 1622 — начале 1623 г.

Приехав по зимнему пути на Белоозеро, узник застал в месте своего заключения не совсем ту обстановку, в которой желал видеть его патриарх Филарет. «Духовный отец» и распорядитель всего царства послал с конвоем инструкцию, дополняющую приговор Хворостинину требованием поместить узника в особую келью под постоянный надзор «житьем

крепкого» монаха, не выпускать заключенного из монастыря и запретить какие-либо свидания с ним. Особое внимание патриарх обращал на то, чтобы Хворостинин был ежедневно занят исполнением «келейных правил», церковным пением и т.п. Но монахи Кириллова монастыря, среди которых пребывали многие ссыльные и еще сильны были нестяжательские настроения, отнеслись к ученому князю с непозволительным, по мнению патриарха, добродушием. Обитатели монастыря, отразившие с оружием в руках интервентов, не испугались гнева самого Филарета. Они приняли Хворостинина как своего собрата-книжника (в монастыре была большая библиотека и книгописная мастерская), предоставили ему возможность работать и даже... отменили его отлучение от церкви, допустив к исповеди и причастию.

ОГНЕПАЛЬНАЯ ВОЛНА

В сочинениях, написанных в стенах Кириллова монастыря и бережно там сохранных (а впоследствии переписывавшихся), литератор имел возможность опровергнуть возведенные на него обвинения в неправославии. Он против многих ересей «книги изложил православными догматами, истинными священными словами соборной апостольской церкви греческого народа, ее же свет сияет и у нас единовременно, и передал благоверным, да научатся истине. Первое (обличение. — А.Б.) положил на восьмой римский собор, и второе — на Лютера, безглавого зверя, и на его единомышленных блядословцев Кальвина, Сервета, Чеховича и Будного, обитающих в разных странах. Еще же сотворил слово от Священного писания на Фроддианово писание злоумное и на опресночную римскую

службу и на иных отступников от правоверия, которые иначе мудрствуют»²¹.

В сочинениях Хворостинина против неправославных толкований христианского вероучения и церковного ритуала ясно показано, что его расхождения с Российской православной церковью были выдумкой судей. Не только воскресения и церковных праздников, но и почитания святых и икон писатель не отрицал. Он, по-видимому, считал необходимым более критически, чем было принято, подходить к канонизации святых и, как герой предыдущей главы — Артемий, видел в иконах прежде всего символ, напоминание о неких духовных ценностях и средство их познания (откуда проистекало его лояльное отношение к иным школам духовной живописи). Бытовое несоблюдение поста было связано как с жизненными обстоятельствами, так и с представлением о превосходстве духовного воздержания над физическим.

За что же тогда осудили Хворостинина? За чтение книг на ненавистном для отечественных церковников латинском языке? Это сыграло свою роль, но сам литератор понимал причину своего конфликта с церковной организацией глубже. Откроем предисловие к сборнику его полемических сочинений, озаглавленное: «Предисловие и слововещание читателям, содержащее нечто к родителям о воспитании чад»²². Здесь говорится о помещённых далее обличительных произведениях, но основное содержание предисловия посвящено... обоснованию и защите тезиса о пользе учености и необходимости учиться!

²¹ *Савва В.И.* Сочинения князя Ивана Андреевича Хворостинина // *Летопись занятий императорской Археографической комиссии за 1905 год.* СПб., 1907. С. 14 и др.

²² Там же. С. 33–37.

«Свирепо есть человеку неучение», — утверждает автор, приводя множество свидетельств Отцов Церкви о необходимости совершенствоваться учением ум. «Нерадеющие об учении своих детей лютому осуждению предаются. Такие (отцы) и детям своим убийцы бывают, и собственной души, потому что одинаково есть устроить свою душу и направить юного мысль», — считает Хворостинин, обосновывая необходимость давать детям образование, которое ценнее всякого богатства.

Человек, «если станет философом изначала», не может не занять видного места в обществе, как «среди множества больных не утаится здоровый». О таком пойдет добрая слава, и мудрый царь возвысит его над многими. Ученый человек всегда крепок, а тот, кто надеется на богатство, не заботясь ни о чем ином, может только покрывать свою злобу избытком серебра, ведь иной утешы для этой бедной души не существует. Богатство — это безумие: если не оставишь богатство — оставишь добродетель. Богатство отнимает мужество отстаивать истину и губит душу.

Советуя отцам больше заботиться об образовании, чем о богатстве детей, Хворостинин утверждает, что только мудрыми людьми спасаются престолы и расширяются государства. «Царям и владыкам подобает призывать мудрых» — ведь «суеумные советники... не только владык своих не спасут, но и сами с ними поражены будут». Тёмные советники хуже врагов, сколько их ни благодетельствуй царь — не будут ни милостивы, ни благодарны и «благодетелей своих убить не ужаснутся». На фоне дворцовых переворотов Смуты предупреждение, что царь легко потеряет трон, если не будет опираться на образованных и добродетельных мужей, звучало весьма остро.

Обличив царское окружение, способное лишь обжираться и упиваться на пирах, превращая ночь в день и называя горь-

кое сладким, но не могущее даже вести войну, князь Иван Андреевич возносит похвалу людям, обладающим сокровищем благорассуждения. «Не созидают, — пишет Хворостинин, задевая уже и церковь, — такие сокровища своих ни на земле, ни на небесах, такие, Бога боясь и царя почитая, собирают вокруг него благоискусных людей. Поистине учение истина есть и истинные приобретают его, от учения бывает всякая правда и благоразумие. Учение есть благоразумие, оно просвещает очи сердечные, опалая неистовство самохотных стремлений... учёные очи просвещают всякого идущего к добродетели, и праведный язык влечет к спасению!»

Здесь Хворостинин обрывает свои мечты и вспоминает о множестве просвещенных мучеников. И в России «мы или муками, или не муками от владык страдаем, бедствуем, насилуемы бываем, не по истине бываем возвышены, не по истине изгнаны и оскорблены». Что ж, заключает писатель, «желая воздаяние от Бога принять, будем принимать бьющего, как милующего, и поносящего, как хвалящего». Этими словами, прежде обращавшимися Хворостининым к тени патриарха Гермогена, князь еще раз указывает нам, что пишет не просто предисловие, а обоснование своей позиции в конфликте с церковной властью.

Легко представить себе, что, открыто излагая свою позицию перед судилищем, перед патриархом Филаретом, который даже «божественное писание отчасти разумел», литератор предопределял свой приговор. «Ученый — значит еретик! Читает латинские книги — значит изменил своей вере!» — считали судьи. Поистине права народная мудрость: «Тяжел камень, и песок тяжек, но гнев дурака тяжелее обоих». Хуже того, Хворостинин не сдавался и не спешил покаяться. В заточении он пишет знаменитое «Изложение на еретики злохульники», формально

направленное против папского престола, в действительности же обличающее общие пороки христианской церкви²³. Из него мы подробнее узнаем, какие слова бросил Иван Андреевич в лицо своим обвинителям на освященном соборе в Москве.

«Изложение» опиралось на источник — южнорусский стихотворный полемический трактат, ныне известный ученым в двух редакциях. Но труд Хворостинина — не перевод, как считалось. Прежде всего, он почти на треть обширнее, а то, что было взято из источника, сильно переделано. Лишь немногие строки украинского трактата использованы в оригинале: остальные имеют значительные изменения, отражающие и поэтические пристрастия русского литератора, и его идейную позицию. Она для нас наиболее интересна, хотя нельзя не отметить, что как поэт Хворостинин стоял у истоков русской стихотворной культуры, а его поэма — крупнейшее из ранних отечественных стихотворных произведений, новаторское по форме стиха²⁴.

Сочинение Хворостинина подписано, причем, во избежание утраты имени автора, он несколько раз назвал себя в акростихах (когда текст читается по первым буквам строк). Автор сознательно отказался от свойственной древнерусской литературе анонимности, ибо излагал личные взгляды, защищал собственную позицию. «Огнепальная погружает меня жития сего волна!» — писал Иван Андреевич, продолжая все же бороться за познанные им истины.

Не раз подчеркивая свою идейную связь с христианскими святыми, стихотворец сравнивает с их мучениями свои муки:

²³ *Савва В.И.* Сочинения князя Ивана Андреевича Хворостинина // Летопись занятий императорской Археографической комиссии за 1905 год. СПб., 1907. С. 14 и др. С. 38—80.

²⁴ Об источниках и форме «Изложения» см. новейшее исследование: *Анашкина П.В.* У истоков русского виршеписания (Наблюдения над стиховыми формами И. Хворостинина). МГУ. Филологический факультет. М., 1988. Деп. в ИНИОН АН СССР № 32999 от 09.03.88.

Муками и злыми томлениями осудили
И воинов множество на мя вооружили.
Велика была гнева их волна,
Я обличитель был ереси их издавна
И хотел нечто оставить народу,
Христианскому священному роду...
Простёр руку мою на спасение,
На еретическое известное потребление,
И вместо чернил были мне слезы,
Ибо закован был того ради в железы.
В темницах пробыл много,
Время там был долго²⁵.
Между тем стихотворец не был преступником:
Я избегал неправедного золота
Как скверного поганого болота.
Скрывался от крамольной злости,
Не простер ей на писание трости.
В полконачалии не показал спины врагам,
Не сотворил обмана своим друзьям.
Время печально было когда —
Уповал на Сердцевидца всегда.

Но было в Хворостинине нечто, обрекавшее его на мучения:

Не привык с неучеными играть,
Ни привычек и права их стяжать.
Бедою многой изнемог,
И никто мне не помог,
Только один Бог,
А не народ мног.
Писал на еретиков много слогов,
За то принял много болезненных налогов.
Писанием моим многие обличились,
А на меня как еретика ополчились.

²⁵ Напомню, что в трудных для понимания местах цитаты мной адаптированы. — А. Б.

Отрывая меня от Святого писания —
То было мне от них воздаяния!
Как еретика меня осудили
И злость свою на мя вооружили.
Смотрите на наши злые нравы
И будьте душами своими здоровы!

Злая ирония последнего двуступенчатого предшествоует более конкретному обвинению поэта в адрес судей, которые, по его словам, подговорили клеветать на него холопов, обещая им волю. Измена домашних холопов, наглость, с которой они оговаривали своего хозяина, возмутила князя Ивана Андреевича едва ли не больше, чем само осуждение. Люди, которым доверял стихотворец, по его словам, «разрушили души моей палаты», «осквернили проклятьем порог души». «Дивно о тех, которые им верят!» — восклицает поэт в последней строке сочинения.

Как видим, хоть Хворостипин и призывал возлюбить врагов, сам не мог удержаться в непротивлении злу. Он еще в предисловии «К читателю» внятно объясняет, кто такие его судьи и за что они обрушились на него, он сам судит высокий церковный суд и выносит ему краткий приговор: «невежды», причем злые невежды. Посмотрим, как пишет Иван Андреевич о своей жизни.

«Я, возлюбленные, желатель был любомудрых трудов издавна, многое учение прошел со старанием более сверстников моих в роде моем... того ради и беды принимая многие... На войне командовал, в полках воеводствовал, с врагами боролся. Что реку или что возглаголю? Какой не принял беды?! Но по апостола Павла словам: “беды от родственных, беды в городах”, беды в наследиях, многие скорби от владык, ещё большие от властей, также и от церковников неученых, зря поставленных. Как камень была утроба моя, железа крепче сердце мое, не ве-

селило меня вино, не услаждали яства. Всякое пьянство было противно моему нраву, но видя нечестивых, истаяло сердце мое, пьянством исполненное.

Говорили со мной языком, который не принимает свойство мое, чуждо было золото и серебро желанию моему. Я не со-
вращался с царского пути, владыкам был верен во многом и в малом, не уклонялся от них ни вправо, ни влево, не колебался в служении им и врагов их не возвеселил своей службой (довольно прозрачный намек на церковное и светское начальство, многократно менявшие позиции в Смуту)... Не умел, как некоторые, никому льстить, поэтому никому не угоден был, ибо не умел ковать ковы на братию свою православных христиан. Не прельстили меня честь и слава, не совратили меня к веселию, не хотел лишнего золота и серебра и не давал в рост серебро мое, не понуждал слуг своих мучительством жить и покушаться на чужие имения.

И что еще, безумный, скажу? Напоследок должен беды свои и сетования рассказать... Коего злого гонения не претерпел, коих напастей не испытал, коего зла не возвели на меня, коего ложного еретичества и ложных изменных малодушеств не приписали мне! Но, все это безвинно претерпевая, хотел когда нечто понять и написать от греческих и римских рукописей, когда (в сочинениях) полезное предложить. И было мне это запрещено, судим был от неученых невежд, объявлен еретиком. Странен я был в этой стране благодушных, обречен на поношение и стыд.

О беда, о скорбь! Как могу описать?! За это оказался в темницах, в оковах, в терпении, в изгнании, в заточении! Какого ложного от этих изменников навета на плечах своих не понёс? Хлеб как пепел ел и питье моё слезами растворял; на ложе пребывал без сна, камнем стала постель моя. Пространны были

пути, которыми я мог убежать от этого озлобления, золотая дорога была к дарованию моему, все родственники и братья моя заставляли меня, предупреждали, обещали волю, не желая видеть меня безвинно страдающим, только одно запрещали мне — Христа моего закон в образе креста...»

Стихи Хворостинина ясно показывают, что его христианский закон не мог быть по праву господствующей церковной организации. Недаром в поэме, обращённой против католичества, вставляет он обипирное обращение «К архиереям о священном чине», относящееся к православным священнослужителям, не похвалив их в пику католикам, а обличая и поучая:

Преосвященные архиепископы,
И вы, начальные священные епископы!
Раз вы есть церковные столпы —
Пасите внимательно неистовые попы...
Все иерейские чины неучены,
Тем они и унижены...
Почему пастырь неспредстоит,
А овца с благочинием стоит?
Это — пастырское исправление,
Ибо имеют злос треволнение...
Смотрите, учите и законники,
Не будьте сами беззаконники...
Вы, священной Христовой церкви учителя,
Не будьте прежде суда Божия мучители,
Прогоните духов злосмрадных,
Почтите мужей благородных,
Не собирайте серебро и золото,
Чтоб не пожрало вас греховное болото...
Когда бывают смерти наши —
Тогда обретаются корысти ваши!
Даром вы приняли учительскую мзду...

Чтобы читатель не подумал, будто стихотворец не понимает связи между разложением и гонениями на инакомыслящих

духовных властей и светской власти, в поэме помещена специальная строфа: «Молитва Христу Богу христиан, которые от неразсудной злобы царей и правителей принимают многую неволю, еще же и от еретиков и человекоугодников».

От тех, кто на нас вооружается коварством всего света,
Избавь нас, Господи, от их злого навета!..
Они твой праведный закон по своей воле изменяют,
Злочестивых к совести своей привлекают,
Обманом и злыми бедами губят нас, как суностаты,
Но не защитят от твоего гнева их палаты...
Как бессловесных скотов нас имеют,
Коварствами несправедливыми укоряют.
Многие на себя проклятия наложили,
Когда злыми, лукавыми нас обложили.
Злую прибыль они себе утверждают,
На нас души злостями вооружают!.. —

пишет поэт равно о церковных и светских правителях России.

Обличая римскую церковь и римских пап, Хворостинин показывает, какую именно церковную организацию он считает порочной. Он критикует некоторые обряды и обычаи католиков, но главный его враг — богатая, стяжательская церковь. На корыстолюбие духовенства стихотворец обрушивается буквально в каждой строфе, повторяя свои обличения в десятках вариантов. Богатство и стремление к его приобретению, роскошная и растленная жизнь, продажность и властолюбие, жестокость и убийства — в такой ряд выстраиваются обличаемые Хворостининым пороки западной церкви, уклонившейся от христианского закона.

Раньше христиане, говорит поэт,
Не красили себя, как блудные жены,

Были апостолов одежды небрежены.
Города и села тысячами собрали...
Во дни и ночи мамону стяжают,
А людей божиих как колосья пожинают.

Священники «золото и серебро больше Христа любят»,
«духовный разум плотскими похотями заменили» и готовы на
любое преступление, чтобы жить.

Во многих богатствах и телесных сластях,
В славе и чести, во своих страстях.

Весьма актуально в правление Филарета звучало такое
обличение папы римского:

Не меч носить апостол Петр заповедал,
Но честный крест: в ином дьявола победа.
Христов ярем повелевает тебе носить,
А ты учишь братоубийство творить.
Ты хочешь вечный святой устав разорить
И не Богу, а себе всех покорить.
Собираешь сокровища бесчетны
И думаешь вска жить несчетны.
Обманным единомыслием льстишься,
Патриархам и царям быть равен стремишься,
Смущаешь богатством церкви всюду —
За то да распадутся твои уды (члены. — А.Б.)!
Ты судишь, корысти земные смля,
И людей губишь, беззаконно приемля.

Богатая церковь — продажная церковь, считает Хворостинин. «Многие ныне верою торгуют», за богатство «грехов отпущение подадут, а благочестивых бедняков на смерть отдадут», забыв, что сказано: «Не торгуй душой, вторую не купишь!» Богатство церкви — прямое отступление от божественного

закона, и неудивительно, что незаконная церковь ненавидит благочестивых людей, привыкла их «яростно морить». Стяжательство заставляет церковь стравливать пароды и государства, истреблять инакомыслящих, забывая призыв Христа: «Не убивать, но умирать за людей». Защищая свое богатство, церковники

Много золота на прельщение отпускают,
А душевное благоразумие муками терзают.

Они уже давно не духовные пастыри, «но всему миру великие мучители» и «богоненавистные убийцы».

Сделав это заключение, Хворостинин сразу перешел к уже известному нам описанию своих гонений от православных церковников, чем ещё раз подчеркнул общий характер описанных и обличенных им пороков богатой и господствующей церкви. Характерно, что стихотворец ясно представлял себе общую идейную основу западного и восточного христианства, отступление от которой было греховно и губительно как для католичества, так и для Русской православной церкви. Католики для князя Ивана Андреевича — не изверги, коих следует изничтожать, а обычные люди, уклоняющиеся в заблуждения и погружающиеся в пучину греха, что случается и с православными. В любом случае ненависть и братоубийственные войны между христианами, осуждение инакомыслящих и расправа над ними — страшные грехи, ставящие на совершающую или поддерживающую их церковь каинову печать.

Резкость суждений Хворостинина, который сам же призывал к смирению и всепрощению, отражала глубокую духовную драму человека, отринутого и осужденного единоверцами. Горечь непонимания «московскими людьми» очень ясно просту-

пает в стихах и прозе литератора. Апостольская миссия была не по плечу московскому аристократу, более склонному сетовать на духовный гнет в узком кругу, нежели выступить с публичной проповедью против господствующей церковной организации. Патриарх Филарет и церковные власти понимали эту особенность характера князя Ивана Андреевича и учитывали её при определении своего поведения относительно «еретика».

В кружке понимающих его кирилло-белозерских книжников Хворостинин пробыл недолго. В ноябре 1623 г., узнав о послаблениях узнику, патриарх Филарет послал в Кириллов монастырь выговор игумену и братии. Чтобы те, кто питал симпатию к литератору, убедились в его прежнем «отступничестве» от православия, а сам Хворостинин глубже почувствовал свою духовную подчиненность правящей церкви, на Белоозеро был отправлен из Москвы «учительный свиток», опровергавший будто бы имевшее место суждение князя о воскресении мертвых. Свиток читался кирилловским монахам, а затем Хворостинин должен был торжественно отречься от обличенной в этом документе «ереси». По воле патриарха Иван Андреевич подписал «учительный свиток» в знак своего раскаяния, был «в вере истязай и дал на себя в том обещание и клятву», что более не отступит от православия (читай: воли церковных властей)²⁶.

Несмотря на отречение князя от его «ереси» (в которую он, скорее всего, не впадал), Филарет не желал, чтобы опальный князь жил без достаточно жесткого контроля. 11 января 1624 г. в Кириллов монастырь была отправлена грамота с подробным перечислением всех «прегрешений» Ивана Андреевича, начи-

²⁶ Акты Археографической экспедиции. Т. III. № 147. «Учительный свиток» сохранился в рукописи Государственной публичной библиотеки РСФСР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Погодина, № 1563. Л. 115–122 об.

ная со Смуты, завершавшаяся... его прощением! «И государь царь и великий князь Михайло Феодорович всяя Руси, — гласила грамота, — и отец его государев, великий государь (так!) святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всяя Руси, по своему государскому милосердому нраву милость над тобой (Хворостининым. — А.Б.) показали, тебя пожаловали, из Кирилова монастыря велели тебя взять к Москве и велели тебе видети свои государския очи и быти тебе во дворянех по-прежнему».

Итак, Иван Андреевич был «освобожден», но в то же время монастырским властям было велено отправить его под стражей, которая должна была сдать «свободного человека» с рук на руки московским властям. В столице Филарету легче было организовать за литератором-вольнодумцем строгий присмотр. Не веря своему окружению, зная, что вокруг шпыряют шпионы патриарха, Хворостинин под страхом новой, на этот раз несравненно более жестокой расправы вынужден был молчать. Нам неизвестно ни о его контактах этого времени, ни о сочинениях. Духовная смерть литератора пенамного опередила физическую смерть. Князь Иван Андреевич Хворостинин принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре и скончался там 28 февраля 1625 г. Он умер молодым, в возрасте около 35 лет, под именем Иосифа, преданного своими братьями.

СТРАХ БЕЗМОЛВИЯ

Страх губил человеческое достоинство и растлевал жизнь. Даже аристократ и воевода князь Хворостинин не нашел в себе сил до конца противиться духовному гнету. Гневный трактат против страха написал другой русский литератор-

вольнодумец — Антоний Подольский²⁷. Он назывался «Слово о расслабленном, и немужественном, и изумленном страховании, писано к некоему другу»²⁸.

Не смиренное утешение, но яростное возмущение и протест звучат в строках, обращенных к охваченному страхом современнику Хворостинина и Филарета. Русский человек боится «до изумления», боится теней и стен, «не только привидений, но и себя боится и в отчаяние приходит», его пугает неизвестное будущее, ужасают раны и смерть, страшат «бесвестные напасти», он становится «бесчувственен и безсловесен». Все это грешно и недостойно человека, считает Антоний Подольский.

Только тот «убоится страха», считает писатель, кто не имеет страха божия, не укрепил свой дух высокими идеалами. Ты боишься — значит, поклоняешься не Богу, который поднимает павших, милует и исправляет грешников; «не знаешь разве, что одному Богу подобает кланяться и его одного бояться и трепетать?! Пусть бояться и трепещут больше дьяволы от нас, имеющих царскую печать и непобедимое оружие, а не мы от них, потому что, Христовы воины и оруженосцы, кого убоимся?!»

Безумие — бояться тех, кто сам должен бояться. По-настоящему убежденный человек может понести раны, но души его никто не одолеет; он «ни царя не устрашит, ни тельцу золотому не поклонится». Человеку позорно не выносить с твердостью беды и глумления, не иметь терпения. «Что же такое

²⁷ Наиболее подробное исследование жизни и творчества Антония см.: Былинин В.К. Стихотворения Антония Подольского // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1990. Вып. 48.

²⁸ Орлов А.С. Домострой по Кашинскому списку и подобным. Кн. 2 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1911. Кн. 1. Отд. II. С. 103—112.

терпение? — спрашивает автор. И сам отвечает: — Чтобы не болезновать боязливой мыслью. Что значит не болезновать? — значит ставить ни во что, значит быть мужественным». Что же такое мужество? Это вера, любовь и победа над врагами.

Ты дрожишь, говорит Антоний, значит, маловерен, ты боишься сказать слово... но «что есть церковь? Не вера ли наша?» Господь создал бесчувственные вещи и бессловесных скотов — но они пребывают в бесчувствии и бессловесии по своей природе. «Ты же как унижаешься и сам себя бессловесием погубляешь? Кто имеет власть над душою твоей, кроме Бога! Потому убойся Бога и устыдись ангелов — перестань малодушничать, ибо мы на камне веры утверждены от Создателя!»

«От безмолвия бывает страх», — афористически свидетельствует литератор, опираясь на Иоанна Лествичника. «Страхование — младенческий обычай в старой тщеславной душе... От тщеславия и от неверия страх рождается... Велико же малоумие ожидать нечаемого и о неизвестном печься!» — замечает Антоний в духе стоиков.

Он согласен, что незнание будущего часто рождает страх, но не склонен мелочно утешать своего адресата. «Ведай будущее, — пишет он, — ты умрешь и как все предстанешь перед Страшным судом». Так стоит ли трепетать, вместо того чтобы праведно жить? Антоний издевается над страхом перед перипетиями земной жизни, над тем, что его адресат боится бывать в некоторых местах (надо думать, во дворце, где действительно было опаснее, чем в других местах столицы). Чтобы изгнать страх, он советует как можно чаще бывать именно в пугающем месте, — а то смотри, как бы не состарился смех над тобой с тобою! Антонию смешно, что человек способен бояться жизни больше, чем вечной расплаты, и князя больше, чем Бога.

Не бояться следует, а бороться за правду, ибо правда спасает, как броня. Господь дал человеку необходимое оружие для спасения и победы над врагами, а теперь, по словам апостола, «время уже нам, лежащим и как бы спящим, восстать!»

Действительно, страх во времена Антония Подольского усыплял людей, старавшихся утопить свой мятущийся разум в вине. Пьянство было характерно для многих умных и честных людей России, какое-то время спасался вином от страшной действительности и сам писатель-публицист, пришедший в Москву в Смутное время из окрестностей Троице-Сергиева монастыря (где в начале XVII века располагался мужской Подольский монастырь). Как и Хворостинин, это был светский человек — подьячий, с 1614 по 1617 г. работавший в Разрядном приказе, в его Денежном столе (отделе), занимавшемся финансовыми операциями и производством денег на Монетном дворе. Как и Хворостинин, помимо государственной службы Антоний Подольский много времени и сил отдавал самообразованию, изучал грамматику, поэтику, риторiku, логику, философию, читал Священное Писание и труды Отцов Церкви.

Антоний, по-видимому, не участвовал в братоубийственной борьбе и народном ополчении против интервентов во время Смуты, не столь очевидны для него были ужасные последствия нетерпимости и идеологической конфронтации. Он вряд ли, по крайней мере в начале своей литературной деятельности, смог бы понять гуманную примирительную позицию Хворостинина, но, в отличие от князя Ивана Андреевича, Антоний вступил в активную борьбу с пороками общества, не замкнувшись в камерном литературном творчестве.

Как яростный проповедник-полемист, Антоний Подольский выходит на площадь и читает свои труды перед народом, многих, как свидетельствовали его враги, увлекаая за собой.

Одно из первых его известных произведений — пламенное «Слово о многопотопном и прелестном пьянстве» (1619—1620)²⁹. Автору отлично знакомо это порочное увлечение, и, борясь с собой, он борется с опаснейшим общественным недугом, подхлестнутым Смутой и усиливавшимся под духовной диктатурой Филарета.

Помимо страха и пьянства, Антоний Подольский обличает стихами и прозой блуд, нищет и говорит «О слабом обычае человеческом», призывая заботиться «О чести родителей своих», рассуждает «О прелестном сем и видимом нами свете и о живущих нас всех человеках в Новом завете», «О человеческой плоти», а позже — «О царствии небесном, Богом дарованном и вечном, и о славе святых»³⁰. При богатом богословском «антураже» автор выступает, как правило, с позиций простой, народной правды, ищет в мире справедливости к человеку.

Произведения Антония отражают его глубокую образованность и высочайшее почтение к знаниям, собранным в книгах. «Предисловия многообразные» были одним из особых направлений его творчества. В стихах и прозе он говорил читателям о ценности предлагаемых их вниманию книг, в том числе знаменитого Русского Хронографа, повествующего о мировой и отечественной истории, «Философской книги Лавиринфа» (перевода «Лабиринта мира» Яна Амоса Коменского), «Лествицы» Иоанна Лествичника³¹.

²⁹ Православный собеседник. Казань, 1862. Ч. 1. С. 283—288.

³⁰ Большинство названных сочинений до сих пор не изданы (о них см. в работе В.К. Былинина); «Слово о царствии небесном» опубликовано: Православный собеседник. Казань, 1864. Ч. 1. С. 108—126, 227—246.

³¹ Подробнее см.: Былинин В.К. Стихотворные «Предисловия многообразны» в рукописях первой половины XVII века // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1983. Вып. 44. С. 7—18; предисловие к Хронографу опубликовано: Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 245—252.

Сама жизнь давала Антонию Подольскому материал для нравственных проповедей, и его произведения складывались в весьма поучительную картину русской жизни после Смуты. Недаром они многократно переписывались и даже в конце XVII века декламировались публично, проникали и в монастыри, и в частные дома, и даже в царский дворец. Это неудивительно — ведь нравственная позиция Антония выражалась ясно и конкретно, его стихи и проза становились предметным уроком человеческой нравственности.

Литератор не боялся, например, обратиться с обличением к видному государственному деятелю, который под покровительством высоких властей ограбил своего подчинённого, и потребовать вернуть награбленное³². Антоний обвиняет начальника в том, что тот одержим недугом корыстолюбия, что его, как идолопоклонника, неудержимо влечет к серебру и золоту. Это страшная болезнь, заставляющая людей губить своих братьев и свою душу, неотвратимо влекущая к адскому огню. Конечно, пишет Антоний, Бог

Не повелевает никому никого осуждать,
Но ведь не возбраняет и злые правы обличать!
Все мы по слабости своей грехотворители
И сего прелестного и суетного мира любители,
Каждый из нас своим грехом побежден бывает,
За это наказаний от Бога много получает.
Поэтому нужно друг друга поучать
И от злого дела отвращать!

О тебе, обращается стихотворец к начальнику, уже идёт недобрая слава как о насильнике и грабителе, отнимающем у

³² Все цитируемые далее послания Антония Подольского и справщика Ильи опубликованы в приложениях к статье В.К. Былинкина «Стихотворения Антония Подольского».

бедняков последнее, заставляющем людей проливать слезы, оплакивая безвинно обвиненных. Антоний не может понять, как позволяет себе такое образованный, хорошо знакомый со Священным Писанием человек? В этом мире «многоковарный муж» оказывается правым, даже если и виноват, — но есть и высший суд! Не наноси себе «душевный вред», обижая сирот, призывает Антоний, ибо такое «злохристианство» не будет прощено.

Злодейство начальника возможно только при условии разложения «верхов». Смотри, говорит Антоний, о тебе никто не скажет доброго слова,

Кроме твоих друзей и любителей,
Таких же злых христианских томителей!
Они тебя по своему праву весьма похваляют
И перед государем ложными словами защищают,
А христианству никак не помогают,
Но больше еще несправедливыми словами оклеветают.
И государь наш к тем словам их приклоняется,
А к христианству своему не умиляется,
Но еще более немилосердным становится.
Подбивший его на грех в рай не вселится!
Государь вновь ложным словам веру емлет,
А от бедных людей слов не приемлет,
Продолжает бездельно их отсылать
И на них же большую вину возлагать!

В этих условиях поэт может лишь просить начальника опомниться: «И к подручным твоим милость показать — у кого что взято, хоть немного отдать». Антоний красочно описывает бедствия человека, который «бедностью погибает и как ворон без крыльев между домов скитается... Бедность его всегда как ножом колет.

И ныне молю имеющуюся у тебя честность
Не восставать на его великую бедность
И милость тебе к нему свою показать:
Хоть мало что ему, бедному, отдать,
Чтоб ему, беспомощному, не погибнуть до конца,
А тебе заслужить милость от Создателя и Творца.
Если не послушаешь этого к тебе обращения —
Берегись от Бога вечного мучения!
Силен Бог за сирот своих мстить,
Творящему зло добра не получить!
Хотя и сам Божественного писания разумеешь,
Нправа своего и привычек унять не умеешь.
Лют, воистину лют человеческий нрав,
Добро тому, кто ни к кому не лукав,
Еще больше тому, кто никого не обидит,
И всегда Божественное писание видит,
И все исполняет по писания речению,
И не исхитряется к человеческому мучению!

Стихотворец не первый, кто пытался обратить начальника на праведный путь. Антоний знает об этом:

Слышал, что некто из друзей твоих к тебе писал,
Чтоб ты от такого своего нрава и обычая отстал —
И ты ни за что слов его не слушаешь,
А горести христиан как мед кушаешь.

Автор понимает, насколько трудно человеку переменить свой нрав и поведение, тем более что сам хорошо знаком с растлевающими душу отношениями в системе власти, в частности в приказах (центральных ведомствах России XVI—XVII вв.). Там

Мзда и у самых мудрых очи ослепляет.
Нас же с тобой неудивительно ослепить,
Поскольку мы в обычных чинах поставлены быть.
Однако ты ум и смысл собственный имеешь,

И Божественное писание разумеешь,
И отличаешь доброе от худого:
Потому не держи обычая злого!

Ранние российские бюрократы ещё не настолько зако-
стенели в злодействе и эгоцентризме, чтобы на них не могло
воздействовать произведение нового для того времени ис-
кусства стихотворной речи. Как ни странно может показаться
современному читателю, но начальник-грабитель, получив по-
слание Антония, по-видимому, вернул награбленное сторицей.
По крайней мере, Косой, за которого просил поэт, вскоре стал
богат, продвинулся по службе, приобрел влияние при дворе.
Следующее стихотворное послание Антония показывает, что
из этого вышло.

Возвысившись, Косой прямо-таки «бесовской», «безумной
гордыней усвирепел». Антоний был поражён, как быстро пере-
менился этот образованный, хорошо знакомый со Священным
Писанием человек. Косой не только гнушался своим благодете-
лем, но насмехался над ним, всячески поносил, обращался как
со псом и звал к себе только для того, чтобы унижить. Мораль-
ную проповедь Антония, оказавшую ему такую помощь, Косой
презрительно называл юродством. В отличие от своего старого
начальника-грабителя, выскочка не мог оценить идею честной
бедности, которую проповедовал стихотворец. Общение с ним,
пишет Антоний, стало невозможно:

Ныне ты по царской милости разбогател,
Потому нами, убогими, и возгордел.
Но может Бог, дав, и отнять,
А не творящему добра — добра не видать!
Хотел было с тобою знаться,
Но нельзя убогому с богатым соединяться,
Тем более недостойно с ним дружбы держать:

Каждому пужно свой круг знать
И выпне себя (друзей) не искать...
Невозможно агнцу с волком жить
И убогому с богачом дружбу водить,
Еще хуже — смиренному с гордыми и величавыми,
И правами, и обычаями лукавыми.

«Гордые и величавые», по мнению Антония, еще хуже простых корыстолюбцев и грабителей от власти, ибо они принципиально отвергают совесть и мораль. Они — настоящий бич русского общества, и Антоний не случайно говорит Косому:

Вспомни прежних гордых и злых царей,
Этих лютых и неистовых зверей,
Как они за злую гордость зло пропали
И в Адскую пасть душами своими впали!

Взывать к совести новоявленных «гордых и величавых» бесполезно, только угрозы и прямые обвинения доступны их уму. Смотри, угрожает Антоний:

Как бы ты не пришел в прежнее состояние
И не стал для всех людей в посмеянис.
И это письмо писано к тебе досадительно,
Однако будет тебе и вразумительно,
Потому что такому заблуждению возвращает
И твое безумие обличает.
Хоть и много ты знаешь Божественного писания,
Но не способен стоять против бесовского записания.

Стихотворец знает, что все его слова бесполезны: «гордых и величавых» невозможно исправить, их уши закрыты для правды:

Больше я не буду к тебе писать,
Заткнутым ушам меня не услышать,
Также гордым и величавым,
Такие не внимают словам здравым,
На свою гордость и упрямство уповают
И добро как зло принимают...
Этому писанию здесь конец,
А творящему зло не будет от Бога венец!

Мы видим, что всё «богословие» Антония Подольского в этих стихах сводится к признанию существования некоего высшего гаранта простых моральных принципов. Как и в других своих произведениях, литератор идет скорее от народных взглядов на правду и справедливость, чем от христианской философской традиции. Народные поверья он отстаивает и в церковном споре, разгоревшемся накануне возвращения в Москву из польского плена Филарета Никитича. Здесь, как и в проповедях на площади, и в стихотворных посланиях, в делах и судьбе Антония отражаются драматические, а порой трагические черты послесмутного времени.

ПИСЬМО В ДОСАДЕ

Я уже упоминал о жестоком осуждении церковным собором группы ученых монахов и священнослужителей, под руководством Дионисия Зобнинского сверявших между собой греческие и русские списки Потребника, чтобы исправить накопившиеся за века ошибки. Архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, славный руководитель обороны этой обители от интервентов и один из вдохновителей всенародно-го ополчения в Смуту, при всей видимой кротости характера

заялся делом, которое другие считали своим. Ожесточенные нравы привели к столкновению с трагическим исходом.

Уставщик Троице-Сергиева монастыря Фсофан, украшенный «сединами добрыми старец», более полустолетия проживший в монастыре и более сорока лет ведавший в нём уставом богослужения, возмущился и воспротивился указаниям, которые начал давать Дионисий. Ещё более оскорбился выдающийся мастер церковного пения и чтения, троицкий головщик (руководитель хора) Логин Корова, когда Дионисий позволил себе поучать его в музыкальной области. Остроумный, не лазающий за словом в карман музыкант не без яда отвечал:

Погибли места святые от вас, дураков,
Везде вас теперь много, неучных сельских попов,
Людей учите, а сами не знаете, чему учите!

Когда же Дионисий стал распоряжаться на клиросе (где стоял церковный хор), Логин выразился еще резче:

Не ваше дело петь или читать —
Знал бы ты одно, архимандрит, с мотовилом своим
на клиросе как болван онемев стоять!³³

Начало исправления Диописием с товарищами Потребника Логин воспринял как прямое покушение на своё дело — ведь в Смуту, при Шуйском, именно он готовил к печати церковные уставы. Среди книжников начались споры, сопровождавшиеся взаимными оскорблениями. О том, насколько запальчиво вели себя противники, свидетельствует, например, высказывание Логина, в ярости назвавшего «хитрость грамматическую и философию книжное» еретичеством.

³³ Цит. по кн.: Соловьев С.М. История России... Кн. 5. С. 317 и сл.

Так считали, конечно, не все противники Дионисия и его товарищей, но тон, взятый Логином, был близок сердцам многих представителей высшего духовенства и незамедлительно нашёл отклик. Вскоре обнаружился и повод, чтобы «обличить» Дионисия, который внёс изменение в молитву на водоосвящение. Из фразы «Прииди, Господи, и освяти воду сию Духом твоим и огнём» справщики вычеркнули окончание: «и огнём». Дионисий с товарищами (по-видимому, справедливо) сочли, что это добавление ошибочно, привнесено писцами. Но многие, пользовавшиеся Потребником с добавленными словами, искренне считали, что Святой Дух — это огонь. Таково было народное поверье, особенно близкое сердцу ремесленников, имевших дело с огнём. Так верил и Антоний Подольский.

Литератор не устоял перед искушением обличить «ересь» Дионисия и его товарищей. Антоний написал обширный богословский трактат «О огне просветительном» (известный в изложении Ивана Наседки)³⁴. Вооружённые этим обоснованием своей позиции, противники Дионисия воспрянули духом. Уставщик Феофан, гимнограф Логин и троицкий ризничий дьякон Маркелл донесли церковным властям, что в Троице-Сергиеве монастыре свила гнездо ересь: сам архимандрит с Арсением Глухим и другими монахами «Духа Святого не исповедуют, яко огонь есть» и вообще хотят вывести огонь из мира! Машина церковного суда закрутилась...

В Москве, где ждали возвращения из плена царского отца, чтобы «избрать» его на Патриарший престол, во главе

³⁴ *Иван Наседка*. О новой повине, претворенной на Богоявленское водоосвящение. См. в рукописях: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Собрание Московской духовной академии. Фунд. (ф. 173). № 177. Лл. 382—417; Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Синодальное собрание. № 298. Лл. 496—530. Здесь см. и описание церковных споров.

церковной иерархии стоял крутицкий митрополит Иона. По его повелению объявленные еретиками люди были схвачены и доставлены в столицу. В течение четырех дней Дионисия с товарищами «с бесчестьем и позором» приводили из места заключения на патриарший двор, по дороге издеваясь над ними и избивая их. Затем «расследование» было перенесено в Вознесенский монастырь, в келью царской матери Марфы Ивановны, некогда насильно постриженной в монахини.

Никто не задавался вопросом, каково отношение пожилая монахиня имеет к вопросам богословия, — она представляла собой власть, и этим все было сказано. В судилище над Дионисием с товарищами особенно ярко проявилось единодушие духовной и светской власти в деле преследования инакомыслящих: они шли рука об руку по незаконному пути тирании. При этом ученые люди, представляя свои споры на суд невежд, способствовали взаимоистреблению. На этот опасный путь ступил и Антоний Подольский, трактат которого использовался невежественными и жестокими судьями как жупел. В горячке спора с Дионисием Антоний явно не вспоминал часто повторявшиеся Хворостининым слова, что «лучше битую быть, а не бить».

Напротив, проповеди Антония Подольского собирали толпы народа, особенно ремесленников. Они поджидали провода арестованных, чтобы осыпать закованных в кандалы людей плевыми и грязью, избивали их, вопили оскорбления и улюлюкали. Но Дионисий проявил величайшее мужество и негибемую твердость духа. Он улыбался под плевыми толпы и скованными руками благословлял издевающихся над ним. На патриаршем дворе, в келье царицы-инокини, на освященном соборе он много часов защищал свою позицию учеными аргументами, терпеливо разъясняя необходимость сравнения многих списков для исправления отечественной церковно-

служебной литературы, несмотря на явное непонимание судей, заранее решивших расправиться с ним. Даже малодушие товарищей (в частности, Арсения Глухого), испугавшихся расправы и искавших оправданий, не смутило Дионисия. Он продолжал стойко защищать истину.

Низость судей была настолько велика, что в какой-то момент церковный суд чуть было не превратился в фарс: в наказание за «еретичество» корыстолюбивые церковные иерархи определили... взять с Дионисия штраф в огромную по тем временам сумму — в 500 рублей серебром. Трудно было придумать большее саморазоблачение! Стяжательское духовенство не побоялось открыто мерить благочестие деньгами (как тут не вспомнить, что писал Хворостинин якобы о католиках). Эта позорная финансовая операция, однако, не удалась.

С улыбкой глядя на своих судей, игумен богатейшего в России монастыря, не приобретший лично никакого имущества, спокойно ответил: «Денег у меня нет, да и дать не за что: плохо чернецу, когда его расстричь велют, а достричь (то есть обречь на жизнь в самых жестких условиях, подобно схимнику) — то ему венец и радость. Сибирью и Соловками грозите мне — но я этому и рад, это мне и жизнь!» Дионисия пришлось осудить на заточение в Кирилло-Белозерском монастыре (куда вслед за ним угодил Хворостинин).

К характеристике осудивших Дионисия следует добавить, что они просто не могли себе представить, что троицкий архимандрит мог «не стяжать» изрядное богатство. Надеясь вырвать у него деньги, узника продолжали пытать еще сорок дней, непрестанно избивая, мучая и моря дымом. Гибель Дионисия была предопределена, однако... в Москву торжественно прибыл обмененный на полковника Струся митрополит Филарет Никитич, незамедлительно сделанный патриархом.

Столь же незамедлительно Филарет показал, что «новая метла по-новому метет». К счастью для Дионисия и его товарищей, он заинтересовался накопленным без него опытом преследования еретиков и остался им не удовлетворен. Патриарх догадался спросить бывшего тогда в Москве иерусалимского патриарха Феофана: «Есть ли в ваших греческих книгах прибавление: “и огнём”?»

— Нет, — ответил Феофан, — и у вас тому быть непригоже; добро бы тебе, брату нашему, о том позаботиться и исправить, чтоб этому огню в прилоге (ненужном дополнении. — А.Б.) и у вас не быть.

В этой беседе, переданной современником, есть одна существенная деталь, опровергающая версию о поиске Филаретом истины: ведь еще до ответа Феофана он называет слова «и огнём» прибавлением! Ясно, что для себя Филарет уже решил, кто прав, а кто виноват, и единолично пересмотрел приговор соборного суда.

Теперь костоломный маховик сделал полный оборот, и те, кто его толкал, сами попали под колесо. В начале лета 1619 г. в Москве, в патриаршей палате, начал заседания Освященный собор с участием двух патриархов — московского и иерусалимского. На этот раз обвинителем выступал оправданный архимандрит Дионисий, державший свою речь более восьми часов. Дионисий с товарищами был освобожден из-под стражи и смог вернуться в Троицу. Логин, старец Филарет, дьякон Маркелл и конечно же Антоний Подольский были прокляты как еретики и в цепях отправлены в «места не столь отдаленные».

Место несгибаемого Дионисия занял столь же несгибаемый Антоний Подольский, не сломленный пытками и издевательствами, продолжавший отстаивать свои взгляды и на суде, и в

ссылке, а потому уготовивший себе наиболее жестокую участь. Его упорство произвело известное впечатление даже на патриарха Филарета, усомнившегося в правоте своих советчиков. Не то чтобы Филарет поколебался вынести приговор — этого от него нельзя было ожидать. Но при отъезде из Москвы патриарха Феофана он потребовал: «Тебе бы, приехав в Греческую землю и посоветовавшись со своею братьею, вселенскими патриархами, выписать из греческих книг древних переводов, как там написано о Святом Духе».

Патриарх подозревал, и справедливо, что сторонники Дионисия вошли в соглашение с присезжими греками, но не знал, способен ли иерусалимский патриарх ради этого соглашения солгать (ведь сам Филарет в этих книжных тонкостях не разбирался). По приезду на Восток патриарх Феофан выполнил просьбу своего московского собрата и вместе с антиохийским патриархом Герасимом прислал в Москву грамоту против прибавления в водосвятной молитве слов «и огнём». Между тем в российской столице продолжалось устное и письменное «обличение» Антония Подольского: пострадавшие от его проповеди ученые мужи энергично добивали коллегу. Против его трактата был пущен в оборот обличительный трактат. Взамен обвинений группе Дионисия в неверной правке Потребника Антоний был обвинен в искажениях при подготовке к печати Псалтыри (изданной уже после его заточения, 3 октября 1619 г.).

К счастью, не все направленные в Антония стрелы долетали до далекого северного края, куда он был сослан. Многое там зависело не от церковных властей, а от вполне самовластных воевод, нуждавшихся в толковых администраторах. Антонию сравнительно недолго пришлось терпеть голод и холод в оковах и заточении. В 1621/22 г. он стал помощником Мирона Андреевича Вельяминова в описании земель, лежащих вдоль Северной

Двины. В 1624 г. государевы писцы завершили свой огромный труд, и Вельяминов отправился с результатами валовой переписи в Москву за наградой, а Подольский остался в ссылке. Однако его заслуги были учтены: в 1626 г. он был направлен в более теплые края. Получая свое прежнее (разрядное) и довольно высокое годовое жалованье в 33 рубля, ссыланный занимался организацией производства селитры в Козельске.

Сведений о дальнейшей службе Антония Подольского в документах не имеется, и положение ссылного, по-видимому, вновь ухудшилось. Как раз в это время от двора патриарха Филарета расходилась по стране новая волна реакции, отмеченная сожжением в 1627 г. «Учительного Евангелия» Кирилла Транквиллиона «за слог еретический и составы, обличившиеся (обнаруженные) в книге». Тогда же изданный Печатным двором Катехизис Лаврентия Зизания был запрещен к выпуску в свст. В следующем году гонения охватили уже всю церковнославянскую литературу «литовской печати», выпущенную православными типографиями Белоруссии и Украины, входившими в состав Речи Посполитой. Эти книги массово изымали из церквей, заменяя их произведениями московского Печатного двора, конфисковались они также у частных лиц, как повально «еретические». Подозрения пали и на греческие книги, издававшиеся в западноевропейских типографиях. О латинских книгах вообще не было речи — их давно зачислили в разряд содержащих «яд ереси».

Казалось, власти должны были забыть о ссылном, подававшем о себе вести разве что проникнутыми глубоким чувством симпатии письмами к своим немногочисленным доброжелателям. Но не таковы были ученые книжники, помнившие выступление Антония против группы Дионисия, и не таков был патриарх Филарет. Усиление при патриаршем дворе прогрече-

ской группировки бывших соратников Дионисия отразилось на судьбах их бывших противников. В 1633 г. в Москву прибывает александрийский архимандрит Иосиф, которому доверяется перевод греческих книг на славянский язык; в столице открывается греко-латинское училище Арсения Глухого; издастся патриаршая грамота против Логина Коровы.

Вспоминая еще более давние события, чем соборы 1618—1619 г., грамота Филарета повелевает отбирать все печатавшиеся при Шуйском церковные уставы, «потому что эти уставы печатал вор, бражник, Троице-Сергиева монастыря крылошанин (псвчий. — А.Б.) чернец Логин, и многое в них напечатал не по апостольскому и не по отеческому преданию, а самовольством». В грамоте звучит настолько свежая ненависть к сторонникам «огня», что им явно нужно было ждать усиления преследований. Так и произошло.

Антоний Подольский к этому времени, наученный горьким жизненным опытом, многое переоценил в своем поведении. В стихотворном послании к просвещенному и многоученому духовнику Симеону Федоровичу поэт и проповедник жалуется на свое неразумие, хотя, пишет он о себе, «философское быстросозрительное учение разумно познал». Теперь Антоний высоко ценит «кротость духа», а не только «остроумное разумение» и горько сетует на совершенные по буйству своего характера грехи. Раскаяние гнетёт стихотворца не меньше, чем бесполезное, оторванное от жизни страны существование.

Хочется верить, что, осознав гибельность взаимообвинений ученых людей в сретичестве перед лицом всегда готовых казнить невежд, Антоний Подольский, будь ему позволено, уже не повторил бы своих обвинений против Дионисия Зобнинского. Но это не значит, что литератор изменил своей позиции относительно «огня». Он продолжал твердо стоять на своем,

даже когда был вновь закован в цепи и привезен на очередной, на этот раз последний, суд в Москву в конце 1633 — начале 1634 г. Антония должны были убить — и он встретил убийц с достоинством истинного русского писателя.

О мыслях и чувствах Антония Подольского в этот критический момент свидетельствует его письмо бывшему товарищу и единомышленнику, игумену Богоявленского монастыря и справщику Печатного двора Илье, написанное из темницы в ожидании судебной расправы. Это письмо и ответ на него, недавно изученные и опубликованные, являются трагическими и достоверными документами эпохи, отражающими важные явления в русском обществе и в православной церкви первой половины XVII в.

«О святой божий человек, — пишет Антоний, — почто забыл нищету и печаль нашу! Или не ведаешь, что уже липнет земля к гробу нашему из-за безмерных скорбей и нестерпимых печалей, выстрадавших в изгнании в дальних странах. И ещё лютее страдаю ныне в царствующем граде, связан узами железными и не ведаю, зачем привезен сюда царским повелением.

— Писание говорит: Братья, в бедах помощниками бывайте! За это и благодати от Бога бывают. И ещё: Тебе оставлен нищий, сирому будь помощник! — Это же самая истина и жизнь говорит. Больше той любви никто не имеет, кто положит душу свою за друга своя. И ещё: В темнице был и пришли ко мне. И что ты сделаешь нам, убогим, — пишет Антоний о себе, — то самому Богу сотворишь.

— Зачем же отклонил стези наши от пути твоего и забыл нас в месте озлобления? Разумей, как от утра до вечера изменяется время, так все скоро пред Богом! В досаде пишу. Потому что мы изнемогаем, а ты сыт, ты обогатился и без нас царствуешь. Спишь на богатой постели, ешь мясо от тучных стад, пьешь це-

женое вино, мажешься древними благовоениями — и нисколько не страдаешь о сокрушении нашем.

— Люта болезнь, и язва без исцеления, потому что сонм державных ищет взять душу мою! Не ведают они милости Божией и забыли сказанное апостолом: “Если кто впадет в некое прегрешение...” И прочее всем ведомо. Сын Божий — сын человеческий пришел взыскать и спасти погибшего. Не праведных пришел он призвать на покаяние, но подобных мне, грешному. Он в девяносто девять раз больше радуется о спасении погибшего!

— Пастыри же настоящего века уклонились против меня в беззаконие и в лютом гневе враждуют на меня. И возненавидели меня, как врага истины. Они говорят против меня зло вместо благого. И питают непримиримую ненависть за мою любовь. И не уподобляются ни в чем общему нашему Владыке и Благодетелю.

— Они (церковные иерархи. — А.Б.) восприняли против меня лютость древних мучителей и губят меня, пищею, дальним заточением. Они своей злобой отягчились... Я, убогий, даже во время смерти их (то есть патриархов Филарета московского и Феофана иерусалимского. — А. Б.) не получил от них разрешения (от анафемы) и не слышал даже письменного прощения.

— С тех пор (после соборного суда. — А.Б.) и по сей день наместники их люто на меня скрежещут зубами своими, преследуют многими темницами, стужей и голодом, и неразрешимыми узами вяжут меня, пищею, и хотят умерить злой смертью...

— И ныне знай, возлюбленный, разве, кроме тебя, есть кто, имеющий разум понимать топкость настоящего богословия, и светозарную правоту философии, и подлинную правду грамматического учения о восьми частях слова?! Ты действительно

знаешь, что именно они подвигли меня против всякой неправды в книжном писании, о которой ты и сам ведаешь и, знаю, из страха молчишь. Я восстал на всякую неправду сильных сего века, сердце вопиет на нее в уши господа Саваофа.

— Как пицаль медная скорбь наша. Разграбленные имения, нищета и позор кричат к тому, кто хочет праведно судить вселенной, кто отнимает дух князьям и страшен больше царей земных! Тому слава ныне и в день века. Аминь».

ОТСЕЧЬ ИНОМЫСЛИЕ

Так взывал Антоний к своему бывшему другу и соратнику, единомышленнику и собеседнику, желая получить в тяжелый час даже не помощь, но хотя бы слово сочувствия. И получил ответ Иуды — не раскаявшегося, а гордого в своей измене и кичащегося предательством. Как человек, которого Антоний спас от нищеты, разбогатевавшего и возвеличившись, стал злом большим, чем прежний грабитель (который сохранял все же остатки совести), — так и ученый искатель истины, заняв теплое место в церковной иерархии, ныне бил Антония больше, чем невежественные судьи на соборном суде.

Ответ богоявленского игумена и ученого справщика Печатного двора Ильи Антонию Подольскому является образцом апологетики смиренной покорности духа и полон проклятиями «самомыслию». Илья не просто подчинил свой ум начальственным указаниям, он вдохновенно проповедовал идеи «хождения по одной половице», суждения «не выше сапога» и воспевал бессмертный лозунг: «Не рассуждать!» Его послание Антонию — важное свидетельство из истории формирующейся российской интеллигенции, испытавшей уже в

зачаточном состоянии тяжелое давление Великого разорения и Смуты. Послание показывает, как, пораженные ужасом истребления инаковерия и инакомыслия, ученые, книжные люди сами становились винтиками машины духовного гнета, которая утрамбовала под один уровень общественную мысль, беспощадно давя все сколько-нибудь выдающееся, отличное от других.

Антоний забыл, что его старый друг стал винтиком церковной организации. Илья об этом напомнил. «Как смел ты дерзнуть, — писал он Антонию, — в исповедании православной в Троицу Бога веры изменить установление о исхождении Святого животворящего Духа, утвержденное вселенскими соборами?! За это — и изгнание в дальние страны, и озлобления, и скорбь немалую терпишь, и здесь (в Москве. — А.Б.) в оковах и узах страдаешь, пока не покаешься начисто!»

Антоний взывал к милосердным идеям Нового Завета — Илья с восторгом приводил ветхозаветные прецеденты жесточайших наказаний за малейшую ошибку, даже за проступок, совершенный с лучшими намерениями. Обращение Антония с просьбой о сочувствии кажется Илье нелепым. Если бы еретик валялся в ногах у церковных иерархов и, рыдая, молил о прощении, его еще можно было бы «исправлять духом кротости». Те же, кто отличается «упрямством и самомнением», не заслуживают жалости — «да усташатся и прочие!» Идея милосердия настолько чужда тому, кто стал частью церковного аппарата, что Илья небрежно бросает: зачем жалеть человека, не позаботившегося о язвах на своем теле, вызвавших лихорадку, нагноение и смерть? Что же тогда говорить о человеке, обезумевшем настолько, что «прельщается самосмышлением»? Ясно, что его надо уничтожить, как нарыв, но Илья переходит к этому очевидному для него итогу

не сразу, а вдоволь поиздевавшись над надеждами своего бывшего единомышленника, пространно оспаривая все тезисы послания Антония.

«Ты начальственно повелеваешь нам разуметь, — пишет Илья, — как с утра и до вечера изменяется время — а сам не одно уже, не два, не три лета, но множество в прежнем своем дерзком неистовстве пребываешь, не изменяясь, как рысь не может сбросить пестроту свою или негр — черную кожу свою». Негибкость Антония, его неспособность приспособливать свои взгляды к требованиям изменчивого времени вызывают у Ильи резко отрицательное отношение. Ведь Антоний — не начальник, не пастырь душ, а подначальный, овца в общем стаде, и должен идти, куда пастух гонит все стадо. Иной путь — мятеж! «А о сытости, и о цеженем вине, и о прочем мирском напоминаешь мне — и это все так! — не может не похвалиться Илья наградой за свое послушание. — Но берегись, да не впадешь в фарисейство». Каждому свое: мятежнику — цепи, послушному — достаток.

Потерять достаток страшно. «Вспомнил ты о пастырях, как приписали тебе беззаконие, и говорят на тебя зло за благо, и отвечают ненавистью на любовь твою, и не уподобляются ни в чем нашему Владыке и благодетелю, и, будто древних мучителей лютость восприняв, губят тебя дальним заточением, — отвечает Илья узнику. — И ты, не знаю, о каком способстве пишешь к нам?!»

Илья испуган, он даже не понимает, как можно помогать «непокорному», наказанному начальством. «Если кто и мало что-то скажет против начальников, хоть они и злые», — это грех. Ветхий Завет гласит, что даже злодеев в начальстве нужно слушаться беспрекословно. Так «какой милости достойны те, кто церковных председателей, благодатью Божией

с тихостью живущих, ошлеивают и попирают?!» Ты, пишет Илья Антопию, подчиненный, и за такие слова о печальстве тебе нет прощения! А за изменение церковного догмата ты недостойн милости.

Как же быть с ученостью, которую столь ценит узник, с тонкостью богословия, правотой философии и правдой грамматики? «Мы не всезнающие, — отвечает Илья, — но если что и знаем — отчасти знаем, поскольку Бог открыл нам к чистоте и просвещению разума, а не к поощрению на всякую неправду книжного писания». Это дьявол соблазняет применять свою ученость там, где не надо. «Где в грамматике указано изменять исповедание православной веры или мать всем божественным книгам — псаломскую книгу Псалтырь, которую ты смел во многих местах изменить? Не найдешь об этом не только в грамматике, и риторике, и в диалектике, но ни в одном из учений семи свободных мудростей! Увы, дерзости! Подобаает всей силой держаться церковного чина, ибо тот указывает каждому, что подобает на пользу и исправление жизни христианской, а не грамматика, не диалектика, не риторика и прочее!»

Ты, пишет Илья Антопию, логику «ложно и развратно воспринял», она, как и все науки, не дает права на инакомыслие. «Ино мыслящий» — значит смущающий, а смущающий — значит развращающий. Известно, что малая закваска квасит «все смешение». Поэтому инакомыслящие от общества должны быть «отсечены». «Не к тому нас призвал Господь, чтобы колебаться!.. Может и малое прегрешение, оставаясь неисправленным, в совершенное зло привести». Иными словами, пощады инакомыслящему не будет.

Только немедленное и полное «раскаяние» Антония Подольского, может быть, ещё поможет обреченному. Тогда, заключает Илья свое высокомерное послание, «и мы, поелику можно... можем способствовать к исправлению, а не к само-

мпению твоему. Короче, да вложит тебе Бог в сердце начисто раскаться. Ему же слава вовеки. Аминь!»

Антоний Подольский убедился, что ни милости от церковных иерархов, ни поддержки от ученой братии ждать не может. Даже смерть патриарха Филарета не отменила готовящейся расправы над литератором-вольноподумцем. Материалов второго церковного суда над Антонием не сохранилось. Письмо бывшего друга, оправдывавшего беспощадную расправу за малейшее отступление от общей, санкционированной сверху «истины», достаточно ясно свидетельствует об атмосфере, в которой проходил церковный суд. О приговоре гадать не приходится — еще один русский писатель навеки умолк, раздавленный машиной для утверждения единомыслия.

Но не умолкли произведения Антония. Еще более популярные, чем сочинения князя Хворостинина, они распространялись и переписывались, читались и декламировались. Как зеленые побеги через камennую кладку крепостной стены пробивались вольные слова к русским людям, ожесточенным идеологической конфронтацией и запуганным репрессиями, но еще до конца не сломленным, не потерявшим человеческий облик. Рукописи горели на кострах доморощенных инквизиторов, но «мрак невежества» освещался и сиянием свободной мысли с исписанных бумажных страниц.

Горячее попечение патриарха Филарета Никитича о единомыслии, свирепые меры вкоренения в людские души ненависти к иноверию и иномыслию, пресечение малейших отклонений от установленных церковных правил не дали и не могли дать положительных для церкви результатов. Сама вера все более

сводилась к ритуалу, к соблюдению внешних форм, буквы, а не духа. Закаленная в огне Смуты жестокость не укрепляла, а разрушала устои Российской православной церкви. Дело ещё не дошло до взрыва, расколовшего её здание при патриархе Никоне, но после смерти Филарета новый патриарх — Иоасаф (с 1634 г.) вынужден был подводить горестные итоги.

«В царствующем граде Москве, — писал Иоасаф, — в соборных и приходских церквах чинится мятеж, соблазн и нарушение веры, служба Божия совершается... со всяким небрежением, а мирские люди стоят в церквах с бесстрашием и со всяким небрежением, во время святого пения беседы творят неподобные со смехотворением, а иные священники и сами беседуют, бесчинствуют и мирские угоidia творят, чревоутодию своему последуя и пьянству повинуюсь... Пономари по церквам молодые без жен; поповы и мирских людей дети во время святой службы в алтаре бесчинствуют; во время же святого пения ходит по церквам шпана, человек по десятку и больше, от них в церквах великая смута и мятеж, то они бранятся, то дерутся... иные притворяются малоумными... иные во время святого пения в церквах ползают, писк творят и большой соблазн возбуждают в простых людях... Всякие незаконные дела умножились, эллинские блядословия, кощунство и игры бесовские... да еще друг друга бранят позорною бранью — отца и мать блудным позором — и всякою бесстыдною нечистотою языки свои и души оскверняют»³⁵.

Страх и ненависть — эти ядовитые цветы Смуты, бережно взращивавшиеся высшей властью, — отравляли души, наполняя воздух России своим тлетворным запахом, запахом застенка, костра и плахи. Но человек был неистребим, и белые гусиные перья продолжали летать над бумагой, призывая к свободе духа, любви, милосердию, бескорыстию, мужеству и познанию.

³⁵ Цит. по кн.: Соловьев С.М. История России... Кн. 5. С. 322—323.

ПОЛКОВОДЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ КНЯЗЬ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Россия накопила богатый опыт гражданских войн. Для «верхов» их алгоритм прост: желающие захватывают власть и ... проигрывают. О герое первой гражданской войны в России, приключившейся в начале XVII в. и названной Смутой (с большой буквы), постараюсь поведать здесь «без гнева и пристрастия», с сочувствием и уважением к незаурядному полководцу. Речь пойдет не просто о замечательном воеводе — а о самом славном, о самом романтическом герое-победителе, нетленном образце служения «престолу и Отечеству», знакомом всем ещё по школьным учебникам, — о боярине князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском (1586–1610).

Трагическую историю его жизни мне довелось раскрыть впервые³⁶, хотя написано о князе очень много. Как и действующие лица другой, более близкой нашему времени, Гражданской войны, князь подвергся идеологической типизации столь сильной, что реальная его личность практически испарилась со страниц книг, а целые этапы биографии либо исчезли вовсе, либо были стыдливо прикрыты неразборчивой скороговоркой. Полководец гражданской войны стал... героем борьбы с ин-

³⁶ *Богданов А.П.* Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 46–65.

тервентами! Правда, иноземцы, с которыми ему приходилось сражаться, служили русским претендентам на Московский престол. Правда и то, что в армии Скопина-Шуйского иноземцев было не меньше, а союзниками выступали шведские полки...

Мой рассказ о характере и трагической судьбе полководца основан на тщательно изученных источниках. Вы сами можете судить о позиции и деяниях славного воеводы, втянутого в кровавый водоворот Гражданской войны и не успевшего сделать ни единого выстрела по внешнему неприятелю.

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Но прежде бросим взгляд на историю легенды о князе Михаиле Васильевиче. Она формировалась уже в последний год жизни героя, сражавшегося, согласно официальной версии правительства Василия Шуйского, за «очищение государства» от иноземцев и примкнувших к ним «русских воров», за освобождение России от интервентов и изменников.

«Очищение» государства при Шуйском означало то же, что и сегодня: искоренение его политических противников для блага «всей земли», «всемирного множества всяких чинов людей». Царь Василий сел на престол в результате противозаконного свержения «царя Дмитрия Ивановича». Он не только никогда не пользовался поддержкой большинства российского народа, но заставил значительную часть его восстать против себя. Народ желал участвовать во всеобщих выборах государя и не мог смириться с узурпатором.

Но для царя Василия главным было — вскарабкаться на трон. Потом можно хоть всех граждан объявить иноземцами и их пособниками, а себя — защитником Российского госу-

дарства. Поскольку оно «велико и обильно», можно раздать его территории соседям в обмен на наемников — основу «патриотического воинства». Народ будет страдать — облегчение его мук при победе узурпатора в усобице станет источником торжества и восхвалений «спасителя Отечества».

В момент, когда прекращение гражданской войны более желанно, чем какой-либо ее результат, победитель превращается в национального героя. Ему остается только пострадать, чтобы не разделить народной ненависти к новым властям и через века пронести высокочтимый на Руси мученический венец. Все это исполнилось с князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским.

Песни об отравленном придворными злодеями полководце-освободителе занимают видное место в народном творчестве времен Смуты³⁷. Многочисленные повести и сказания о Смутном времени драматически описывают эпопею борьбы Скопина за «очищение Москвы» начиная с посздки его в Великий Новгород для сбора русского ополчения и пиведских наемников³⁸.

Популярнейший в XVII в. «Новый летописец» талагтливо воссоздаст драматургию событий, уделяя Михаилу Васильевичу все больше внимания по мере его неспешного продвижения к Москве, пока Скопин-Шуйский не становится единственным героем, на которого возложены все народные чаяния. Связанные с «Новым летописцем» «Летопись о многих мятежах», «Рукопись Филарета», замечательно подробная «Исковская

³⁷ *Азбелев С.П.* Поэтизация исторического события в былинах // Русская литература. 1983. № 1; *Моисеева Г.И.* Новый список исторической песни о Михаиле Скопине-Шуйском // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 18. Л., 1978; и др.

³⁸ *Васенко П.Г.* Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. СПб., 1904; *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913; и др.

летопись», «Русский Хронограф» 2-й редакции и иные сочинения «бунташного века» заложили основу всех последующих писаний о Скопине-Шуйском³⁹.

Историкам XVIII в. В.Н. Татищеву, М.М. Щербатову и «последнему летописцу» Н.М. Карамзину осталось лишь с большим или меньшим блеском перелагать устоявшиеся представления об «освободителе государства». Вместе с тем Карамзин, в отличие от большинства предшественников и эпигонов, не преминул отметить роль юного князя Михаила Васильевича в более ранних событиях борьбы с И.И. Болотниковым⁴⁰.

С.М. Соловьев со свойственной великому историку последовательностью описал участие Скопина-Шуйского во многих «выпавших» из легенды придворных и военных событиях начиная с царствования Лжедмитрия I. А один из крупнейших русских историков прошлого века Н.И. Костомаров не только нашел Михаилу Васильевичу должное место в монографии о Смуте, но и посвятил ему специальный очерк в «Жизнеописа-

³⁹ Инос сказание о самозванцах // Временник Московского общества истории и древностей Российских (Временник МОИДР). Кн. 16. М., 1853. Отд. II; Летопись о многих мятежах. Изд. 2-е. М., 1788; Лицевой летописец XVII в. СПб., 1893; Новгородские летописи. СПб., 1879; Новый летописец. — Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 14. СПб., 1910; Оболенский М.А. Новый летописец // Временник МОИДР. Кн. 17. М., 1857. Отд. 2; Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени. — Русская историческая библиотека (РИБ). Изд. 2-е. Т. 13. СПб., 1909; Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869; Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси. М., 1837; Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о растрге Гришке Отрепьеве и о походе его // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 4, 9. М., 1847; Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1—5. СПб., 1831—1834; Титов А.А. Угличская летопись. М., 1890; Хронографы Лобковский и Ельнинский (несколько новых сведений о Смутном времени ...) // Москвитянин. Ч. VI. № 21. 1850; и др.

⁴⁰ Татищев В.Н. История Российская. Т. VII. М.—Л., 1968; Щербатов М.М. История Российская. Т. VII. СПб., 1791; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX—XI. СПб., 1843 (репринт М., 1989).

ниях», обратив внимание на некие «темные» дела, отраженные в известнейших источниках, но упорно не замечаемые исследователями⁴¹. Авторы других общих курсов русской истории отличались меньшим вниманием к реальным обстоятельствам краткой и яркой жизни полководца эпохи Смуты. Они в целом вполне удовлетворялись легендой XVII столетия⁴².

«Прямые и кривые в Смутное время» великого бытописателя И.Е. Забелина, выпущенные несколькими тиражами, казалось, должны были обратить внимание историков на проблему характера князя Скопина и его отношения к событиям гражданской войны⁴³. Но даже преизрядный знаток источников и литературы В.С. Иконников в книжке о Михаиле Васильевиче уклонился от этой задачи⁴⁴.

Между тем, помимо изданий русских повествовательных источников, в XIX в. были введены в научный оборот обшир-

⁴¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1989; Костомаров П.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Изд. 3-е. Т. 1—3. СПб., 1883—1884 (перизд. М., 1994); Его же. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 3: XV—XVI столетия. СПб., 1874 (Репринт М., 1990).

⁴² Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII в. Ч. 1—3. СПб., 1839—1846; Быкова А.Ф. Смутное время в России (1598—1613 гг.). М., 1912; Валишевский К. Смутное время. М., 1911; его же. Великая разруха 1584—1614 гг. М., 1913; Есипов Г.В. Тушинский вор. М., 1863. Т. 1—2; Иловайский Д.И. Смутное время Московского государства. М., 1894; Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Ч. III. М., 1988; Мерцалов А.Е. Очерки по истории Смутного времени. СПб., 1895; Нечаев В. Смутное время в Московском государстве. М., 1913; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. М., 1912; ы. Смутное время в Московском государстве. М., 1913; Романовский В.Е. Смуты в Московском государстве начала XVII в. М., 1913; Полилов Н.Г. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. СПб., 1903.

⁴³ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. Изд. 4-е. М., 1901.

⁴⁴ Иконников В.С. Князь М.В. Скопин-Шуйский. Критико-библиографический очерк. СПб., 1875; Его же. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1899.

ные комплексы подлинных документов Смутного времени⁴⁵. Сделался доступным широкий диапазон точек зрения на события, отраженный в записках иностранцев⁴⁶. В последние годы XIX в. и первые 15 лет XX в. взрыв публикаций источников о Смуте, позволяющих по-новому взглянуть и на деятельность Скопина-Шуйского⁴⁷, был связан с празднованием 300-летия

⁴⁵ Акты исторические. Т. 1—2. СПб., 1841; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867; Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. М., 1819; и мн. др.

⁴⁶ *Муханов П.А.* Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Изд. 2-е. СПб., 1871; *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Вып. 1—5. М., 1896—1900; *Петр Петр де Ерлзуида.* История о Великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. М., 1867; Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во времена самозванцев. М., 1834; [Поссевин Антоний.] Повествование о достопамятном завоевании отцовской империи Димитрием великим князем Московским в 1605 г. / публ. К.М. Оболенского // ЧОИДР. № 3. 1847/48. Отд. 3 (с приложением писем гетмана Я.К. Ходкевича); *Пясецкий Павел.* Смутное время и Московско-Польская война / публ. архим. Леонида // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 68. СПб., 1887; *Рожнятовский А.* Описание польских дел в Москве при Димитрии, составленное одним из бывших там с 1605 до 1609 года // Акты исторические, относящиеся к России. Т. 2. СПб., 1842; Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени. СПб., 1894; Сказания польского историка Кобержицкого о походах короля Сигизмунда и королевича Владислава в Россию // Сын Отечества. № 3. 1842; *Хвалибога И.* Донесение о ложной смерти Лжедмитрия I // Временник МОИДР. Т. 23. 1855; *Чилли А.* История Московии // Маяк современного просвещения и образования. Ч. 17. СПб., 1841; *Шамбинаго С.* Письма королю Сигизмунду III о самозванце // Русская старина. № 5. 1908.

⁴⁷ *Александренко В.Н.* Материалы по Смутному времени // Старина и Новизна. Исторический сборник. (СН) Кн. 14. М., 1911; *Его же.* Дополнение к материалам по Смутному времени на Руси XVII в. // Там же. Кн. 17. М., 1914; *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121). М., 1907; *Болдаков И.М.* Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб., 1896; *Вержбовский Ф.Ф.* Война с Польшею в 1609—1611 гг. Исторические материалы. Варшава, 1898; Бумаги посольства г. Англера ... содержащие сведения о Смутном времени // СН. Кн. 14. М., 1911; *Гневушев А.М.* Акты времени правления Василия Шуйского (1606—1610) // Смутное время Московского государства. Вып. 2. М., 1914; *Дмитриевский А.А.* Архиепископ елассонский Арсений и его мемуары по русской истории. Киев, 1899; История Димитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы

Дома Романовых в атмосфере «Гром победы, раздавайся!». А после большевистского переворота, когда рядом замечательных ученых был издан целый свод материалов о народных движениях эпохи Смуты и о Крестьянской войне под руководством И. И. Болотникова в особенности⁴⁸, лучший воевода противного, правительственного, лагеря был оставлен в стороне от наиболее трагических событий как «патриотический» герой.

В послереволюционное время издавался значительный актовый материал, причем не только относительно «классовой борьбы». Особенно следует отметить продолжение публикации первоисточников для изучения Государева двора разрядных документов, отмечающих все назначения и службы московских чинов⁴⁹. Важнейшие повествовательные источники были пере-

Московской // Русский архив. Кн. 2. № 5—6. 1906; *Любавский М.* Литовский канцлер Лев Сапега о событиях Смутного времени. М., 1901; Материалы для истории Смутного времени, извлеченные из разных авторов. Варшава, 1900; Московская трагедия. Рассказ о жизни и смерти Дмитрия / пер. А. Браудо. СПб., 1901; Памятники, относящиеся к Смутному времени // РИБ. Т. 1. СПб., 1872; Памятники истории Смутного времени. М., 1909; Польские и латинские акты, относящиеся к Смутному времени // СН. Кн. 14. М., 1911; [Поссевиш Автопий.] Историческое и правдивое повествование ... // СН. Кн. 15. М., 1911; *Пясецкий Павел.* Материалы для эпохи Смутного времени, извлеченные из разных авторов. Хроника Пясецкого / пер. В.Н. Александренко. Варшава, 1909; Сборник Русского исторического общества. Т. 137, 142. СПб., 1912, 1913; *Титов А.А.* Записки Станислава Немосевского // Рукописи славянские и русские, принадлежащие ... И.А. Вахромееву. Вып. 6. М., 1907; *Его же.* Дневник Марины Мнишек. М., 1908; *Его же.* Дневник Мартына Стадницкого // Русский архив. № 6. 1906; Флетчер Джилс. О государстве русском. СПб., 1906; *Цветаев Д.В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. Вып. 1. М., 1916; *Щепкин Е.И.* Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб., 1896.

⁴⁸ *Литвилов Г.И.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967; *Бибииков Г.И.* Новые данные о восстании Болотникова. Публикация // Исторический архив. Т. 1. 1936; Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959; *Корецкий В.И., Соловьев Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны // Советские архивы. 1982. № 1; и др.

⁴⁹ Акты времен Лжедмитрия I // ЧОИДР. Кн. 1. М., 1918; «Государев разряд» первой половины XVII в. // Проблемы источниковедения. Т. 8. М., 1955; «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // Археографический

изданы на высоком научном уровне; в научный оборот вошли публикации малоизвестных и новооткрытых памятников⁵⁰; стали понятнее история создания и источники ещё не изданных, однако используемых учеными крупных летописей XVII в.⁵¹

Но поразительное изобилие подлинных источников не изменило общей историографической установки. И скромные «книжные писатели», и такие крупные ученые, как Ю.В. Готье, С.Ф. Платонов, А.А. Зимин, И.И. Смирнов, В.И. Корецкий, известнейший автор Р. Г. Скрынников и др., воссоздавая интересную и полезную для нас картину событий⁵², предпочли тем

ежегодник за 1975 г. М., 1976; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974; Разрядная книга 1598–1638 г. М., 1974; и др.

⁵⁰ Беркулабовская летопись // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975; *Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л.* «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 28. Л., 1971; *Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584–1613 гг. М.—Л., 1961; Державина О.А. Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951; *Державина О.А., Колосова Е.В.* Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955; *Енин Г.П.* Повесть о победах Московского государства. Л., 1982; *Лимонов Ю.А.* Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1974; *Его же.* Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982; *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии. М., 1937; *Насонов А.Н.* Псковские летописи. Вып. 1–2. М., 1941–1955; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978; *Плигузов А.И., Тихонюк И.А.* Смута в Московском государстве начала XVII столетия в записках современников. М., 1989; Сокращенный временник // Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955.

⁵¹ Для нас особый интерес представляют описанные И.Д. Беляевым и А.Н. Поповым редакции «Хронографа Русского» XVII в., исследованные А.В. Лаврентьевым рукописи Свода 1652 г. и крупные новгородские своды, изученные С.Н. Азбелевым.

⁵² *Абрамович Г.В.* Князь Шуйские и российский трон. Л., 1991; *Готье Ю.В.* Смутное время. М., 1921; *Зимин А.А.* К истории восстания Болотникова // Исторические записки. Т. 24. 1947; *Каргалов В.В.* Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975; *Его же.* К истории восстания Болотникова // Исторический архив. № 2. 1956; *Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времен до 1618 года. Т. 2. М., 2004; *Кулакова И.П.* Восстание 1606 г. в Москве и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985; *Маховский Д.П.* Первая Крестьянская война в России. Смоленск, 1967; *Морозова Л.Е.* Смута

или иным путем устранить героического полководца Скопина от *главного конфликта времени*: борьбы царской власти и восставшего народа.

К князю Михаилу Васильевичу была прочно привязана драматургия, заложенная ещё в «Новом летописце» и талантливо развитая Карамзиным: «Лучший из воевод, хотя и юнейший, в годину величайшей опасности с печалью удалился от рати, думая, что возвратится, может быть, уже поздно, не спасти царя, а только умереть последним из достойных Россиян! ... Так успел Герой-юноша в своем деле великом! За 5 месяцев пред тем оставив Царя почти без Царства, войско в оцепенении от ужаса, среди врагов и предателей — находя везде отчаяние и зложелательство, но умея тронуть, оживить сердца добродетельной ревностью, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, восстановить целость России от Запада до Востока, рассеять сонмы неприятелей многочисленных и взять одною угрозою крепкие, годовые их станы — Князь Михаил двинулся из Лавры, им освобожденной, к столице, им же

в России начала XVII в. глазами современников. М., 2000; *Её же*. Россия на пути из Смуты. М., 2005; *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1974; *Платонов С.Ф.* Смутное время. Пг., 1923; *Его же*. Социальный кризис Смутного времени. Пг., 1924; *Скляр И.М.* О начальном этапе первой Крестьянской войны // Вопросы истории. 1960. № 6; *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985; *Его же*. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; *Его же*. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988; *Его же*. Василий Шуйский. М., 2002; *Козляков В.* Василий Шуйский М., 2007; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова (1606—1607). Л., 1951; *Фирсов Н.Н.* Крестьянская революция в России в XVII в. М.—Л., 1927; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978; *Его же*. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957.

спасенной, чтобы вкусить сладость добродетели, увенчанной славою»⁵³.

С. М. Соловьев, в силу большего почтения к букве источника, не мог столь однозначно воспеть силу Скопина-Шуйского и значение его побед, а потому задался вопросом о «причинах славы и любви народной, приобретенных Скопиным». «Общество русское, — справедливо заметил историк, — страдало от отсутствия точки опоры, от отсутствия человека, около которого можно было бы сосредоточиться». 24-летний воевода волею судеб стал этой точкой притяжения народной надежды: «В один год приобрёл он себе славу, которую другие полководцы снискивали подвигами жизни многолетней, и, что ещё важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, всех земских людей, желавших земле успокоения от смут, от буйства бездомовников, казаков, и все это Скопин приобрел, не ознаменовав себя ни одним блистательным подвигом, ни одной из тех побед, что так поражают воображение народа, так долго остаются в его памяти»⁵⁴.

Так писал ученый, интересовавшийся в первую очередь осмыслением огромного архивного материала. К настоящему времени трудами поколений историков и археографов проблема апализа и систематизации массы разнovidных источников о событиях Смутного времени и роли в них Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в значительной мере разрешена. Кажется странным, что в науке и литературе многие до сего дня озабочены лишь тем, как успешнее использовать в своих трудах столь ярко обозначенную Карамзиным легенду. Это никак не приближает к пониманию действительно незаурядной личности и трагической судьбы князя Михаила Васильевича.

⁵³ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 12. Гл. 3.

⁵⁴ *Соловьев С.М.* История России. Т. 8. Гл. 6.

Ещё современник и историк гражданских распри XVII в. Сильвестр Медведев, сравнивая общество без правдивой истории с потерявшим память безумцем, писал, что панегирическая история *особливо* бессмысленна и тлетворна⁵⁵. Скопин-Шуйский был одной из многих ярких личностей военного сословия, поставленных Смутой перед мучительнейшим выбором. Самое время поведать правду о жизни князя Михаила Васильевича и задуматься над горькими ее уроками.

Живые детали, которыми будет украшен мой рассказ, все до единой взяты из достоверных, современных событиям источников: документов и свидетельств участников гражданской войны начала XVII в.

ГЕРОЙ СМУТЫ

Три столетия назад, в начале XVII в., Россия пережила страшные годы Смуты. В нашей стране впервые в её истории разразилась не просто усобица, но полномасштабная гражданская война. Все воевали против всех, брат шёл на брата, сын восставал против отца. Страна, прошедшая много тяжёлых испытаний, не знала бедствия ужаснее, чем эта братоубийственная война.

Русь издревле привыкла воевать. Её воинам всегда приходилось защищать свою землю. Волна за волной катились на неё с юга и востока кочевники: гунны, авары и булгары, хазары, печенег и половцы. Триста лет жила Русь под игом татар.

⁵⁵ О нём: *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 84–98; *Его же.* Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994; От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

С северо-запада на нашу землю зарились варяги и венгры, шведы и немецкие крестоносцы, поляки и литовцы. Сами русские князья, которые должны были землю защищать, беспрестанно ходили воевать друг на друга. Новгородцы сражались с ростовчанами, суздальцами с воинами стольного града Владимира. Те — со смолянами и черниговцами. Дружины Галича и Волыни шли против князей Минска и Полоцка. Князья многих городов, объявив себя великими, рубились за Киевский престол. Московское государство создавалось войнами за власть в Восточной Руси.

Но в самые тяжкие годы усобиц и напествий Русь хранила свои нравственные устои. И во времена ордынского ига правда в ней жила. Святители Русской православной церкви и простые летописцы нередко обличали алчность всех воюющих князей. Правым был тот, кто стоял за единство Руси и защищал землю. Преступным — тот, кто в корыстных целях разорял страну и наводил на неё иноплеменников.

Грехом было поднять руку на брата, нарушить единство страны, говоря: «Это моё, и это тоже моё». «Что вы ссоритесь между собою? — сурово спрашивал князей летописец. — А поганные губят землю Русскую!» Слушавшие проповеди и читавшие летописи знали, что князь-язычник Святослав был лучше тех миропомазанных, кто начинает усобицы. «Не посрашим земли Русской, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имам!» — говорил он, сражаясь за Русь с внешними врагами. Лучше погибнуть, как первые русские святые, князья Борис и Глеб, чем воевать за власть с собратьями. «Лучше на своей земле костьми лечь, нежели на чужой славным быть!»

Любовь к стране и вера объединяли людей в самые тяжкие времена. Купец Афанасий Никитин в конце XV в., когда Москва покоряла его родную Тверь, написал: «Русская земля

да будет Богом хранима! На этом свете нет такой страны, как она, хотя князья Русской земли — не братья друг другу. Пусть же устроится Русская земля устроенной, хотя правды мало в ней!»

И вот в начале XVII в. любовь уступила место всеобщей ненависти. Разорённый и вымирающий от голода народ восстал на своих правителей. А те погрязли в борьбе за власть и продавали страну иноземцам. Призванные ими неприятели топтали могилы некогда славных русских воинов. Продажные и корыстные процветали. Мужественные и честные не знали, на чьей стороне правда. Священники, монахи и архиереи потерялись в волнах братоубийственной войны, не зная, как её утишить. Сам патриарх Гермоген среди этих бурных вод «истончевал и разъедался» «многими пенами соблазна». Как и все честные люди России, святейший мучительно искал истину. Но и он не знал, как остановить братоубийство. Ведь в Гражданской войне нет победителей и нет правых. Только один человек, отдав стране свою жизнь, заслужил светлую память всех соплеменников и симпатии врагов.

Светлая личность боярина Скопина-Шуйского и его безвременная гибель на 24-м году жизни была воспета во многих повестях, сказаниях и народных песнях начала XVII в. Ни один героический воевода тех лихих лет не был удостоен столь доброй памяти. Ни о ком больше матери не рассказывали детям у колыбели. Никем не восхищались одновременно русские и поляки, шведы и немцы.

Это был юноша необычайно высокого роста и богатырской комплекции, статного вида. На лице с высоким лбом выделялись большие, широко расставленные глаза, в которых светился «великий разум не по летам». По словам врага, гетмана Жолкевского, он «не имел недостатка в мужественном духе

и был прекрасной наружности». Храбрость и решительность сочетались в князе с добротой и приветливостью к соотечественникам и иностранцам.

Зрелый ум князя, позволявший видеть и понимать больше других, наложил отпечаток глубокого страдания на его лицо. На сохранившемся портрете Скопина-Шуйского поражают наполненные страданием глаза мученика. Они смотрят с редкостной, пронзительной грустью, казалось бы, неуместной у молодого, знатного, богатого и славного полководца победителя. Историки предпочитают не замечать этого взгляда, не задумываться над тем, какая мука одолевала человека, изображаемого лишь в героических красках. Но Михаил Васильевич тяжело воспринимал свои «победы и одоления» в войне с русскими и православными.

Как и всех русских людей, Скопина-Шуйского влек неодолимый поток трагических событий. Гражданская война обращала самые лучшие намерения в кровавую драму. Люди чести — а князь был из их числа — с горечью думали о цене побед, не достигавших главного: мира в разоренной и озверевшей России. Один из немногих — а, по мнению современников, единственный — он сохранил нравственную чистоту. Именно это связало образ князя с надеждой на выход из Смуты.

РОДОВИТЫЙ ВОТЧИННИК

Михаил Васильевич родился 8 ноября 1586 г. в Москве. Отец его, Василий Федорович, принадлежал к одному из знатнейших родов Московского государства. Княжеский род шёл от великого князя Владимирского Андрея Ярославича, брата Александра Невского. Но сами Шуйские считали, что их

предком был сын Александра Андрей, старший брат первого московского князя Даниила. Получалось, что по старшинству они даже выше великих князей Московских!

До середины XIV в. предки Михаила княжили в Суздале и Нижнем Новгороде. Затем они выпущены были передать свои владения великому князю Московскому. А взамен получили в наследственное владение город Шую. От него пошло название фамилии. В XVI в. дед Михаила получил фамилию Скопин-Шуйский по прозвищу прадеда — князя Ивана Васильевича Скопы.

Дед и отец княжича были славными восводами. Отец многократно отличился, командуя полками в Ливонской войне. Как наместник и первый воевода Пскова он защитил город от нашествия польского короля Стефана Батория в 1581—1582 гг. Его товарищем-воеводой был выдающийся полководец Иван Петрович Шуйский. Этот представитель старшей ветви рода через два года после рождения Михаила умер бездетным. Отец Михаила стал старшим в роде. Он учил сына быть ответственным за честь фамилии и судьбу своей страны.

В отличие от Ивана Петровича, Василий Фёдорович, вернувшись в 1584 г. из Пскова, счастливо женился. Его супругой, матерью Михаила, стала юная княжна Елена Петровна Татсва. В год рождения сына ей исполнилось 18 лет. Род её тоже шёл от легендарного князя Рюрика — через князей Стародубских и Рязановских.

До пяти лет воспитание сына по традиции лежало на матери. Именно она учила ребёнка читать и петь по Псалтири, водила его в церковь, учила арифметике, истории и географии. С пяти лет учить сына должен был уже отец. Но ещё в 1590 г., когда ребёнку было два года, отец уехал воеводой Государева полка (главной армии) на войну со шведами, а заодно стал наместником Великого Новгорода.

Шведов Василий Фёдорович одолел. Когда сыну исполнилось семь лет, он вернулся в Москву — и вскоре умер. Мальчику было известно, что его древний род не нравится правителю России Борису Годунову. Этот незнатный потомок татар высился в учреждённой Иваном Грозным опричнине: чёрном ордене для расправ с неугодными царю. Борис сделал карьеру при дворе как зять главного царского палача Малюты Скуратова. А затем сумел выдать свою сестру Ирину замуж за сына Ивана Грозного, царевича Фёдора Ивановича.

В 1584 г., за два года до рождения Михаила, Иван Грозный умер. По решению Земского собора выборных представителей всего государства Фёдор Иванович вступил на престол. Править этот богомольный, возвышенный духом царь не хотел. По завещанию отца ему должны были помогать несколько знатнейших бояр, чьи предки имели наибольшие заслуги перед Отечеством. Обманом и интригами Годунов сумел отстранить их от власти. Одних он сослал, других убил.

Когда Михаилу было два года, его родич Михаил Петрович Шуйский был заточён в Кирилло-Белозерский монастырь. Говорили, что его насильно заставили принять схиму, а затем отравили в келье угарным газом. Михаилу исполнилось 7 или 9 лет, когда и его отец внезапно постригся в монастырь под именем Иона, а затем умер. Княжич с матерью увёз тело отца в Суздаль. Там славного восводу погребли в семейном склепе храма Рождества Богородицы.

Никого из родственников не было на похоронах. Глава младшей ветви рода Шуйских Андрей Иванович был в том же году сослан в Каргополь. Там по приказу Годунова он был убит. Брат его Дмитрий Иванович, жепатый, как и Годунов, на дочери Малюты Скуратова, был сослан в Шую. Туда же угодил в ссылку Иван Иванович. Четвёртый брат, Василий, проводил ссылку в Галиче.

Младшая ветвь рода Шуйских смирилась с властью Годунова. Самый бессовестный из них, Василий Иванович, сумел даже завоевать доверие временщика. В 1591 г. его с братьями вернули в Москву. Василий Иванович отплатил Годунову тем, что криводушно доложил Освященному собору русских архиереев о причине смерти наследника престола, царевича Дмитрия.

Все россияне знали, что царевич, причисленный позже к лику святых, был по приказу Годунова злодейски убит. Василий Шуйский, проведя в Угличе расследование, постарался доказать, будто царевич вонзил в себя клинок сам. Для этого ему пришлось нарушить все существующие на Руси нормы ведения следствия. Этого оказалось мало. Василий с подручными перетасовал, а частью просто переписал следственное дело. В его докладе Освященному собору виновными были представлены не посланные Годуновым убийцы, а ... родственники царевича по матери, бояре Нагис. Вместе с матерью царевича, вдовой Ивана Грозного Марией Фёдоровной, они были сосланы и насильно пострижены в разные монастыри⁵⁶.

Годунов подчинил себе младшую ветвь рода Шуйских и устранил с пути иных знатнейших бояр. После кончины Фёдора Ивановича в начале 1588 г. он обманом занял московский престол. Михаилу Скопину-Шуйскому было тогда 12 лет. Как будто в насмешку над русскими традициями, воцарение Бориса Фёдоровича было оформлено как его «всенародное и единогласное избрание» на царство Земским собором.

⁵⁶ Богданов А.П. Кто писал Углический обыск о смерти царевича Дмитрия? // Советские архивы. 1984. № 3. С. 28–32; *Его же*. Обыкновенное дело о смерти царевича Димитрия в Угличе 15 мая 1591 года // История и палеография. Сб. статей. М., 1993. С. 176–236; *Его же*. Основы филолиграведения: История, теория, практика. М., 1999. С. 201–273.

Михаил, как и другие аристократы, знал, что никакого Земского собора не было. «Соборное постановление» было документально оформлено после того, как Годунов захватил трон. Людей, которые задним числом были назначены участниками лжесобора, затем на протяжении трёх лет по одному заставляли подписывать этот поддельный документ.

К счастью для нравственности мальчика, мама держала его вдалеке от Государева двора. После смерти мужа Елена Петровна управляла делами от имени сына. Кроме Михаила у неё был второй сын, Симеон, но он умер во младенчестве. По закону была «матёрой вдовой», до совершеннолетия сына имевшей все юридические права почившего мужа. Михаил, как водится, был с первых лет жизни приписан к Государеву двору в самом младшем для знати чине жильца. Но лично являться ко двору незаконного царя мама княжичу не позволила.

По традиции, юный наследник рода Скопиных-Шуйских должен был получить чин стольника и служить царевичу, Борису Фёдоровичу Годунову. Тот был всего на три года младше Михаила. Вырастая вместе с царевичем, стольники становились его друзьями, а со временем — близкими боярами нового царя.

Даже маниакально подозрительный царь Борис почти не трогал мальчиков, окружавших его сына, и знатных девочек, с которыми росла во дворце его дочь Ксения. Его кары обрушивались лишь на их родителей. «Если бы терп завистливой злобы,— писал о царе современник,— не омрачал цвета его добродетели, то мог бы он уподобиться древним царям». Увы, клевета и доносы процветали при царском дворе. Бояре Бельские, Романовы и их родственники оказались в ссылке, где многие погибли. Сослан с матерью в далёкое Белоозеро был даже тёзка княжича, Михаил Романов, который был младше его на 10 лет!

Вместе с Бельскими и Романовыми Скопины-Шуйские, как старшие родом, были обречены на опалу. Но, укрыв сына в загородном имении, боярыня Елена Петровна смогла избежать подозрительности царя Бориса. Михаилу исполнилось 15 лет, когда дворянин обязан был начать действительную службу. Но ни в этот, ни в следующий год он не явился ко двору. И его на службу не требовали, как будто забыли. Возможно, мама Михаила помогла чиновникам о нём забыть.

Столичные страсти проходили мимо большой деревянной усадьбы, в которой вырос Михаил. Он сумел сохранить духовные ценности, завещанные ему историей рода. Как и предки, он учился быть полководцем. С младенчества мальчик знал, что Шуйские не должны падать себя на защите Отечества. Летописи, которые он читал, рассказывали о подвигах князей, стоявших за Русь, и вечном проклятии тех, кто предавал свою страну.

Прежде всего, полководец должен был стать хорошим воином. За учителями не надо было далеко ходить. Боевые холопы его отца жили в усадьбе. Они присягали на верность одному хозяину и сопровождали его во всех походах. Заключив договор-ряд, холоп обязан был служить хозяину всю свою или его жизнь. После кончины боярина Василия Фёдоровича его боевые холопы были свободны. Они могли взять заработанные в походах средства и уйти. Но многие прижились в усадьбе, обзавелись семьями, сами стали частью семьи Шуйских.

Кто-то из отцовских холопов заключил новый договор, уже с Михаилом. Кто-то остался при нём просто свободным воспитателем, дядькой. Молодой хозяин отвечал за благосостояние всех, кто когда-либо служил его семье. Он считал себя обязанным позаботиться о старом холопе, даже если тот не заключил с ним ряд. Человека, верно служившего Шуйским,

надо было всю жизнь уважать, ободрять добрым словом, кормить и одевать.

Товарищами Михаила в боевой учёбе были молодые холопы. Они приносили пожизненную присягу лично ему. Люди были готовы идти с князем в бой, в уверенности, что он поможет им лечить раны и никогда не бросит на произвол судьбы, даже калеку. Договор холопства означал, что человек вручает князю свою жизнь, а князь с этого момента за эту жизнь отвечает.

Боевая учёба княжича была тяжела. Он должен был лучше всех скакать на горячем коне и рубить длинной, тяжёлой саблей, пробивая стальные доспехи. Он с пяти лет приучался носить тяжкие латы. Вначале островерхий шлем и панцирь из мелких стальных колец. Со временем, когда юноша окреп, поверх панциря на него надевали зеркала их крупных стальных пластин. Зеркала и шлем с пластинчатыми наушами и паза-тыльником должны были остановить пулю. На руки княжич надевал стальные наручи, на ноги — поножи-бутурлыки. В этом доспехе Михаил должен был научиться действовать саблей и коньём так же ловко, как в одной шёлковой рубашке.

На полном скаку княжич учился стрелять из лука — это искусство русского воина сохранялось с незапамятных времён. Он стрелял из пистолетов и большого фитильного ружья — пищади. Огнестрельное оружие было в моде, но его было трудно перезаряжать на скаку. Поэтому многие дворяне и в XVII в. предпочитали лук. Даже в конце столетия из луков стреляли при царском дворе, где это превратилось в аристократический спорт⁵⁷.

Всё, что он делал, княжич должен был делать лучше других. Он с младенчества знал, что будет командиром. А командир

⁵⁷ Богданов А.П. Несостоявшийся император Фёдор Алексеевич. М., 2009. С. 66—68.

обязан быть первым в бою и походе, во всём подавать пример. Пока его воинами были только холопы, но Скопин-Шуйский знал, что род обязывает его вести в бой на врага большие полки.

Когда холопы шли отдыхать, Михаил продолжал учиться. Князь должен быть хорошим хозяином, иначе люди, которые от него зависят, не будут сыты и одеты так, как полагается слугам в его доме. Самые доверенные слуги тоже были холопами. В этом не было ничего зазорного. Люди записывались к нему в холопство и из дворян, в основном самых мелких, — их называли «дети боярские». Просто они связывали себя с князем на всю жизнь, а он обязан был во всём отвечать за них.

Даже если холоп совершал кражу и убийство, вину на себя принимал князь. Он отвечал перед обществом и законом, а холопа должен был наказать сам. За вину Михаил приказывал бить гибкими прутьями-розгами, палками, в крайнем случае — длинной плетью. Только не до смерти. Обречь человека на смерть в России мог только царь. Смертный приговор объявленному, «ведомому разбойнику», вынесенный присяжными и судьёй в любом конце страны, рассматривался и утверждался в Москве.

Человеческая жизнь была величайшей ценностью. Все знали, что убийство — смертный грех. На просторах Руси людей всегда было сравнительно немного. А после Великого разорения страны Иваном Грозным везде остро не хватало рабочих рук. Царские опричники вырезали население целых областей. Скопин-Шуйский, имевший наследственные владения в разных уездах, знал это очень хорошо.

В Новгородской и Псковской областях после опричнины землю обрабатывал лишь один крестьянин из прежних десяти. В Московском и Можайском уездах — двое. В Коломне

из десяти дворов населённым был лишь один двор. На юге, где зверствовали наведённые царём орды его «любительного брата хана крымского», людей осталось больше. Татары не были так жестоки, как царские псы-опричники. Ибо были разумнее — оставляли людей на «раззавод». Иначе откуда потом брать рабов — главный источник обогащения и просто пропитания Крыма?!

Из вотчин Скопина-Шуйского, как и с других земель, множество людей бежало от опричных ножей и голода на окраины страны. Люди спасались в Приуралье, в Поволжье и за укрепленными рубежами — засечными чертами на юге. В дикой степи, за чертой русских крепостей, селянам было безопаснее, чем на родине. А на Руси за оставшихся крестьян шла война.

Основную массу дворян, имевших прежде по несколько крестьянских дворов, некому стало кормить. Они совершали грабительские набеги друг на друга, чтобы вывезти чужих крестьян в своё пустое поместье. Приказчики монастырей, бояр и богатых дворян сновали по стране, уговаривая крестьян переходить к новым хозяевам. Ведь по закону неделю до и неделю после Юрьева дня (26 ноября) крестьяне могли от своих хозяев уйти. А богатый землевладелец мог брать с них меньше податей, чем бедный дворянин, которому не в чем было даже явиться на обязательную военную службу.

Когда Михаил был ещё подростком, Годунов выход крестьян запретил. Запретил он и горожанам покидать свои дворы. В стране просто некому оставалось платить налоги, все разбегались на окраины и даже за границу, в инопольные страны. Русь заполонили сыщики, возвращая рабочие руки дворянам и налогоплательщиков — царю.

Без крутых мер Годунову не на что было бы содержать армию, состоявшую из конных дворян и их холопов и из пеших

стрельцов на казённом жаловании. На юге, в Диком поле, где царь Борис строил города и крепости, он заставлял убежавших на свободу крестьян нести военную службу и отрабатывать царскую барщину. Рука государства старалась поработить людей всюду, куда дотягивалась. Но государство сильно состоятельными людьми, которых осталось мало; так что и карательная рука его ослабела.

Как разумный хозяин, Скопин-Шуйский учился быть отцом для своих крестьян. Он с детства знал, что силой никого не заставишь хорошо работать. Примером доходного хозяйства были монастыри. Владая обширными землями, монашеские братства старались давать крестьянам льготы, побуждали их заниматься выгодными ремеслами и промыслами. В прудах разводили рыбу, в лесах собирали мёд. Крестьяне, платя монастырю, но оставляя большую часть дохода себе, богатели. С ними богатели и святые обители.

Князь заботился, чтобы его крестьяне растили хлеб и овощи, разводили скот, ткали, делали посуду и металлические изделия. Он должен был закупать на севере и доставлять в имения соль по разумной цене. Хозяин был обязан вовремя делать запасы продуктов и уметь их хранить. Заботы по дому были делом женщин. Зато всё, что было необходимо принести в дом, добывал мужчина. Это нелёгкое дело, если в усадьбе живёт несколько сотен слуг!

Хороший хозяин старался, чтобы все его люди процветали и богатели. Он должен был делать запасы на голодный, неурожайный год. Помогать семье, лишившейся кормильца. Совсем бедному крестьянину дать лошадь, чтобы тот мог пахать, и корову, приносящую молоко и телят. Дать займы, но без процентов. Ростовщичество считалось православными делом недостойным. Да что говорить — просто грехом.

Суровое испытание ждало молодого хозяина в неурожайные годы. В 1601—1603 гг. на Руси был страшный голод. Всюду люди умирали тысячами, так что «мертвых по улицам и дорогам собаки не проедали». Накопленные запасы позволяли Скопину хоть и впроголодь, но кормить своих слуг и крестьян. Из соседних поместий народ массами бежал в города. Ходили слухи, что там царь Борис раздаёт еду.

Князь знал, что Годунов попытается удержать в городах цены на хлеб, раздаёт из казны зерно и деньги. Царь развернул крупное строительство, чтобы дать работу беднякам. Но ничего не помогало. Люди умирали массами. В одной Москве за два года и четыре месяца было погребено 127 тыс. человек.

Самым страшным был даже не голод, а крушение нравственных устоев. Землевладельцы, забыв, что должны быть отцами крестьян, прятали свои запасы или старались продать их втридорога. Даже некоторые монастыри дошли до такого безумия, что позволяли вымирать всей округе, сберегая зерно в своих подвалах.

Царские чиновники, которые по приказу Годунова должны были раздавать народу хлеб, воровали его и перепродавали за бешеные деньги, не страшась казни. Помещики неистовствовали, поработав голодающих за гроши, покупая их жен и дочерей. Михаил был потрясён тем, что родовитые дворяне ослепли от жадности. Они будто не видели, как поднимается в народе волнение, как крестьяне целыми деревнями бегут от них искать пропитания.

Разорваны были узы, связывающие людей. Желая сберечь запасы, хозяева выбрасывали холопов за ворота на голодную смерть. Это было всё равно, что убить своего ребёнка или старых родителей, за которых отвечаешь перед Богом и людьми. Ужасные слухи о людоедстве, когда матери ели своих детей, а дети убивали

родителей, подтверждали худшие опасения князя. «Много людей с голоду умерло, — написал о тех временах современник, — а иные люди мертвечину ели и кошек, и люди людей ели».

Вместо братской любви воцарилась жестокость. Многие хозяева, выгопя холопов, не давали им отпускных грамот, с которыми можно было искать нового хозяина. А что мог холоп? Это был или воин, или слуга. Он не умел сам себя прокормить. Изгоняя, хозяин его попросту убивал. Годунов вынужден был объявить указ, что всякий холоп, изгнанный хозяином, получает волю. Но даже самый добрый человек в те годы не мог взять нового холопа к себе. Выход у холопов был один: соединяться в шайки и грабить. Князю то и дело приходилось скакать во главе своих холопов на границы владений, отражать набеги разбойников.

Крестьяне массами разбегались от мелких дворян, которые в голод не могли их поддержать. Спасая остатки армии, Годунов разрешил дворянам вывозить к себе крестьян в Юрьев день. Но кто бы по своей воле пошёл к этим дворянам, которым самим нечего было есть? Они, собираясь в шайки, просто налетали на чужие владения, чтобы захватить крестьян силой.

Захватчиков Михаилу приходилось просто рубить. Крестьян он освобождал. И видел, что вокруг его владений крестьяне сами уходили от жадных владельцев или не платили им подати. Если помещик хотел собрать подати силой, крестьяне попросту жгли его имение. Со всех сторон шли вести о восстаниях крестьян. Царские карательные отряды из озверевших дворян свирепствовали вокруг Тулы, Владимира, Волоколамска, Вязьмы, Ржева, Можайска и Коломны.

Безоружных, не умеющих воевать крестьян легко было рубить. Но в 1603 г. собрались в стаю и пошли на Москву бездомные боевые холопы. Множество разбойничьих шайк

объединил атаман Хлопко Косолап. Царское войско остановило его уже у самой столицы. В жестокой сече пал царский воевода, но восставших удалось одолеть.

На радостях знать заставила Годунова отменить указы о крестьянском выходе и холопской воле. Господа отказывались понимать, что большинство повстанцев не погибли — и они ушли на южные окраины не для того, чтобы сложить оружие.

Гражданская война в России началась, а московская знать тешила себя мыслью, будто сохраняет власть над подданными. Царь тоже не понял, что происходит в стране. Среди взятых в плен холопов несколько было из домов его старых врагов-бояр. И Годунов приказал сыщикам расследовать боярский заговор... С Нового времени в России власть имущие никогда не верили, что народ может возмутиться их беззаконием сам, без подсказки извне!

В 1604 г. земля наконец-то дала урожай. А Скопину-Шуйскому пришлось ехать к царскому двору, чтобы снять с себя подозрения царя, который всюду видел заговорщиков.

Князь получил чин стольника и прислуживал за Большим столом при приёме персидского посла. На столе было сказочное изобилие яств. В обезлюженной ещё Иваном Грозным, а теперь вдобавок вымершей на треть стране шла война. Народ массами бежал на окраины и за границы, в отчаянии брался за оружие. Царь Борис с семьёй и двором пировал.

ВЕЛИКИЙ МЕЧНИК

На следующий год царем оказался Дмитрий Иванович. Почти все верили, что это был чудом спасшийся сын Ивана Грозного и Марии Федоровны Нагой. Немногие противники называли

его Лжедмитрием. Восставший против Годуновых народ восторженно приветствовал государя, народной волей посаженного на трон предков. Знать спешила услужить новому царю.

Именно Дмитрий Иванович, перейдя границу с тысячей поляков и литовцев, зимой и весной 1605 г. выступал в глазах народа как законный государь. А Борис Годунов свирепствовал как сознающий свою слабость тиран. Борис казнил — Дмитрий миловал своих противников. Один захлебывался в обличениях самозванца — другой не удосуживался объяснять незаконность власти Бориса. Годунов послал в Путивль монахов со злоотравным зельем, чтобы тайно известить Дмитрия Ивановича, — и сам скончался злой смертью, как говорили, от яда, собственной рукой приготовленного!

19-летнего Скопина-Шуйского при дворе Годунова тоже ждала бы смерть от яда или ссылка. Кривить душой так, как делал его родственник Василий Шуйский, он не умел. При дворе узурпатора князь просто не смог бы прижиться. Михаил Васильевич верил, что Бог, после всех испытаний, явил милость к России и вернул ей законного царя Дмитрия. В это поверили пограничные казаки, ставшие под знамя нового царя, когда поляки и литовцы разбежались. Встречные города открывали им ворота. Граждане истребляли чиновников Годунова.

Под знамена царя Дмитрия Ивановича встали жители Моравска, Чернигова, Путивля, Рыльска и Севска со знаменитой свободолюбием Камарицкой волостью, Курска и Кром. Другие колебались. Дело решило поражение, нанесенное самозванцу войсками Годунова под Добрыничами. Испугавшись гибели надежд на смену московского правительства, Дмитрия враз признали Оскол и Валуйки, Воронеж и Белгород, Елец и Ливны. Его признал даже названный в честь Годунова Царев-Бори-

сов. Ко дню смерти Годунова 13 апреля 1605 г. юг и юго-восток Руси были охвачены восстанием

При известии о кончине царя Бориса дворяне Рязани, Тулы, Каширы, Алексина и других южных городов устремились к «царю Димитрию» стройными полками. Важно понять, что провинциальные и московские дворяне и архиереи не *переметывались* на сторону побеждающего претендента на трон. Они съезжались в стан царя, признанного народом и знатью. На его сторону перешла вся армия во главе с воеводами, в том числе знаменитый своим упорным сопротивлением самозванцу Петр Фёдорович Басманов.

Теперь полками Дмитрия Ивановича командовали представители лучших родов государства: бояре и князья Василий и Иван Васильевичи Голицыны, Борис Михайлович Лыков, Иван Семёнович Куракин, Лука Осипович Щербатов, Фёдор Иванович Шереметев, Фёдор Андреевич Звенигородский, дядя князя Михаила Борис Петрович Татев, Михаил Глебович Салтыков, Юрий Петрович Ушатый, Петр Амашукович Черкасский. Каждое из этих имён многое говорило Скопину-Шуйскому. Это был цвет российского воинства. В свите нового царя собирались все знатнейшие люди Руси.

Уверенный в победе, Дмитрий Иванович распустил войска на отдых и неспешно отправился в Тулу. Там его ждала весть, что Москва восстала против Годуновых, что его неприятели заточены. Остававшиеся в столице бояре во главе с первейшими членами Думы князьями Иваном Михайловичем Воротынским и Никитой Романовичем Трубецким выехали в Ставку законного государя. Их сопровождали окольничие, стольники, стряпчие и всяких чинов люди, богатейшие купцы-гости и толпы народа. Князь Михаил Васильевич поехал встречать государя в шитом золотом шёлковом кафтане, на лучшем коне.

Только высшее духовенство, удерживаемое патриархом Иовом, медлило с признанием самодержавной власти «наследника» Ивана Грозного. Не было среди приветствующих царя Дмитрия Ивановича и боярина Василия Ивановича Шуйского. Один из подручных и главных претендентов на наследство Годунова был крайне раздосадован успехами соперника. С Лобного места на Красной площади Шуйский свидетельствовал перед народом, что царевича Дмитрия Ивановича «не стало» еще в 1591 г. Подлинный царевич, говорил боярин, лично им был погребен в Угличе. Однако, ещё раз выйдя к восставшим москвичам по просьбе патриарха Иова, Шуйский неожиданно предал архиерея. Он переменял свою версию, без стеснения объявив, что царевич Дмитрий Иванович спасся от убийц, а вместо него он, боярин, похоронил поповского сына!

Новый государь, ещё не вступив в Москву, проявил благоволение к Шуйским. Сразу четверым из них он отвёл места в «совете его цесарской милости». Молодой Скопин поручил чин боярина и почетное звание великого мечника. Он не только украшал своей персоной царские приемы, стоя перед тронем с обнаженным государевым мечом; именно князя Михаила Васильевича царь послал за своей матерью Марией Федоровной, в иночестве Марфой. Она была торжественно доставлена князем в Москву и признала Дмитрия родным сыном. Нам неизвестна правда о происхождении названного Дмитрия. Но свидетельству матери Михаил Васильевич поверил так же, как и остальная знать.

Один патриарх Иов, любивший Бориса Годунова, остался верен себе и не признал самозванца⁵⁸. В гневе москвичи разграбили двор святейшего и самого его чуть не убили. Только по

⁵⁸ О позиции патриарха Иова см.: *Богданов А.П.* Русские патриархи. Т. 1. М., 1999. С. 10–112.

милости нового царя Иов был спасен от разъяренной толпы и отправлен в Старицкий Успенский монастырь. Так обставили дело сторонники самозванца, понимавшие опасность конфликта с церковной иерархией. Но сначала Иова следовало законопно низложить, чтобы его проклятия новому царю никто не стал слушать.

В июне 1605 г. ничто не предвещало трагического оборота событий. Царь очень медленно двигался к Москве, окружённый блестящей свитой, в которой выделялась высокая, под два метра, фигура Скопина-Шуйского. Бесчисленные толпы людей всех чинов и сословий приветствовали царя как освободителя. Бояре и архиереи спешили протиснуться в свиту государя и поднести дары: золото, серебро, драгоценные камни и жемчуга, материи и меха, яства и напитки.

Каждодневно на стоянках разбивался доставленный из столицы шатровый город с четырьмя воротами в башнях из дорогих тканей, с богато убранными комнатами, украшенными золотым шитьем. За великую честь почитали встречающие попасть в число пятисот гостей, что ежедневно угощались государем в столовом палате. Все мечтали оказаться поближе к великолепному царскому выезду — карете с дивной красоты конями, — также прибывшему из Москвы.

20 июня 1605 г., в прекрасную погоду, состоялся тщательно подготовленный въезд Дмитрия Ивановича в столицу. Вместе со знатнейшими московскими боярами Скопин-Шуйский облачил наследника престола в царские одеяния из парчи, бархата и шелка, питые драгоценными камнями и жемчугом. Глапатаи объявили, что столица ждет своего государя.

Последние из подданных, не присягнувших Дмитрию, — немецкие наемники, обратившие его в бегство в сече при Добрыничах и не сдавшиеся в бою под Кромами, — били ему

челом о прощении, обещая служить так же верно, как Борису Годунову и его сыну. Государь приветливо похвалил немцев за стойкость и верность присяге. Он даже пошутил насчет опасности, которой подвергался в бою с ними. Немцы дружно возблагодарили Бога, спасшего жизнь Дмитрия Ивановича. Люди всех сословий, в том числе и духовенство, облегченно вздохнули, видя доброту и незлопамятность отпрыска Ивана Грозного.

Ликующий московский народ в праздничном одеянии запрудил все площади и улицы огромного города, по которым намечалось шествие. Крыши домов, колокольни и даже церковные купола были облеплены любопытными. Блистающие яркими кафтанами и начищенным оружием войска с трудом продвигались по улицам. За исключением немногих полков и эскадронов, составлявших свиту государя, воинам было приказано по вступлении в город расходиться на отдых, чтобы не теснить своей массой граждан.

Завидев среди нарядных войск сверкающих драгоценностями бояр, которые в полном составе окружали ехавшего на лучшем царском коне Дмитрия Ивановича, толпы валились на колени, славя государя. «Здравствуй, отец наш, государь Дмитрий Иванович, царь и великий князь всяя Руси! — кричал народ. — Даруй Боже тебе многия лета! Да осенит тебя Господь на всех путях твоих чудною милостью! Ты воистину солнышко красное, воссиявшее на Руси!»

«Здравствуйте, дети мои, встаньте и молитесь за меня Богу!» — приговаривал Дмитрий Иванович, не в силах удерживать слез умиления среди всеобщего восторга.

Не скоро шествие достигло Красной площади, где его ожидало празднично одетое духовенство. Яркое солнце полыхало в россыпях алмазов, изумрудов, рубинов и самоцветов, свер-

кало на золотом и серебряном питье облачений архиереев и священников, на драгоценных крестах. Сойдя с коня, Дмитрий Иванович приложился к чудотворным иконам. Столичное духовенство во главе с Освященным собором пело молебен. Польский оркестр наяривал в трубы и барабаны. Народ кричал: «Храни Господь нашего царя»! Грянув во все кремлёвские колокола, удалые звонари заглушили прочие звуки.

Царь отстоял литургию в Успенском соборе и принял поздравления высшего духовенства. Затем посетил могилы предков в Архангельском храме и воссел на прародительский престол в Грановитой палате. Он отказался от коронации до тех пор, пока не дожидется возвращения из ссылки «своей матери и родных» и пока не устроится, в соответствии с каноническими правилами, избрание московского первосвященника.

Царица Мария Федоровна (в иночестве Марфа) была далеко. Она медленно ехала в столицу в сопровождении знатной свиты во главе с князем Скопиным-Шуйским. Поставление нового патриарха тоже готовилось с расстановкой. А заняться царскими делами Дмитрию Ивановичу пришлось вскоре.

Бдительный боярин Басманов обнаружил среди ликующих москвичей пару странных субъектов, портивших людям удовольствие повторением на ушко устаревших обвинений против Дмитрия Ивановича. Шептали, что тот-де самозванец, агент поляков и лютый враг православию. Взятые в застенок, шептуны признались, что действуют по заданию Василия Ивановича Шуйского.

Такое было в характере неисправимого интригана. Он не мог смириться с возвращением династии Рюриковичей и оставить надежду на занятие трона Шуйскими. 23 июня Василий Шуйский с двумя братьями был схвачен. Государь лично разбирал его дело.

Шуйский рисковал собой, но уже добился первого успеха. Аресты вызвали волну слухов, отравивших радость первых дней нового царствования. Сомнения были посеяны в душах подданных. Говорили, что раскрыт страшный заговор бояр и купцов, хотевших поджечь Москву (или только подворье поляков) и убить государя. Власти схватили многих, но заговора не обнаружили. Люди в массе не верили наветам на Дмитрия Ивановича. Но государь решил публично оправдаться и изобличить шептунов на Земском соборе, перед всем миром.

Это был смелый шаг. Для него требовалась уверенность государя в верности высшего духовенства, от митрополитов до игуменов крупнейших монастырей. Именно духовные лица по традиции занимали на Земских соборах высшие места. Бояре и другие чины Государева двора уже доказали Дмитрию Ивановичу свою верность. Выборные земские люди — дворяне, купцы, представители чёрных слобод — связывали с новым государем надежды на лучшую участь. Они, безусловно, поддержали бы того, кого сами возвели на престол.

Дмитрий Иванович убедился, что архиереи покорны его воле. Митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты и игумены собрались 21 июня 1605 г. в Успенском соборе, чтобы с соблюдением законов низложить патриарха Иова. Боярин Басманов повторил в соборе церемонию низложения Иваном Грозным митрополита Филиппа. Все архиереи затем подтвердили низложение. На место твердостоятельного Иова патриархом был избран покладистый Игнатий.

Затем названный царь Дмитрий Иванович созвал Земский собор, чтобы во всеуслышание ответить на сомнения в своем законном праве на престол. Для спора на Земском соборе был поставлен Василий Иванович Шуйский. На его гибкую совесть царь мог положиться. В прениях с Шуйским Дмитрий Ивано-

вич блеснул красноречием. По наблюдениям иностранцев, он говорил с таким искусством и умом, что лживость клеветнических слухов стала до изумления очевидна!

Собор под председательством патриарха Игнатия единодушно признал Шуйского виновным в оскорблении законного наследника престола и приговорил к смертной казни. Спектакль был разыгран на славу вплоть до последней сцены. 30 июня, после многодневного суда, изобличенный клеветник был выведен на Лобное место. Там похаживал палач и зловец поблескивал воткнутый в плаху острый топор.

Василий Шуйский простится с народом, представленным толпой зевак. Он уже положил голову на плаху, когда из Кремля подоспел гонец с объявлением прощения всем причастным к делу, включая главного виновника. Распорядившийся казнью боярин Басманов к тому времени устал, придумывая всяческие оттяжки кровавого финала. Он облегченно вздохнул, не ведая, что спасает своего убийцу.

Многие из ближних советников Дмитрия Ивановича отговаривали государя от лишней мягкости. В конце концов, говорили они, Шуйский уже сделал свое дело на Соборе. Было бы разумно его вправду казнить, достойно завершив жизнь отъявленного интригана. Однако Дмитрий Иванович уперся. Он говорил, что помилование Шуйского произведет лучшее впечатление на народ. Если царь добр, он должен быть милостив ко всем.

Государь повелел отпустить Василия Шуйского и его братьев в ссылку. Впоследствии лица, участвовавшие в вынесении Шуйскому смертного приговора, могли делать вид, будто были уверены в таком повороте событий, хотя в действительности жизнь боярина висела на волоске. В народ был пущен слух, что причиной помилования была сердечная доброта государя и просьба «его матери Марфы».

Однако царица была ещё далеко от столицы. Даже князь Михаила Васильевич не знал, в какой истории успели побывать его родственники. Отсутствие Марфы Федоровны не мешало Дмитрию Ивановичу ссылаться на неё и выражать подчеркнутое почтение.

17 июля 1605 г., почти через месяц после своего утверждения в Москве, государь с патриархом и придворными выехал встречать царицу в село Тайнинское. На месте встречи были поставлены шатры. О событии заранее широко объявили глашатаи. Несметные толпы народа из Москвы, окрестных сел и городов собрались вокруг.

Любой, находившийся рядом с героями дня, не мог поверить, что можно отрицать происхождение Дмитрия Ивановича, увидев трогательную встречу матери с сыном. Обняв друг друга, Дмитрий и Марфа обливались слезами. Вся толпа плакала от избытка чувств. Четверть часа царь и вдовья царица что-то говорили друг другу. Затем государь посадил мать в роскошную карету, а сам пошёл рядом пешком, с непокрытой головой. Царская свита шествовала в отдалении, давая всем узреть образец сыновнего почтения. Сгущались сумерки, и вступление в столицу было отложено на следующий день.

Народное ликование 18 июля было таким же мощным, как при вступлении в Москву самого Дмитрия. Армия звонарей истовствовала на московских колокольнях. Народ восторженно вопил и падал наземь перед процессией. Представители всех чинов столицы, от гостей до чёрных сотен (плативших подати горожан), несли дары. Духовенство возносило благодарственные молитвы.

Старцы умилялись. Средневечные радовались возможности показать свои недостатки. Молодежь была в восторге, избавившись от родительской опеки. Нищие были обеспечены

щедрой милостыней. Патриарх Игнатий с виднейшими архиереями отслужил по случаю воссоединения царской семьи торжественную литургию в Успенском соборе.

Царица Марфа Федоровна разместились в кремлёвском Вознесенском девичьем монастыре, где для неё были возведены новые роскошные покои. Она содержалась, как сам Дмитрий Иванович, получая из дворцовых ведомств всё лучшее, от яств до драгоценностей и мехов. Почтительный сын каждодневно навещал её, проводя в беседах часа по два и выказывая столько ласки и почтения, что закоренелые скептики вынуждены были признать его родным сыном Марфы Федоровны. Только получив благословение царицы, Дмитрий Иванович согласился назначить день своего венчания царским венцом.

30 июля 1605 г. патриарх Игнатий в присутствии всего Освященного собора, Боярской думы, московского и выборного дворянства, представителей городов и сословий по традиционному обряду венчал на царство счастливо спасшегося от происков врагов «государя Рюрикова корня». После службы в Успенском соборе церемония продолжилась в Архангельском храме — усыпальнице великих князей и царей. Дмитрий Иванович облобызал надгробия предков и принял на голову шапку Мономаха.

Князь Михаил Васильевич не догадывался о самозванстве Дмитрия Ивановича. Он не участвовал в попытке опорочить призванного народом царя, чуть было не приведшей на плаху старого интригана Василия Ивановича. Впрочем, Василий Шуйский вскоре был возвращён из ссылки и приближен к самодержцу.

Помимо безгливости, которую вызывала у честных людей личность бессовестного властолюбца Василия Шуйского, соучаствовать в интригах против государя Скопину мешала

благоразумная политика Дмитрия Ивановича. С его воцарением прекратилось страшнейшее бедствие — гражданская война. С отдельными ещё сохранявшимися островками неповиновения государь предпочитал решать дело миром.

Наиболее острые требования участников гражданской войны были удовлетворены. Первыми поддержавшие царя южные уезды были освобождены от палогов. Там был запрещен сыск крестьян, сбсжавших во время голода. Понимая, что нищие дворяне неизбежно будут разорять крестьян, царь резко увеличил владения дворян в Центральной России и вдвое повысил им денежное жалование.

К удовольствию Скопина и других честных людей, царь отменил кабальные записи на холопов с указанием нескольких пожизненных владельцев (отца, братьев, сыновей и т.п.). Это означало свободу примерно для четверти холопов, которые могли честно наниматься к хорошим хозяевам. Дмитрий готовился, в интересах крестьян и хороших землевладельцев, восстановить выход в Юрьев день.

Речи Посполитой, способствовавшей походу Дмитрия Ивановича на Русь, было отказано в обещанных территориальных уступках. Более того, царь захотел утвердить признание на международной арене наивысшего, имперского, статуса Российского государства.

Не получила вожделенных завоеваний на востоке и Католическая церковь, делавшая ставку на самозванца. Правительство Дмитрия Ивановича, в котором немаловажную роль играл Скопин-Шуйский, нашло лучший выход из опасного конфликта соседних славянских держав и противоборствующих церквей.

Царь предложил с помощью римского папы соединить силы христианских государств против агрессии мусульман в

Европе. Для России и Речи Посполитой (в которую входили земли Польши, Литвы, Белоруссии и Украины) турецкий султан и его вассал крымский хан были страшными врагами. Уже столетие турки вели наступление в Европе. Рознь христианских государств не давала его остановить. Ежегодно тысячи православных и католиков, захваченных татарами, продавались на рынках Османской империи. Вместе разгромить врагов Креста Христова и освободить Константинополь — это была святая цель. Она действительно могла объединить всех славян и христиан.

Польский король Сигизмунд III был лишен возможности настаивать на территориальных притязаниях к России. Ведь намалая часть польско-литовских магнатов и шляхты стала на сторону Дмитрия Ивановича. Особенно когда царь объявил, что хочет закрепить союз с братьями и соседями браком с дочерью сандомирского воеводы Мариной Мнишек. Даже у неутомимых в интригах иезуитов были связаны руки, пока папа Павел V надеялся на союз с Россией в борьбе с наступлением мусульман, доходивших уже до Вены и угрожавших Италии.

ДРУЖКА НА КРОВАВОЙ СВАДЬБЕ

Невозможно понять трагическое завершение царства Дмитрия Ивановича, не представив состояние эйфории, в которой пребывал тогда Московский двор, от государя до последнего жильца. Пугавшая «верхи» гражданская ненависть казалась забытой. Столица наряжалась. Ради торжеств и военных приготовлений царь не жалел денег и щедро раздавал служилым людям драгоценные ткани на парадное платье.

Выезды государя приветствовали толпы богато одетых москвичей, вкушавших прелести мира и свободы предпринимательства. Праздничный дух мотовства проник в ряды почтенных горожан. Вечерами они подсчитывали свои растущие доходы и понимали, что имеют средства соперничать в роскоши с задававшим тон дворянством. Москва отстраивалась и расширялась. За волной экономического успеха следовало ожидать демографический взрыв, который при тогдашней малонаселенности вызывал только радость.

24 апреля торжественное собрание при дворе принимало воеводу Юрия Мнишеска, опередившего поезд невесты, чтобы участвовать в приготовлениях к свадьбе. Царь встретил будущего тестя на высоком золоченом троне, под балдахином, увенчанным двуглавым орлом из чистого золота.

Поверх жемчужной маантии Дмитрия Ивановича лежало алмазное ожерелье с рубинами, к коему подвешен был изумрудный крест. Над головой государя, украшенной высокой короной, осыпанной драгоценными камнями, висела чудотворная икона Курской Богоматери в роскошном окладе.

От трона спускались ступени, крытые золотой парчой. По сторонам ступеней со стальными топориками на золотых рукоятках стояли по двое стражей-рынд. Они были в белом бархатном платье, высоких белых меховых шапках и белых сафьянных сапогах, с толстыми золотыми цепями на груди.

Кресло патриарха Игнатия стояло по правую руку царя. Черная бархатная ряса его святейшества была выложена по краям широкой полосой жемчуга и драгоценностей. Алмазный крест сверкал на белом клобуке, эмалевые панации в самоцветах переливались на груди.

По левую руку от Дмитрия Ивановича в парчовой ферязи (длинном кафтане) на соболях стоял с обнаженным мечом

великий мечник Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, молодой и многообещающий воевода. Будущее казалось ему прекрасным.

Въезд в Москву и венчание на царство Марины Мнишек были задуманы как триумф единения соседних славянских народов, как торжественное начало совместных великих свершений. Россияне, литвины и поляки старались блеснуть всеми своими достоинствами. Было заранее объявлено через глашатаев, чтобы 2 мая в столице были оставлены все дела, надеты лучшие наряды. Всем, имеющим коней, было велено с двух часов утра ехать по множеству наведенных через Москву-реку мостов за город для встречи будущей царицы.

Ясным весенним утром огромное пространство перед Москвой напоминало поле, покрытое сказочными цветами. Стройные ряды стрельцов на отличных конях, в новых кафтанах красного сукна, со сверкающими знаками различия полков и ружьями поперек седел, пересекали многоцветную толпу, придавая ей вид клумб. Со стрелецкими полками соперничали молодецкой выправкой дворянские сотни. Знатные юноши, московские выборные и городовые дворяне были в бархатных и парчовых кафтанах, усыпанных драгоценными нашивками, с наброшенными на плечи в виде плащей легкими шубами. Они соперничали между собой дорогими конями, украшенными самоцветами саблями, пистолетами и кинжалами.

Отряд бояр, окольных и думных дворян — высших чинов Государева двора — поражал воображение богатством одеяний. Никто не посмел явиться без нового наряда, сплошь шитого золотом и жемчугом, осыпанного драгоценными камнями. Великолешные аргамаки, стоявшие дороже сотен простых коней, были под золотыми и серебряными чепраками и сёдлами,

унизанными самоцветами, увешаны до копыт драгоценными цепями с бубенчиками. За каждым знатным человеком следовало множество конных и пеших холопов, одетых почти столь же великолепно, как господа.

Несколько оркестров увеселяло слух и предвворяло шествие поезда царской невесты. Триста бравых польских гайдуков в синих сукопных кафтанах с серебряными пакладками и в шапках с белыми перьями маршировали впереди с мушкетами на плечах и турецкими саблями у бедер. Следом двигались роты шляхетской конницы на прекрасных венгерских конях под красивыми чепраками, с длинными разноцветными копьями, на которых развевались флажки.

Все рыцарство в ротах, свите Марины и послов короля, не желая проигрывать москвичам, превосходившим их богатством одеяний, облачилось в доспехи. Начищенная сталь блистала на солнце не хуже золота и серебра. Как драгоценные камни, переливались эмали щитов-тарчей прихотливой формы. Блестели лакированной кожей футляры луков и колчаны стрел с цветным оперением. Колыхались за спинами всадников огромные гусарские крылья. Рыцарство ехало рядами по десять человек под звуки боевых труб.

Двенадцать верховых коней вели перед каретой царской невесты, и столько же было впряжено в карету. Все кони были покрыты шкурами рысей и леопардов. Богато одетые слуги вели их за золотые поводья. Золотая карета Марины Мнишек была обита внутри красным бархатом с золотыми гвоздиками и выложена подушками из золотой парчи, унизанной жемчугом. На невесте было французского фасона белое атласное платье в жемчугах и бриллиантах. Напротив Марины сидели две знатные полячки. Красивый маленький арапчонок с обезьянкой на золотой цепочке развлекал дам.

Карета ехала медленно, чтобы Марина могла вести беседу со знатнейшими боярами, шедшими по двое с каждой стороны. За боярами с двух сторон кареты, как два крыла, двигались сотни московских гвардейцев-наемников. Почетное место позади кареты занимала сотня французских наемников в кафтанах и коротких плащах коричневого бархата с золотым позументом. Эти отборные бойцы, как заметил очевидец событий, получали самое большое жалованье и могли себе позволить очень дорогое платье.

Далее в четырнадцати великоленных каретах следовали дамы из свиты Марины. Затем новый отряд литовской конницы в полном вооружении. Многочисленные сотни русской кавалерии ехали, сверкая камнем, золотым и серебряным шитьем, шелками и парчой. Шествие завершали именитые купцы и промышленники, представители городских черных сотен и белых слобод в богатых одеяниях и на хороших лошадях, окруженные слугами и работниками.

Московские оркестры встречали процессию у ворот Земляного, Белого и Китай-города, где выстраивался почетный караул стрельцов с пушками и пистолетами. Последний оркестр играл на трубах, флейтах и литаврах над кремлевскими воротами. В них проехала только Марина Мнишек с небольшим числом сопровождающих и охраной. Остальные поляки и литвины разместились в любезно освобожденных хозяевами домах бояр, окольных и богатых купцов в центре города.

Патриарх Игнатий не вышел встречать будущую царицу на Красную площадь, как сделал бы, если бы Марина Юрьевна была православной. Остались в Кремле и члены Освященного собора. Только священники бесчисленных московских церквей (как и вообще священнослужители на всем пути от границы)

вместе с народом выходили здравствовать будущую государыню, избранницу «доброго царя Дмитрия».

Патриарх считал необходимым, чтобы народ убедился в твёрдом соблюдении царской невестой православных обычаев. Всю Москву облетела весть, что по его воле иноземная невеста должна пожить сначала в Вознесенском девичьем монастыре. Там под руководством царицы-инокини Марфы Федоровны она должна приобщиться к традициям своей новой родины. Тогда, говорили простонародью люди царя и патриарха, она будет достойна венчаться царским венцом.

Детали предстоящего бракосочетания должны были строго соответствовать православным обычаям. Зная, сколь быстро разносятся злонамеренные слухи, Игнатий позаботился, чтобы всё время до свадьбы невеста строжайшим образом соблюдала православные каноны в поведении, еде, одежде и праздниках. Католические священники и переодетые иезуиты, известные своей пропырливостью, за порог монастыря не допускались, несмотря на просьбы Марины и её родни.

3 мая в Золотой палате Кремлевского дворца в присутствии высшего духовенства, сидевшего во главе с патриархом по правую руку государя, и сотни вельмож состоялся важный прием. На нём речь гофмейстера Марины Станислава Стадницкого вызвала опасения сторонников короля Сигизмунда.

«Сим браком, — сказал Стадницкий царю Дмитрию Ивановичу, — утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходятствуют в языке и в обычаях, равны в силе и доблести, но доньше не знали мира искреннего, и своей закоснелой враждой тешили неверных; ныне же готовы, как истинные братья, действовать единократно, чтобы низвергнуть луну ненавистную. И слава твоя как солнце воссияет в странах Севера!»

Слишком недавно, всего 25 лет назад, соединилось Великое княжество Литовское с королевством Польским. Слишком большим утеснениям подверглось от католиков православное большинство Литвы, не найдя в союзе с Польшей защиты от татар и турок. Королевские послы и иезуиты недаром увидели в этой речи мнение множества литвинов. Литовцы, белорусы и украинцы с восторгом соединились бы с русскими под знаменем православного самодержца, выступившего против басурман. Не случайно Сигизмунд III не дал своим послам воли вести переговоры о союзе против турок и татар!

В ответ на оскорбительное титулование его в королевских грамотах, предъявленных послами, царь Дмитрий сказал: «Объявляем его королевской милости, что мы не только государь, не только царь, но и император, и не желаем как-нибудь легко потерять этот титул для наших государств. Кто отнимает у меня преимущество и украшение моего государства, которыми государи дорожат как зеницею ока, тот мне больший враг, нежели тот, который покушается отнимать у меня мою землю!»

Если бы не унижение России отнятием у нее царского и имперского статуса, заметил государь, он относился бы к королю как к старшему брату. А теперь Дмитрий Иванович через дьяка обещал королю пожаловать ему титул «шведского» в обмен на признание за царем императорского сана. Король Сигизмунд, избранный Речью Посполитой из шведской династии Ваза, недавно потерял шведский престол и вернуть его без помощи России почти не имел шансов...

Королевским послам и всем гостям из Речи Посполитой было объявлено, что русские с удовольствием видят друзей в бывших врагах. Что обычаи в России переменились и на смену тиранству, отталкивавшему свободолюбивых рыцарей, пришла законность и любовь к свободе. Щедрый, мужественный,

изобретательный в военных играх, Дмитрий Иванович быстро завоевывал симпатии среди гостей.

К венчанию панны Марины императорским венцом радостно готовились все — русские и иноземцы. Все, кроме послов короля и иезуитов, ожидали счастливых последствий брачного союза и даже объединения соседних славянских государств, Руси и Литвы. Ведь союз Великого княжества Литовского с Польшей был вынужденным. Его спровоцировал Иван Грозный, отказавшись дать своего сына на литовский престол и напав на Литву, где большая часть шляхты была православной.

Лишь несколько заговорщиков во главе с Василием Шуйским да доверенные лица короля Сигизмунда и генерала иезуитов вынашивали злокозненные планы. Этим планам было суждено породить реки крови русского, украинского, белорусского, литовского и польского народов, подвести под мусульманский меч и оставить в османском рабстве земли христиан. Глава католиков римский папа Павел V и патриарх Московский и всея Руси Игнатий оказались бессильны предотвратить страшные битвы христиан Восточной Европы друг с другом.

8 мая 1606 г. подданные России и Речи Посполитой торжественно праздновали в Москве брак Дмитрия с Мариной и венчание новой государыни на царство, осуществленное по православному обряду патриархом Игнатием. Особенно ликовала молодежь, мечтавшая о подвигах в предстоящей великой войне с «врагами креста Христова». Описание пышной свадьбы и венчания Марины с Дмитрием мы имеем точное⁵⁹. Призванные восхитить весь свет церемонии венчания русских царей были изумительно красивы⁶⁰. Эта им не уступала.

⁵⁹ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III. М., 1822. № 138.

⁶⁰ Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М., 1995. С. 211–224.

Князь Михаил Васильевич, выступавший с обнаженным мечом перед молодыми на царской свадьбе, рассчитывал на видное место в войске. Оно уже собиралось, чтобы остановить наступление басурман на христианские страны, освободить поработанных православных братьев на Днестре и Дунае, на Балканах и в Греции. Русские, польские и литовские воители дружно пировали, не помышляя о вражде.

Мама Михаила Васильевича, Елена Петровна, занимала второе по чести место среди боярынь за большим царским столом. Она с гордостью любовалась сыном, пока он не удалился с царем-женихом в «мыльню» (баню), а затем и на охрану свадебного покоя. У хмурых от невыполнения желаний своего короля польских послов «за ествою сидел стольник князь Дмитрий Михайлович Пожарский» — чином он был поменьше Скопина-Шуйского.

Обоим князьям не суждено было совершить подвиги, о которых издавна мечтали православные воеводы: не доведётся им разгромить басурман и освободить Цареград. Оба не знали, что готовый ради власти на любое предательство Василий Шуйский ещё зимой тайно договорился с королем Сигизмундом, иезуитами и даже с протестантами свергнуть Дмитрия Ивановича, чтобы призвать на московский престол королевича Владислава Сигизмундовича.

Осторожно вербуя сторонников среди русской знати, Василий Шуйский обещал после цареубийства устроить выборы царя Земским собором. Это давало многим знатым фамилиям шанс занять трон. Внимание дворян он обратил на черты Лжедмитрия, явно опровергающие его происхождение. Тот не спал после обеда и прощал врагов. Первое говорило, что самозванец — не русский аристократ. Второе — что он не сын Ивана Грозного.

Выступая как первое лицо на свадьбе государя, Василий Шуйский уже собрал людей для царевубийства. Маленький тщедушный старик со слезящимися глазами и куцей бородёнкой не привлекал к заговору молодого сородича. А Михаил Васильевич, при всём своём уме, не подозревал, что старик одержим беспечными страстями. Жадность и жестокость, похоть и невероятное властолюбие руководили интриганом, готовым предать всех для достижения своей цели.

В ночь на 17 мая 1606 г. царь Дмитрий Иванович был убит заговорщиками в его покоях. «Караул, православные! — закричали люди Шуйского горожанам, заранее настроенным против иноземцев и иноверцев. — Поляки убивают государя! Бей ляхов!» В Москве началась резня. Кровью сотен приехавших на свадьбу гостей и членов их семей заговорщики отвлекли народ от совершавшегося в Кремле злодеяния. Но Василий Шуйский желал большего — утопить царевубийство в волне рьяно разжигаемой ненависти к иноземцам и иноверцам.

На улицах столицы спешивший в Кремль Скопин-Шуйский видел ужасающие сцены душегубства и насилия. Московский парод превратился в дикого зверя, алчущего крови. Невероятно было видеть, что почтенные горожане и выпущенные из тюрем воры убивали друг друга из-за добычи, торговые люди грабили иноземных купцов, с которыми недавно заключали сделки, насиловали их жен и дочерей. Народ бежал по улицам с польскими одеялами, перинами и подушками, с платьем, содранным с мертвецов, со всевозможной домашней утварью, словно спасая добро от пожара.

Спасать большинство гостей, захваченных врасплох, было поздно. Лишь немногих успели с риском для жизни укрыть соседи-москвичи. Издеваясь над безоружными, подлая чернь орала: «Наш московский народ могуч! Весь мир нас не одолеет!

Не счесть у нас людей! Все должны перед нами склоняться!» Убийцы и грабители славили единственно праведную православную веру и называли себя защитниками Церкви.

Для человека, боящегося Бога и любящего Отечество, страшно было видеть этот сброд, в который Василий Шуйский обратил жителей Москвы. Спеша на помощь тем, кто сумел организовать сопротивление, Скопин-Шуйский с несколькими боярами стали свидетелями ужасных сцен. Среди поляков и литовцев было немало опытных воинов. Собравшись вместе, они забаррикадировались в домах и сражались насмерть. Храбрые паны использовали скотскую природу «спасителей Отечества» для мести за себя и своих близких. Они выбрасывали в окна добро и расстреливали псов, бросившихся на грабеж.

Михаилу Васильевичу с товарищами удалось защитить королевских послов и некоторых знатных поляков. Те, кто сумел вооружиться, успели навалить вокруг себя горы трупов. Выжившие навсегда усвоили, что с русскими можно разговаривать только силой оружия. Лютые мучения безоружных и дикие издевательства над теми, кто сдался толпе, доказали полякам и литовцам правоту героев, бившихся с москвичами до последней капли крови и проявивших высочайшее мужество. Они не надеялись на спасение, но получили его в лице Скопина-Шуйского и еще нескольких порядочных воевод, которые со своими отрядами бросились на помощь избиваемым иноземцам.

Тем временем Василий Шуйский организовал сбор награбленного в свою пользу. Затем он обобрал выживших гостей и объявил всех подданных Речи Посполитой в Москве пленниками.

Провозглашая себя спасителем веры и царства, Шуйский якобы «волей народа» вскарабкался на трон. Он не стал

дождаться обещанных соратникам выборов царя «всей землёй», а просто объявил себя избранным, как Борис Годунов. Его не волновало, что престол захвачен против воли страны и даже немалой части москвичей. Разглагольствуя о защите веры и Церкви, царь Василий Иванович сверг патриарха Игнатия и не спешил поставить нового. Корону он возложил на себя без патриарха. Он не нашел даже времени помолиться...

Скопин-Шуйский понимал, что новый царь может договориться с королем, но оскорбленная шляхта и магнаты, потерявшие на московской Руси близких и друзей, будут беспощадно мстить. Еще страшнее был гнев народа, содрогнувшегося от омерзения перед совершившимся в столице предательством.

Убив Дмитрия Ивановича как самозванца Лжедмитрия, новый царь не мог убить веру во всенародно признанного и пародом посаженного на престол государя. Напрасно кричали по городам и весям глашатаи, объявляя убитого орудием поляков и католиков, колдуном, призванным разорить Церковь и царство. Москве и сидящему в ней «боярскому царю» никто не верил.

ЗАЩИТНИК СТОЛИЦЫ

Признанный всеми царь был убит. Прах его был развеян выстрелом из пушки. Другой самозванец ещё не появился, а по стране уже катилась волна восстаний под знаменем «царя Дмитрия Ивановича». Гражданская война вспыхнула с новой силой. У Скопина-Шуйского не было иного выбора, кроме защиты престола. Не только обязывающее родство с царем

Василием Ивановичем — всё воспитание князя Михаила Васильевича ставило его на защиту государственного порядка, воплощенного в самодержавном царстве.

Москва на деле объявила войну своей стране и соседям. Русь ответила на хитроумие Василия Шуйского попросту: многие отказались верить в смерть законного царя. Страна поднималась против боярского царя и порядка город за городом, уезд за уездом. А при царском дворе шло жестокое сведение счетов, ссылки и конфискация имущества лиц, неугодных Василию Шуйскому. Дворянство южных уездов было лишено льгот, данных Лжедмитрием. Казакам не платили жалованья. Взятых в Москве поляков и литовцев не отпустили домой, а оставили в плену.

Смысл агитации за тень царя Дмитрия раскрыл историк Костомаров: «Начали возмущать боярских людей против владельцев, крестьян против помещиков, подчинённых против начальствующих, безродных против родовитых, мелких против больших, бедных против богатых. Всё делалось именем Дмитрия. В городах заволновались посадские люди, в уездах — крестьяне; поднялись стрельцы и казаки. У дворян и детей боярских зашевелилась зависть к высшим сословиям — стольникам, окольничим, боярам; у мелких торговцев и промышленников — к богатым гостям. Пошла проповедь вольницы словом и делом. Воевод и дьяков вязали, холопы разоряли дома господ, делили между собой их имущество, убивали мужчин, женщин насиловали, девиц растлевали». Человек доброй воли должен был стремиться это безобразие пресечь. Уже в сентябре 1606 г. Скопин-Шуйский повёл полки на войну с повстанцами.

Положение стало критическим, когда к восстанию казаков и бедноты в южных уездах примкнули дворянские полки. Князь Григорий Шаховской, сосланный Шуйским на воеводство

в Путивль, первым поддержал пового вождя восстания под знаменем царя Дмитрия. Воеводой царя Дмитрия объявил себя Иван Исаевич Болотников.

Боевой холоп, он попал в голодные годы к казакам. Воевал с турками, был взят в плен и прикован к веслу на галере. Бежал и прошёл пол-Европы. Опытный воин шёл к доброму царю. Но на Родине услышал о его смерти — и отказался в неё верить. Болотников даже у врагов вызывал восхищение своим даром полководца и душевным благородством. Людей поражал контраст между рыцарством народного вождя и подлой натурой царя Василия, человека лицемерного, трусливого в опасности и жестокого к слабым.

Болотников сплотил разрозненные отряды крестьян, холопов, казаков, задавленных налогами горожан и обнищавших дворян. Он разгромил царские войска под Кромами и Ельцом и двинулся на Москву. В боях с ним принял боевое крещение Скопин-Шуйский.

Начало полководческой карьеры Михаила Васильевича было печальным. 23 сентября 1606 г. спешно набранное войско царских братьев Дмитрия и Ивана Шуйских встретилось с повстанцами под Калугой, у впадения реки Угры в Оку. Шуйский-Скопин был в армии третьим воеводой при своих бездарных сородичах. Воеводы были разбиты, а их воины разбежались.

Царь объявил тогда о своей победе и послал войску награды. Но в Москву тянулись «толпы раненых, избитых, изуродованных» ратников. Жители и воины Калуги присягнули знамени Дмитрия Ивановича и не пустили в город царских воевод. Отряды Болотникова «повсюду с отвагою побивали в сражениях царское воинство, так что и половины не уцелело», — писал очевидец. В официальной разрядной книге появилась запись:

«Воеводы пошли к Москве, в Калуге не сели потому, что все города Украинные и Береговые (крепости Окского рубежа) отложились, и в людях стала смута».

Громя царские полки, народная армия продолжала наступление. Её с восторгом приветствовали местные жители. Духовенство было в смятении. Многие приходские священники благословляли паству на освобождение Москвы от боярского царя. Многие сами шли в ополчение. Многие архиерей колебались, видя города и уезды поднимающимися на борьбу против Шуйского вместе с законными воеводами.

Новый патриарх Гермоген, человек твёрдой веры, послал митрополита Крутицкого Пафнутия усовестить мятежников в южных городах. Но митрополита там не приняли. Местное духовенство поддержало Истому Пашкова, поднявшего дворянское ополчение в Туле, Веневе и Кашире. Поддержало оно Григория Сумбулова и Прокопия Ляпунова, которые пошли к Болотникову с рязанскими дворянами.

Из епархиальных архиереев только архиепископ Феокист уговорил жителей Твери стоять за крестное целование царю Василию. С помощью духовенства, приказных людей и собственных дворян он отбил от города отряд болотниковцев.

В Москве народ волновался. Царь трепетал, знать готовилась бежать, войско было в расстройстве. 14 октября 1606 г. Гермоген призвал москвичей в Успенский собор. Патриарх был красноречив. Ещё будучи митрополитом Казанским, он прославился как церковный писатель. Святейший собрал в храме тех, кому было что терять, кто мог сделать многое для обороны столицы. И яркими красками обрисовал «видение» Москвы, сданной «кровоядцам и немилостивым разбойникам».

Народ в главном храме Руси содрогнулся от ужаса. Гермоген объявил всенародный шестидневный пост с молитвой о

законом царе и прекращении «междоусобной брани». Но по Москве уже ходили листовки с призывом к бунту. Их засылали сюда восставшие.

Гермоген вновь выступил с проповедью. Он доказывал, что вопрос стоит не о восстановлении на троне царя Димитрия, а о пизвержении всех устоев. Сатанинское отродье Лжедмитрий убит, говорил святейший. Выступающие от его имени «отступили от Бога и от православной веры и повинуются Сатане». Они несут всей Руси «конечную беду, и срам, и погибель». «Чего хотят восставшие? — спрашивал Гермоген. — Они призывают холопов убивать господ и отбирать их жен, поместья и вотчины. Они предлагают голытьбе убивать и грабить купцов. Они обещают победителям чины бояр, воевод и дьяков. Те, кто был внизу, хотят уничтожить господ, поделить их имущество и власть».

Проповедь Гермогена укрепила решимость Скопина-Шуйского и его воинов отстоять Москву. Грамота патриарха, разосланная в города, «не по одному дню» читалась во всех храмах, где священники не перешли на сторону повстанцев. Царские войска, местные воеводы и служилые люди поняли, что война идет не на шутку. Под удар поставлено общество, в котором они занимали не последнее место. Силы порядка медленно собирались, а восставшие продолжали наступать.

Болотников взял Серпухов и разгромил войско князя Кольцова-Мосальского на реке Лопасне, отбросив его за Пахру. Но на этом рубеже восставших встретил князь Скопин-Шуйский со спешно собранными резервами. Умело используя артиллерию и легкое огнестрельное оружие, Михаил Васильевич в жестоком бою удержал занятый рубеж.

Как только противник отступил, Скопин-Шуйский перебросил войска на Коломенскую дорогу, по которой шла на

Москву дворянская рать «царя Дмитрия». Михаил Васильевич соединился с армией князей Мстиславского и Дмитрия Шуйского в Домодедовской волости. Под Троицким селом царская армия вступила в бой с опытными пограничными воинами Истомы Пашкова и отважными рязанскими дворянами Прокония Ляпунова.

Наступление повстанцев казалось неодолимым. Между царскими восводами отсутствовало сдиномыслие. Их воины не имели мужества для встречного боя. Потеряв часть людей убитыми и множество — сдавшимися в плен, Скопин-Шуйский с товарищами отошел к Москве. Он даже не пытался удержать Коломенское, с ходу взятое повстанцами. Михаил Васильевич понял, что его воины, как и все участники Гражданской войны, малопригодны для полевых сражений. На открытых местах они способны лишь к скоротечным стычкам и легко обращаются в бегство.

Дух армии следовало поддерживать чувством относительной безопасности, которое давали укрепления. Даже небольшие сооружения или естественные препятствия, о которые мог разбиться первый порыв наступающего противника, давали преимущества умелому полководцу. Недели боёв за Москву подтвердили правоту этой мысли. Царские войска со стороны Калужских и Серпуховских ворот зацепились за Скородум — довольно слабую деревянную крепость вокруг Замоскворецкого предместья столицы. Там было посажено постоянное «осадное» войско, создававшее чувство безопасности тыла у «вылазных» полков, совершавших набеги на неприятеля.

Назначенный воеводой «на вылазке», Скопин-Шуйский наносил стремительные удары по болотниковцам и отводил войска в Скородум. Он так и не позволил неприятелю перейти к правильной осаде. А восставшие, чуть ли не ежедневно

дававшие бои царским ратникам, не проявляли упорства при атаке на укрепления и быстро отступали. Повстанцы даже не попытались войти в Москву в обход «осадных полков», стоявших со стороны их лагеря в Коломенском. Бои велись ещё только в одном районе — за Яузой, и также были скоротечны. О Симонов монастырь, защищаемый небольшим отрядом стрельцов, наступавшие разбились, «как волны морские о камень, и прочь отошли».

Действуя так, обе стороны не могли одержать репительной победы. Противники собирали подкрепления. Их летучие отряды схватывались за отдельных города и уезды. Все ждали случая, который повернёт события в их сторону. Случай выпал Василию Шуйскому: восставшие раскололись прежде, чем паника разъела царское воинство.

Удивительно, что Болотников так долго смог командовать войском, составленным из людей с противоположными интересами. Его главную силу составляли вольные казаки, воины-земледельцы. Они жили в основном на степных границах Руси. Казаки получали из Москвы помощь зерном, оружием и порохом, но не признавали московской власти. Среди этих опытных ратников было много беглых холопов и крестьян, встречались и бывшие дворяне. Казаки считали себя отдельным сословием. К Москве они пришли мстить и грабить.

По дороге к столице к войску примкнуло множество крестьян. Большинство из них пострадалось от помещиков. Они ненавидели власть, лишившую их права ухода от хозяев в Юрьев день. Как и казаки, крестьяне шли на Москву, чтобы посадить на трон «добраго царя». Но больше всего они хотели убивать бояр и дворян, жечь их усадьбы. Дворянам, пусть и бедным, которых вели Папков и Ляпунов, с ними явно было не по пути.

В середине ноября 1606 г. полки рязанских дворян под командой Прокофия Ляпунова и Григория Сумбулова перешли на сторону Василия Шуйского. Дворянство начало понимать, как далеки его интересы от намерений холопов и крестьян, взявшихся за истребление господ. Только полк Истомы Пашкова остался под знаменем царя Дмитрия.

Хитроумный царь Василий захотел купить на знатный чин самого предводителя повстанцев. Но получил от Болотникова ответ: «Я дал душу свою Димитрию и сдержу клятву, буду на Москве не изменником, а победителем!»

Патриарх Гермоген в новой проповеди призвал добрых людей постоять за «воистину святого и праведного» царя Василия Ивановича. Святейший убеждал, что повстанцы, эти разбойники и воры, беглые холопы и вероотступные казаки, — опасны лишь своим «скопом». Города, которые им покорились, говорил патриарх, были «того же часу пограблены, и жены и девы осквернены, и всякое зло над ними соверпилось». Они разоряют церкви, бесчестят иконы, «бесстыдно блудом срамят» жен и дев, жгут дома и убивают горожан. Эти-то пакостники покушаются на Москву, призывая голытьбу, холопов и всяких злодеев «на убиение и грабеж»! Разосланные по стране грамоты Гермогена сыграли свою роль. Москва устояла, силы уравнились, затем чаша весов качнулась в пользу Шуйского.

Болотников не сдавался. Убедившись в неспособности войска взять Москву прямым ударом, он решил «замкнуть блокаду» столицы. Вождь переправил большую часть войска через Москву-реку и двинул в обход города с востока. У села Карачарово, у Рогожской слободы и на берегах Яузы развернулись жестокие бои с царскими полками, переброшенными сюда коротким путём через Москву.

Обе стороны понесли большие потери. Отряду восставших удалось форсировать Яузу. Истома Пашков занял Красное село, угрожая дороге на Ярославль и Вологду — главному пути снабжения столицы во время осады. В Москве и без того были «голод, тревога и великие раздоры». Народ волновался, требуя от царя не тянуть и решить дело в одном сражении. Сторонником решительных действий был и Скопин-Шуйский. Он ещё не знал, что такое «царский поход».

27 ноября Василий Шуйский выступил против Болотникова из Замоскворечья. Место боя, хорошо знакомое Михаилу Васильевичу, было выбрано верно. Однако царь долго молился. Затем суматошно формировались большие полки. Войско не скоро вышло за стены столицы. Болотников успел собрать рассеянные по округе отряды. С ратью в 20 тыс. воинов вождь встретил атаку тяжелой дворянской конницы. Гремя кольчугами и зеркалами, сверкая шлемами, дворянские полки, на девять десятых состоявшие из боевых холопов, смели восставших с поля. Мерно наступавшие полки московских стрельцов прикрывали атакующих частыми залпами из пищалей.

Крестьяне врассыпную бежали. Привычные к военным невзгодам казаки отступали отрядами. Восставших можно было разгромить, бросив конницу в преследование. Но Василий Шуйский побоялся отпускать полки, сосредоточенные вокруг его особы. Болотников смог собрать свою рассыпавшуюся армию и отвёл её к селу Коломенскому.

Однако пока превратности гражданской войны служили царю. Устрашенный вестями о сражении Истома Пашков в Красном селе испугался, приняв небольшой отряд двинских стрельцов за непобедимое воинство. Он последовал примеру Ляпунова и перешёл с полком на сторону царя. Это предательство нанесло удар по боевому духу восставших. А на помощь

Шуйскому подошли полки опытных в боях смоленских и ржевских дворян.

Скопин-Шуйский получил под команду отдельное войско. Оставив за спиной беспорядочное воинство царя Василия, он выдвинулся в Данилов монастырь, стоявший на полпути от Москвы к Коломенскому. Отсюда князь пошел в решительное наступление. По дороге к нему присоединились смоленские ратники, выступившие из Новодевичьего монастыря.

Блестяще проведенный Скопиным маневр мог оказаться роковым для царских полков. Болотников не стал дожидаться нападения в Коломенском. Получив вести о выступлении князя, вождь бросился ему навстречу. Противники встретились у деревни Котлы, ровно на середине пути, разделявшем войска ночью. Ещё немного, и Болотников успел бы разгромить части войска Михаила Васильевича поодиночке. Встретив соединенные царские полки, крестьяне и холопы бились отчаянно, но были вновь смяты тяжёлой копницей.

Скопин-Шуйский приложил все силы, чтобы не дать противнику отступить. Дворянская конница упорно преследовала врага. Повстанцы понесли крупные потери. Множество их попало в плен. Войско Болотникова было деморализовано. Но холоп-полководец сумел отвести часть сил в Коломенское. Михаил Васильевич окружил село, однако предусмотрительно не бросил войска на штурм.

Укрепления повстанцев с виду не впечатляли. Но они могли вызвать заминку среди наступающих, способную обернуться паникой, а значит и разгромом. Скопин-Шуйский потребовал прислать из Москвы артиллерию. Болотников её прибытие предусмотрел. Его люди, работая день и ночь, прикрыли деревянные надолбы земляными валами и построили укрытия от навесного огня.

Три дня мощные пушки и мортиры перелопачивали землю, стараясь поджечь и разрушить самодельный Коломенский острог. По словам очевидца, зажигательные ядра и разрывные бомбы «разбить острога не могли, потому что в земле учинён крепко». Повстанцы «от верхового бою огненного укрывались под землей, ядра же огненные душали кожами сырыми воловьими».

Скопин-Шуйский понял причины малой эффективности огня. Он применил техническую новинку — сочетание зажигательного ядра с разрывной бомбой. Защитники Коломенского «гасить их не смогли, самих же стало зло убивать, и острог их огненными ядрами зажгли». Этого было достаточно, чтобы восставшие в панике бежали из села под сабли дворянской конницы.

ВОЕВОДА НА ЮГЕ

Несмотря на разгром, Болотников увел в Калугу 10 тыс. воинов с огнестрельным оружием. Другая часть восставших укрылась в Туле. Они смогли оторваться от преследования потому, что их товарищи продолжали держаться в деревне Заборье, занятой в самом начале московской осады. Царские воеводы не рискнули оставить этот отряд в своем тылу. Под Заборьем армия Василия Шуйского остановилась.

Хитроумные казаки не желали утруждать себя тяжким по зимнему времени строительством земляных укреплений. Они поставили вокруг деревни друг на друга двое и трое набитых соломой саней и залили их водой. За этой ледяной стеной они крепко оборонялись. Скопин-Шуйский предложил им сдаться и дал слово всех пощадить. Отчаявшись получить помощь,

казаки сдались. Князь привёл их в Москву, выговорил им прощение царя и принял на службу.

Возвращаясь в Москву, Михаил Васильевич наблюдал последствия своих побед. Напуганные крестьянской армией дворяне зверствовали. Они вырезали население целых сел, не щадя людей, искавших спасения в храмах. Каратели творили то, в чём патриарх Гермоген справедливо обличал повстанцев, называя их «ворами и хищниками», сатанинскими учениками. Но — не отлучая от Церкви. Святитель не мог отлучать людей, верных присяге царю Дмитрию, которую нарушили те, кто служил царю Василию. К тому же зверствами новый царь презошёл кроважадную толпу повстанцев.

Около 20 тыс. захваченных в плен участников восстания подлежали истреблению по приказу Василия Шуйского. Такого ужаса Русь не помнила со времён Ивана Грозного. Пленников стали сажать на кол, но это показалось слишком долго и хлопотно. Каждую ночь несчастных сотнями выводили на берег Яузы, ставили в ряд, глушили дубинами и спускали под лед. Так расправлялись и с повстанцами, отправленными в Новгород Великий. Для царя они были не военнопленными, а злодеями-бунтовщиками, не заблудшими братьями во Христе, как считал патриарх Гермоген, а зверями дикими.

Гермоген и Василий Шуйский старались — один усовестить, другой уstrasшить восставших. Но часть страны отказывалась подчиниться боярскому царю. Огромная армия Ивана Ивановича Шуйского безуспешно осаждала Калугу. Отразив приступ, Болотников ежедневными вылазками методично уничтожал осаждавших, почти не неся потерь. Поставленные во главе армии ближние родичи царя не могли сравниться в разуме с вождём восстания. Деревянный город под его руководством стал неприступной крепостью. Принявшие повстанцев

калужане имели хороший запас продовольствия, а снабжение царской армии было затруднено. Потери от вылазок росли. Пассивная осада вела к поражению.

В январе 1607 г. царь послал на Калугу «бояр своих и воевод последних с ратными людьми». «Особым полком», на который делал ставку Василий Шуйский, командовали Федор Иванович Мстиславский, Михаил Васильевич Скопин-Шуйский и дядя его Борис Петрович Татев. Наделенный правом самостоятельных действий, Скопин-Шуйский скоро подметил ошибки в организации осады.

Первым делом Михаил Васильевич применил тяжёлую артиллерию, губительную для деревянного города. Но Болотников предусмотрел это. Недаром он приложил все силы, чтобы выиграть время для укрепления Калуги. Он отступил к городу, опередив царские войска на несколько дней. Потом три дня вёл переговоры о сдаче. Наконец, задержал наступление царских войск ударом по передовым отрядам. Командовавший ими Дмитрий Шуйский бежал, потеряв много воинов. В итоге Болотников получил две недели на перестройку укреплений.

Калуга имела крепость для отражения набегов кочевников. Она была не приспособлена к современной войне с использованием пушек. Вокруг рубленой деревянной стены тянулся простой частокол более полутора километров в окружности. Дружно взявшись за работу, восставшие вырыли с обеих сторон частокола рвы, присыпая землю к кольям, — получился недолимый для пушек земляной вал, прикрывший от прямого огня внутренние укрепления.

Скопин Шуйский высоко оценил новую крепость Болотникова. Одновременно с обстрелом из пушек воевода повел на Калугу «гору деревянную». Это был высокий вал из бревен, которые осаждающие перебрасывали со своей стороны вперед.

Вал укрывал их от обстрела. День за днем грохочущий вал двигался на укрепления, грозя засыпать рвы, снести частокол и привалить к стенам Калуги. Подожженный, он должен был уничтожить большой участок стены и лишить город защиты.

По правилам фортификации, вал двигался под углом к городу, оставляя сектор для артиллерийского обстрела осаждённых. Позиции царских войск были прикрыты большими деревянными щитами и набитыми землёй плетёными корзинами — турами. Вал строили согнанные из окрестных деревень крестьяне.

Большинству людей казалось, что Калуга обречена. Но Болотников дождался ночи, когда вал подошёл к частоколу. Он знал, что в этот момент крестьян сменят царские войска, надеясь наутро кончить дело штурмом. Его люди не сидели сложа руки, они копали туннели под вал. В них закатили бочки с порохом. Ночью от взрыва мин «поднялась земля, и с дровами, и с людьми, и с турами, и со щитами, и со всякими приступными хитростями».

Для сторонников Шуйского «была беда велика, и много войска погибло, и пришло в смятение все войско», — рассказывает современник, автор «Иного сказания». «В смятении же том, — продолжает он, — все разбойники из града напустились сечь без милости, как голодные волки напав, разрывают овец». Царские ратники, «тут и там бегали, спасания ища, но все в смятении, так же и все воеводы устрешились и бегству предались, и всё воинство так же вослед их побежало, кто как мог. Разбойники же и богоотступники — вослед их, убивая, и рубя без милости».

Ночной взрыв породил панику. Болотников ею в полной мере воспользовался. Атакой на царское войско после взрыва подкопов он уничтожил несколько тысяч противников.

Скопин-Шуйский сумел удержать от бегства лишь свой полк. Многократно превосходящим по численности царским войскам был нанесен такой удар, что они надолго остановили приступы к городу.

Стойкость обороны Калуги ободряла все восставшие против царя города. Войска Василия Шуйского смогли взять Арзамас, но были отбиты от Михайлова, Венёва, Козельска и Тулы. Хитроумный царь подослал к Болотникову немца со злоотравным зельем. Но тот, получив плату от царя, открыл его замысел народному вождю и был вознагражден.

Скопин-Шуйский еще раз убедился, что служит человеку, который не остановится ни перед чем. Но не служить трону воевода не мог. Не мог он и призвать к порядку своё воинство. Дворяне, их холопы и стрельцы играли в лагере в кости, пьянствовали и веселились с гулящими женщинами. Осада продолжалась до весны, и с каждой неделей ратники всё небрежнее относились к службе.

Многим казалось, что силы порядка просто задавят восставших числом. В сече на реке Вырке царские воеводы порубили казаков князя Василия Фёдоровича Мосальского, который хотел провезти в Калугу запасы. Не желая сдаваться, повстанцы подорвали себя на бочках с порохом. Самого князя раненым взяли в плен. Никто не удивился, что привезенного в Москву Мосальского «не стало». Пользуясь замешательством восставших, царские воеводы взяли Серебряные Пруды.

В Калуге начинался голод. Осаждающие кричали повстанцам о победах царских войск. Но Болотников не допустил колебаний. Он повесил «на виду московского войска» тех, кто собрался изменить восстанию. А на помощь ему уже спешил с терскими и волжскими казаками Илья Муромец, именовавший себя «царевичем Петром Фёдоровичем». В своё время Лже-

дмитрий I справился с движением казаков миром, попросту пригласив их командиров ко двору. Но для боярского царя они были врагами, которых следовало беспощадно истреблять.

В Москве радовались и веселились, отправляя князя Ивана Михайловича Воротынского к Туле, «чтобы захватить в плен Петра». Веселье скоро перешло в панику. Воевода самозванного царевича князь Андрей Андреевич Телятевский наголову разгромил Воротынского и предателя Истому Пашкова под селом Дедиловым. Царские войска бежали от Тулы, оставив и Серебряные Пруды.

Май 1607 г. оказался для Скопина-Шуйского ужасным. Недалеко от Калуги, на реке Пчельне, казаки Телятевского одержали одну из крупнейших побед гражданской войны. Ударив по полкам, деморализованным долгой осадой, они разгромили их наголову. Более 10 тыс. царских воинов пало на поле брани. Ещё больше перешло на сторону восставших. Двое из трёх воевод были убиты: князь Черкасский и дядя Михаила Васильевича князь Татев.

Беглецы с поля боя прискакали к лагерю царских войск под Калугой. На этот раз Скопину не удалось унять охватившую войска панику. Воспользовавшись смятением, «Болотников, — по словам опытного воина Конрада Буссова, — напал из Калуги на их шанцы и доставил им столько хлопот, что они бросили свои шанцы вместе с тяжёлыми орудиями, порохом, пулями, провиантом и всем, что там было, и в сильном страхе и ужасе бежали в Москву, совсем очистив поле боя».

«Воеводы, — иронически заметил другой наблюдатель, — едва успели выбежать из своих палаток, как уже калужане овладели всеми пушками». Обращённое в паническое бегство войско сметало всё на своем пути. Болотников спешил нанести царской армии наибольший урон. Скопин-Шуйский собрал

вокруг себя верных людей для прикрытия бегства. «Если бы боярин и воевода князь Михаил Васильевич Шуйской да казачий атаман Истома Пашков не защищали их, — свидетельствует «Иное сказание», — то ни один бы спасся, но все бы и до единого побиты были».

Медленно отступая, воевода и атаман отсекали повстанцев от бегущих царских войск и приняли удар на себя. Прикрыв «беспутное бегство их рассыпное врознь», Скопин-Шуйский избавил немало воинов от истребления соотечественниками.

ПОБЕДА БЕЗ ЧЕСТИ

Весной 1607 г. положение царя Василия было отчаянным. Его войска бежали в ужасе, говорили о 14 тыс. убитых, о гибели воевод, об измене 15 тыс. ратников, о том, что, если восставшие пойдут к Москве, столица сдастся без сопротивления.

Решительное слово против повстанцев сказал в это время патриарх Гермоген. Ещё зимой, когда царские войска побеждали, он призвал в Москву бывшего патриарха Иова. Старый и новый архипастыри разрешили россиянам от «всего мира прегрешения»: нарушения клятв верности Борису Годунову, его сыну Фёдору и царю Дмитрию.

Дмитрий был не только объявлен Лжедмитрием. Чтобы оттолкнуть народ от его памяти, Иов и Гермоген объявили царя врагом Креста Христова. Давно уже многочисленные царские грамоты обвиняли поляков и иезуитов как виновников воцарения Лжедмитрия. Царь утверждал, что они хотели уничтожить Московское государство и православную веру. Это была явная ложь. И все это знали.

Патриарх не мог прямо отрицать царские слова. 20 февраля в Успенском соборе Гермоген упомянул, что Лжедмитрий хотел разрушить церкви и монастыри, разорить «православную и Богом любимую нашу крестьянскую веру» и «римские костелы в наших церквах поделать». Но иноземцы, по словам патриарха, были здесь ни при чем! Подданных Речи Посполитой Лжедмитрий прельстил «злым своим чернокнижием» так же, как и русских. Никаких злых замыслов из-за границы святейший не пазвал. Что же касается иноверцев внутри страны, то все они — «немцы, и литва, и татары, и черемисы, и ногаи, и чувашы, и остяки, и многие неверные язычники и дальние государства» — все «утвердились твёрдо» служить царю Василию. Никого из них, даже распроклятых «латинян», святейший среди повстанцев не отметил.

За Гермогеном к пастве держал речь бывший патриарх Иов. Старец выразил собственное отношение к событиям. Гермоген винил Лжедмитрия, который «как в простой храм» ввел в соборную церковь «многих вер еретиков» и венчал там «псевсту-лютеранку». Иов же сказал, что этот монах-расстрига «разных вер злодейским воинством своим, лютеранами, и жидами, и прочими оскверненными языками многие христианские церкви осквернил!»

Продолжать служить такому царю, как это делал Болотников, означало выступить врагом православия. Но для церковного проклятия повстанцев нужна была реальная вина. Даже за разграбление храмов патриарх не мог отлучить болотниковцев. Ведь описанные им в проповедях и грамотах безобразия совершили люди Ляпунова и Сумбулова, ныне благополучно служившие в царском «христолюбивом воинстве». К тому же главный церковный грабитель сидел в Кремле.

Василий Шуйский крайне нуждался в деньгах. Его воинство, в отличие от повстанцев, служило не за идеи и право грабить, а за наличное жалованье. Царь не раз забирал огромные суммы денег у патриарха и монастырей. Келарь Троице-Сергиевой обители Авраамий Палицын писал «о последнем грабеже в монастыре от царя Василия». По словам дьяка Ивана Тимофеева, царь безжалостно переплавил отнятую у церквей и монастырей драгоценную утварь, которую вскоре «блуднически изжил».

Патриарх не жалел церковного имущества для прекращения кровопролития. Но сказать, что повстанцы нанесли больше вреда Церкви, чем боярский царь, он не мог. Лишь когда все чины Москвы покаялись перед ним и Иовом в нарушении прежних клятв и многих согрешениях, святейший смог отлучить от Церкви тех, кто не принёс покаяния.

Гермоген не проклинал повстанцев, пока была надежда обойтись без этой крайней душегубительной меры. Лишь когда восставшие разгромили полки Шуйского, сняли осаду Калуги и приняли в свои ряды толпы перебежчиков из «христоробивого воинства», патриарх решился. Он предал проклятию Болотникова и главных его соратников, оставив остальным повстанцам церковный путь спасения. Патриарх призвал всех подняться на врагов веры, велел монастырям открыть кладовые и высылать в армию всех людей, способных носить оружие, «даже чтобы самые иноки готовились сражаться за веру, когда потребует необходимость».

Вдохновлённые Гермогеном бояре потребовали, чтобы царь Василий сам повел войско. Или — уходил в монастырь, чтобы они могли выбрать государя, способного защитить их имущество и семьи. Под давлением патриарха и бояр Шуйский согласился возглавить армию, собиравшуюся в поход под Тулу, где сосредоточились главные силы болотниковцев.

Ядром новой армии стало войско, спасенное Скопиным-Шуйским под Калугой. Его пополнили полки, которые спешно и крутыми мерами мобилизовали по всей стране. Немалую часть войск составили татары, мордва, чуваша, «даточные люди» монастырей и служащие Государева двора. Ударной силой были дворянские полки и стрельцы.

Скопина-Шуйского царь поставил первым воеводой Большого полка. На 21-м году жизни воевода стал командующим армией, с которой шел в поход сам государь. Патриарх Гермоген надеялся, что Скопин-Шуйский, которого он лично благословил в поход, несмотря на трусость царя, сохранит армию и сумеет одолеть бунтовщиков.

Войско выступило из Москвы под звон всех колоколов 21 мая 1607 г. Однако «царь, будучи в походе, — писал современник, — все время страшась измены, не решался выступить со всем войском и не удалялся от Москвы». Патриарх разослал по стране богомольные грамоты о царском походе полторы недели спустя, убедившись, что царь не сбежал от опасности.

Армия Скопина была воодушевлена благословением святейшего патриарха. И ещё больше сознанием, что идет на последний и решительный бой за кровные интересы землевладельцев: дворян, монастырей, мурз... А у повстанцев уже не оставалось прежнего ядра холопов и крестьян. Оно растворилось в разношерстном воинстве буйных казаков и просто разбойников. Многие из них уже не мечтали о победе. Им довольно было продолжать вольную жизнь на войне.

У восставших отсутствовала система снабжения. Это не позволяло им стоять на одном месте. Сочувствующие им города и сёла могли кормить войско лишь недолгий срок. Царская армия была намного сильнее. Болотников мог победить только быстрым и смелым ударом.

Болотников и князь Телятевский выступили против главных сил Шуйского, стоявших в Серпухове. А в пути внезапно свернули на Каширу, намереваясь прорваться к Москве. Со сравнительно небольшими силами Иван Исаевич азартно пытался выиграть качество, захватив столицу в отсутствие больших полков. Но его цели были раскрыты персбежчиками.

В битве на реке Восме, в 13 км от Каширы, повстанцы были разгромлены полками князя Андрея Васильевича Голицына. Скопин-Шуйский вовремя прислал ему подкрепления. Участников сражения было много. Но его исход решали отборные отряды. Победу Голицына обеспечили дворяне Ляпунова, а Болотников опирался на казаков.

Пять часов армии палили друг в друга из пушек и ручного оружия. Неожиданно 1700 спешенных казаков Болотникова «с огненным боем» форсировали Восму. Укрепившись в «букраке», они открыли огонь во фланг и тыл воинства Голицына. Царские ратники уже видели «над собою победу от врагов». Но рязанские дворяне Прокопия Ляпунова, оказавшись под обстрелом, ушли от него вперёд, а не назад.

Переправившись через Восму, бывшие болотниковцы атаковали восставших. «И воры не устояли, побежали, а боярские полки, видя, что воры побежали, полками напустили же и воров в погоне бесчисленно побили и живых поймали, а гоняли за ними тридцать верст».

Казаки, укрепившиеся за Восмой, показали, что Болотников не зря на них надеялся. Им обещали полное прощение, но казаки заявили, «что им помереть, а не сдаться». Трое суток они «бились насмерть» против всех полков, «конных и пеших». Казаки были перебиты, лишь когда у них кончился порох. Пленных было очень много. Царские воеводы их безжалостно казнили.

Патриарх велел молебствовать в честь победы царских войск на реке Восме во всех храмах. Гермоген призвал прихожан не обольщаться положением в стране. «Грех ради напих и всего православного христианства, — писал он, — от восстающих на церковь Божию врагов и крестопреступников междоусобная брань не прекращается. Бояр, дворян, детей боярских и всяких служилых людей беспрестанно побивают и отцов, матерей, жен и детей их всяким злым поруганием бесчестят. И православных христиан кровь как вода проливается, и вотчины и поместья разоряются, и земля от воров чинится пуста».

Болотников ушел к Туле, закрепившись за «топкой и грязной» речкой Воронкой. Его оборона опиралась одним флангом на Малиновую засеку Тульской засечной черты, другим — на укрепления при Калужской дороге. Немногочисленные силы повстанцев были растянуты на семь километров. Болотников не мог уйти, бросив без защиты жителей Тулы, и делал все, чтобы предотвратить осаду города.

Скопин-Шуйский не рискнул ввести в бой всю армию, которую легко могла охватить паника. Он выступил с тремя отборными полками, соединившись в пути с отрядами рязанских и каширских дворян. Тяжеловооружённые дворянские сотни пытались форсировать топкую речку Воронку сразу во множестве мест. Казаки энергично отстреливались. Под прикрытием этой канонады Михаил Васильевич прорвал оборону Болотникова на фланге, возле самой Малиновой засеки.

Семь верст отборная конница Скопина-Шуйского рубила бегущих в панике повстанцев. Всадники едва не ворвались на их плечах в город. Резервов у Болотникова не было. Но вождь смог остановить бегущих и перебить дворян, прорвавшихся в городские ворота.

В пятницу 12 июня 1607 г. началась осада Тулы. Через две недели вокруг города сосредоточилась вся царская армия. Располагая 5–7-кратным превосходством в числе войск и мощной артиллерией, Михаил Васильевич обстреливал и атаковал город с двух сторон. Осадные работы и атаки велись непрерывно. За месяц царская армия 22 раза ходила на штурм. В те же дни царские войска шли по городам и уездам, заливая кровью очаги восстания. Прежде восставшие жгли усадьбы господ. Теперь огню предавались избы крестьян.

Неизвестно, как молодой воевода смотрел на то, что царские полки применяли тактику «выжженной земли». Но это была не самостоятельность военачальников. Царские указы *повелевали* «татарам и черемисе» в южных уездах «всяких людей воевать, и в полон брать, и имущество их грабить за их измену». Города, которые царские войска не могли удержать, предписывалось сжигать дотла.

Скопин-Шуйский оказался полководцем армии, воюющей в России как в nepřиятельской стране. Это было похоже на действия крымских татар. Те, в отличие от опричников Ивана Грозного и дворянских сотен Шуйского, старались брать рабов живьем и не уничтожать население подчистую. Царь Василий Шуйский ошибся, сделав карательной силой войско татар, чувашей и мари под командой своего свойственника князя Петра Араслановича Урусова. В отличие от русских карателей, Урусов «и иные многие мурзы» не были готовы к бессмысленной резне. Они оставили немалую часть населения в живых, и ушли с толпами рабов в Крым.

Кровавые расправы над населением ударили по армии Шуйского. Насильно взятые «даточные люди», служилые и дворяне массами бежали из войска царя-злодея. Люди справедливо видели в его жестокости признак слабости. Командующему требовалось любой ценой ускорить взятие Тулы.

Не имея ни калужских припасов, ни прежнего ядра армии, Болотников показал Скопину-Шуйскому, на что способен настоящий полководец. «Из Тулы — писал современник, — вылазки были на все стороны всякий день трижды и четырежды, а всё выходили пешие люди с огненным боем и многих московских людей ранили и побивали». Народный вождь упорно не отдавал царскому войску инициативу.

Повстанцы были пешими, потому что съели лошадей. Голодные, измученные непрерывным обстрелом и боями люди роптали и предлагали сдаться. Свидетель рассказывает, что «Болотников, как храбрый начальник, убеждал жителей не сдавать города, говорил, что им можно и должно защищаться 3 или 4 дня, что он надеется на помощь, что они могут убить его и съесть, если они не получат помощи».

Хлеб и соль кончились, осажденные ели «вонючую падаль», но Россию облетали все новые известия о поражениях и потерях царских войск. Болотников не обманывал своих людей, Лжедмитрий II действительно появился в южных уездах. Но он только собирал силы. Больше надежд было не на выручку, а на распад осаждающей армии.

Скопин-Шуйский ободрял войска, затеяв строительство дамбы на реке Упе, чтобы затопить Тулу. Сначала эта идея муромского дворянина Ивана Кровкова была поднята боярами на смех. Обдумав ее, Михаил Васильевич сумел отлично организовать работы. Руководили ими мельники, знающие толк в плотинах. Ратники и согнанные из окрестных деревень крестьяне посменно «рубили лес, и клали солому и землю в мешках рогожных, и вели плотину по обе стороны реки Упы». Затем течение реки загатили срубами, набитыми землей. Поднявшаяся вода затопила город и крепость.

Отчаявшиеся защитники Тулы посадили в тюрьму одного из инициаторов восстания, князя Шаховского, заявив, что выдадут его, если не освободятся от осады. Приближался к концу четвертый месяц боев за город. Болотников призывал продержаться, пока не спадет вода, — и тогда «пробиться сквозь вражеские войска и вырваться из осады».

Скопин-Шуйский знал, что от Болотникова можно ожидать и этого. Долгая осада могла оказаться бессмысленной. Войско становилось неуправляемым. В случае успеха Болотникова все отвернулись бы от царя Василия. Лжедмитрий II уже наступал на Брянск. Калуга, Козельск и другие города удерживались восставшими. Болотников ещё имел шанс на успех. Но благородный вождь слишком высоко ценил жизни своих доведенных до отчаяния людей.

В этом Василий Шуйский и его воеводы узрели выход. Болотникову было предложено сдаться на почётных условиях. Ему, всем предводителям восстания и защитникам Тулы обещали сохранить жизнь и свободу. Тогда царь мог объявить о победе, а повстанцы, кроме тех, кто предпочтет государеву службу, — идти на все четыре стороны.

Болотников и его атаманы понимали, что Василий Шуйский лжет, но жертвовали собой для спасения товарищей. А Михаил Васильевич, не одолевший Болотникова в бою и лучше знавший характер своего родственника-царя? С какими чувствами он принимал сдачу города?

Большая часть защитников Тулы действительно спаслась. Василий Шуйский объявил стране, что восставшие сами выдали своих предводителей. 10 октября 1607 г., в день Симона-Иуды, Болотников с друзьями пришли в царский лагерь и были закованы в цепи. Илью Муромца — «царевича

Петра» — публично казнили в Москве. Болотникова отправили в Каргополь, там выкололи ему глаза и утопили.

Скоро сбылась старая истина, что клятвопреступлением не совершить доброго дела. На место самозваного «царевича Петра» явился десяток разнообразных «царевичей». Восставшие города и крепости утвердились в решимости сражаться до конца. Множество недовольных устремилось к Лжедмитрию II, который провозгласил себя царем в Стародубе-Северском.

Между тем Шуйский распустил армию и преспокойно вернулся в Москву, как будто гражданская война была окончена! Гневу патриарха Гермогена не было предела. Легко представить себе, сколь святейший был «крут в словах», понося «советников лукавых», которые «царя уласкали в царствующий град в упокоение возвратиться, когда грады все Украинные в немимой брани шли на него» и «ещё крови не унялось пролитие». Но царь презрел негодование Гермогена. Вместо скорейшего завершения войны он вздумал на старости лет жениться на молодой княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской. «Новый летописец» мягко отмечает, что «патриарх его молил от сочетания браком». Не услышанный и на этот раз, Гермоген надолго замолчал.

Скопин-Шуйский, после бесчестной победы под Тулой, надолго отошел от дел. Через три месяца после возвращения из похода князь женился на девушке из старинного дворянского рода, Александре Васильевне Головиной. Свадьбу сыграли 17 января 1608 г., в день венчания царя с Марией Буйносовой. С пышного праздника в царском дворце Михаил с Александрой удалились на их московский двор. Несколько месяцев князь вёл в основном частную жизнь. Спустя полгода княгиня Александра была уже беременна. Но сына Василия её пришлось рожать в отсутствие мужа.

Боярин Борис Годунов и кудесники,
предсказывающие ему царствование. Художник А.Д. Кившенко

Смерть Бориса Годунова. Художник К.В. Лебедев

В Смутное время. Художник С.В. Иванов

Лжедмитрий. Художник Н.Е. Неврев

Агенты Лжедмитрия убивают сына Бориса Годунова.
Художник К.Е. Маковский

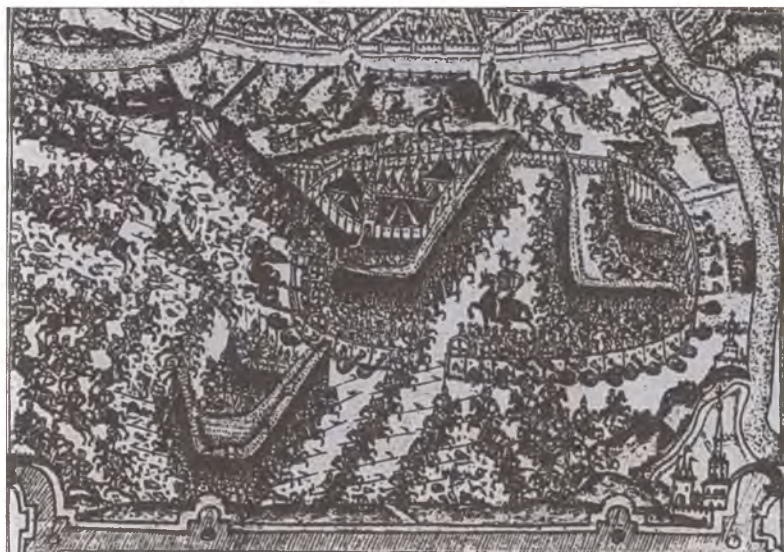
Въезд Лжедмитрия в Москву 20 июня 1605 года.
Художник К.В. Лебедев

Свадьба Марины Мнишек и Лжедмитрия I.
Неизвестный художник

Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III
на введение в России католицизма. Художник Н.Е. Неврев

Бой войск В. Шуйского с ополчением И. Болотникова.
Деталь плана Москвы. Из книги И. Масса

Болотников является с повинной перед Василием Шуйским.
Гравюра XIX в.

М.В. Скопин-Шуйский. Парсуна XVII в.

Князь М.В. Скопин-Шуйский умирает на пиру. Гравюра XIX в.

Помилование Лжедмитрием князя Василия Шуйского перед казнью.
Художник А. Земцов

Ляпунов с дворянами свергает царя Василия Шуйского.
Художник Н.В. Неврев

Сигизмунд III Ваза.
Неизвестный художник

Я.-К. Ходкевич.
Неизвестный художник

Владислав IV.
Неизвестный художник

С. Жолкевский.
Гравюра XIX в.

Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ
к пожертвованиям. Художник К.Е. Маковский

Нижний Новгород в XVII в. Из книги «Родная старина.
Отечественная история в рассказах и картинах»

Вид Казани в XVII в.

Князь Д.Т. Трубецкой.
Неизвестный художник

Князь Д.М. Пожарский.
Портрет XVII в.

Минин и Пожарский. Художник М.И. Скотти

Изгнание польских интервентов из Московского Кремля в 1612 г.
Художник Э.Э. Лиссенер

Избрание Михаила Фёдоровича Романова на царство.
Художник А.Д. Кившенко

Сидение царя Михаила Фёдоровича с боярами
в его государственной комнате. Художник А.П. Рябушкин

Ямщик на тройке. Художник Н.Е. Сверчков

В БОРЬБЕ ДВУХ ЦАРЕЙ

Пока Василий Шуйский на старости лет пытался тешиться с молодой женой, война охватывала всё новые земли России. Весной 1608 г. Москва наполнилась ратниками, разбегавшимися, как говорили, от бесчисленных войск Лжедмитрия II. Армия бездарного полководца Дмитрия Шуйского была разбита. Царские воеводы предавали или бежали от неприятеля. К Лжедмитрию, пришедшему с польско-литовской шляхтой, собирались все недовольные. Его войско с боями пробивалось к Москве.

Скопин-Шуйский принужден был возглавить спешно формируемую армию. Князь пытался задержать Лжедмитрия на Калужской дороге. Он укрепился за Окой, на речке Незнайке, но был обойден. В войске открылся заговор. Михаил Васильевич подавил его жестоко: знатные участники были сосланы, незнатные казнены. Вскоре князь должен был отступить к Москве, куда 1 июня 1608 г. подошел самозванец. Войско Лжедмитрия II утвердилось близ самой столицы, в селе Тушино.

Скорбя за страну, Гермоген обратился к царю с трогательной речью, умоляя его, возложив надежду на Бога, призвав в помощь Богородицу и московских угодников, немедленно вести армию на врага. Царь презрел прошение патриарха. Он предпочел отсиживаться в Кремле, держа большую армию для защиты своей особы. В это время храбрые воеводы по всей стране бились с врагом без подкрепления, а орды разнообразных хищников терзали беззащитную Русь.

Летом Скопин-Шуйский во главе Большого полка защищал столицу. Сил для решительного наступления у него не было. Дворяне со своими боевыми холопами были хорошо воору-

жены. Их насчитывалось много. Полки московских стрельцов блистали яркими кафтанами и новыми длинными мушкетами, способными пробивать любые латы. А боевого духа это воинство не проявляло.

Ратники не понимали, за что им надо проливать кровь. Им говорили, что в Тушино сидит самозванный царь, не имеющий законных прав на престол. Но и в Москве сидел царь, захвативший престол, предательски убив всеми признанного царя Дмитрия Ивановича. Говорили, что тот был Лжедмитрием, посланным на Русь польским королём и иезуитами. Но царь Дмитрий Иванович в Тушино утверждал, что он и есть добрый царь, которого в 1605 г. приняли всей Москвой. Тот, на чьей свадьбе с Мариной Мнишек вся столица гуляла полгода спустя. Вот и Марина, говорили, приехала к нему в Тушино и признала своим мужем! А из Москвы приехали служить многие бояре, окольничие, стольники и чиповники приказов, в том числе Посольского приказа — министерства иностранных дел того времени.

«И впрямь, видно, он царь настоящий, когда к нему чиновные люди едут!» — говорили в Москве. Москвичи давно открыли бы ворота Лжедмитрию, если бы не боялись, что царь и литовские люди будут им мстить за кровавую свадьбу 1606 г.

Василий Шуйский из последних средств платил воинам жалованье. Налоги из восставших городов переставали поступать. Когда отпадал от власти Москвы очередной уезд (город с землями вокруг него), уезжали из царского войска и его ратные люди.

Большинство русских дворян несло ратную службу в объединениях по городам, вокруг которых располагались их поместья. Каждый год дворянин со своими холопами должен был «конно и оружно» приезжать в город на военный смотр.

В специальных книгах чиновники из Москвы писали, сколько с ним конных воинов и чем они вооружены.

Число воинов зависело от площади пахотной земли в дворянском поместье. Один дворянин должен был командовать отрядом из двух, другой — из десяти воинов и больше. Они объединялись в сотни. На войну дворянские отряды выступали все вместе, сотнями, как городской полк: Каширский, или Рязанский, или Муромский.

Во главе такого полка стоял местный выборный вождь. Кроме него, дворяне каждого уезда выбирали судей и губных старост: милицию для расследования и пресечения преступлений. Списки дворян и книги об их поместьях велись по городам.

Такие дворяне считались незнатными. Их называли городовыми дворянами и детьми боярскими. Но их среди дворян было большинство. Меньше четверти дворян входило в престижный Московский список. Их служба проходила в столице, там же велись их дела.

На войне городской полк поступал в распоряжение назначенных из Москвы воевод: дворян Московского списка. По чинам, снизу вверх списка, это были дворяне московские, жильцы, стряпчие, стольники, думные дворяне, окольные бояре.

Чтобы увеличить эту привилегированную группу, состоящую всего из нескольких тысяч человек, из городов набирали дворян служить в Москве «по выбору». Выборные дворяне, какими бы знатными они ни были в городах, находились в самом конце Московского списка.

Людям Московского списка царь особенно доверял. Их он назначал командовать на войне, вести посольства, управлять городами в качестве воевод. Именно московское дворянство

руководило в стране всем. Но, как выяснилось, лишь до тех пор, пока им было кем руководить. В Смуту городские дворяне, ремесленники и купцы стали сами решать, какому царю им служить. Заплаталась и готова была рухнуть не только власть боярского царя, но и власть московских дворян.

Патриарха Гермогена особенно возмущало, что даже московские дворяне переходили на сторону Лжедмитрия II. Они не желали понимать, что, следуя за волей присоединившихся к самозванцу городов, оспаривают власть Москвы — свою собственную, объединяющую Московское царство власть.

Часть городских дворян оставалась пока на стороне Василия Шуйского. Но всё больше московских дворян, в том числе высших, окольных и бояр, уезжало в Тушино. Они думали, что сумеют сохранить своё первенство в стране, если станут на сторону победителя. Ведь не разрушил же их власть первый Лжедмитрий!

Боярский царь Василий Шуйский сидел, запершись со своими немногочисленными сторонниками во дворце. Царь в Тушине, истинный или ложный, по крайней мере, сам скакал впереди своих полков! Это было точно общим между первым и вторым Лжедмитрием.

За что воинам было класть свои жизни, если даже их командиры не знали, кто истинный царь? В Москве были бояре — и в Тушине были бояре знатнейших фамилий. Часто члены одной семьи сидели и там, и там: ведь как знать, кто победит? Воины должны были умирать в боях, а бояре из Москвы ездили в гости к друзьям и родичам в Тушино.

Взять Тушинский лагерь с таким настроением войск Скопин-Шуйский не мог. И то сказать — лагерь Лжедмитрия II был построен с умом. Он располагался на Волоколамской дороге, на высоком холме между реками Москва и Сходня.

С трёх сторон он был окружен обрывами, с запада — земляным валом с частоколом и башнями. Штурм Тушина требовал от войск самоотверженности, которой у них не было.

А у армии самозванца не доставало духа для штурма Москвы. Там служило много шляхтичей и казаков, пылавших мстью. Встречались среди них католики, но большинство было православных, с земель Украины, Белоруссии и Литвы. Ими командовали литовский князь гетман Роман Рожинский, воеводы Александр Лисовский и Ян Сапега, атаман запорожских казаков Иван Заруцкий. Русскими войсками в Тушине командовали московские воеводы. В их числе знаменитый полководец князь Семён Григорьевич Звенигородский, князя Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и Дмитрий Тимофеевич Трубецкой.

На дороге между Тушином и Москвой постоянно шли бои. Чаще всего это были молодецкие схватки небольших отрядов храбрецов. Основные массы войск воеводы не решались вести в бой. Проиграв, каждый из царей потерял бы всё. А так можно было продолжать править на своём куске России.

Лжедмитрий II прочно окопался в Тушине, принимая посланцев от переходивших на его сторону городов. Их число выросло до 22-х. Непокорных разоряли его отряды, ударной силой которых была шляхетская и казачья конница.

Вскоре почти весь народ и немалая часть знати отказались от власти московского государя. Он сидел в столице, подобно «орлу без перьев, без клюва и когтей». Не осталось у него «ни сокровищ многих, ни друзей храбрых». Его уменьшающееся войско отступило за стены Москвы и село в осаду, «не имея надежды ниоткуда».

Василий Шуйский неустанно обвинял врагов в том, что они продают страну иностранцам. А сам отправил своего родича

Скопина наместником в Великий Новгород, для переговоров со шведами, давно мечтавшими пожить на русской Смуте. Царь готов был платить иноземцам деньгами и землями, лишь бы спасти свою власть.

Глубокие сомнения охватили Михаила Васильевича при этом задании. Заключить союз с королём шведов Карлом IX значило оскорбить его злейшего врага, польского короля Сигизмунда III. Карл был дядей Сигизмунда и его наместником в Швеции, но недавно отобрал у него шведский престол. А ведь с Сигизмундом только что с большим трудом удалось подписать мир!

По договору царь Василий отпускал из плена всех подданных Речи Посполитой. Король Сигизмунд обязался не воевать с Россией и отозвать своих подданных из Тушина. Конечно, не позволить магнатам и шляхте служить Лжедмитрию II король не мог. Это было их шляхетное право. К тому же многие из них были врагами Сигизмунда. Но призыв короля к шляхте мог немного ослабить Тушинский лагерь. А главное, договор не позволял королю вторгнуться на незащищённые земли Руси.

Прося помощи у шведов, Скопин-Шуйский не мог открыто отдать им часть территории России, на которую те давно претендовали. Русские люди восприняли бы это как предательство и окончательно отвернулись от Василия Шуйского. Но что удерживало шведов от вторжения, если граница с ними и так была плохо защищена? Начни шведы войну, ни Василий Шуйский, ни Лжедмитрий II им бы не воспрепятствовали. Сразиться с ними на просторах Руси мог только соперник Карла IX, Сигизмунд.

Скопин-Шуйский рассудил, что поляки и так уже вторглись в Россию, хотя и не официально. А аппетиты шведов не только можно ограничить, заключив с ними договор, но ещё и получить от них военную помощь против Лжедмитрия II. Разгромив

его и утвердив в стране власть одного царя, князь наполовину победил бы и поляков. Если король вторгнется на Русь сам, то Скопин-Шуйский мог победить и его, имея созданную при помощи шведов армию.

Столкнуть двух ненавидевших друг друга королей, католика Сигизмунда и протестанта Карла, могло быть полезным. Но только при одном условии. Чтобы не отдать Россию на растерзание соседям, восвода должен был создать новое, сильное войско. В Москве это было невозможно. Здесь все были охвачены сомнениями.

Самого патриарха Гермогена воины дворянских полков схватили, вывели из Кремля на Красную площадь и стали кричать: «Князя Шуйского одной Москвой выбрали на царство, а иные города того не ведают. И князь Василий Шуйский нам на царстве не люб, из-за него кровь льется и земля не умирится. Надо нам выбрать на его место иного царя!» — «Дотоле,— твердо ответил патриарх, — Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и никакие города не указывали, а указывала Москва всем городам. А государь царь и великий князь Василий Иванович избран и поставлен Богом, и всем духовенством, московскими боярами и вами, дворянами, и всякими всех чинов всеми православными христианами. Да и из всех городов на его царском избрании и поставлении были в те поры люди многие. И крест ему государю целовала вся земля!» «А что вы говорите, — убеждал патриарх, — что из-за государя кровь льется и земля не умирится — и то делается волей Божией ... Ныне язык нашествие, и междоусобные брани, и кровопролитие Божьей волей совершается, а не царя нашего хотением».

Скопин-Шуйский хорошо знал, как сам святейший терзается этой гражданской распрей. «Недостает мне слов,— описывал патриарх свои муки при мысли о тех, кто стал служить

«тушинскому вору», — болит душа, болит сердце, вся внутренность терзается и все органы мои содрогаются! Плача говорю и с рыданием вопию: Помилуйте, помилуйте, братья и дети единопородные, свои души, и своих родителей ушедших и живых, отец своих и матерей, жён своих, детей, родных и друзей — восстаньте, и образумьтесь, и возвратитесь! ... Не свое ли Отечество разоряете, которому иноплемennых многие орды дивились — ныне же вами поругасмо и понирасмо?!»

Патриарх говорил впадавшим в сомнения дворянам и воеводам, говорил Скопину-Шуйскому, что долг православного — служить царю Василию. «Существом телесным равен людям царь, властью же достойного его величества приличен Всевышнему». «Царь Божьим изволением, а не собой принял царство, — укреплял Михаила Васильевича святейший. — Им, государем, Бог врага своего, а нашего губителя и иноческого чина поругателя истребил и веру нашу христианскую им, государем, вновь утвердил, и всех нас, православных христиан, от гибели к жизни привел. И если бы попустил им Бог сделать по их злому желанию, конечно бы вскоре в попрапии была христианская вера и православные христиане Московского царства были в разорении, как и прочие грады».

И ведь не ради истребления противников должно воевать за царя, убеждал Гермоген, а ради возвращения заблуждающихся братьев к истине: «Мы же с любовью и радостью примем их и не будем порицать, понеже без греха Бог един».

У Михаила Васильевича были большие сомнения насчёт способности царя прощать. Но различие между самозванцем и самодержцем, законно венчанным на престол в Успенском соборе Московского Кремля, боярин понимал твёрдо. Поручение Василия Шуйского на севере страны князь принял и выполнил отлично, как всё, за что брался.

НОВГОРОДСКИЙ НАМЕСТНИК

10 августа 1608 г. Скопин-Шуйский выехал из Москвы в Великий Новгород. Пробираясь ему пришлось лесами и просёлочными дорогами. Множество городов к северу от столицы примкнули к Лжедмитрию. Московского воеводу не пропустили бы через Тверь, Переяславль-Залесский, Ростов и Ярославль. Ему не было хода в Кострому, Углич, Кашин, Бежецкий Верх и Пошехонье. Тушинскому вору присягнули Балахна, Муром, Гороховец и даже родная воеводе Шуя.

Михаилу Васильевичу был отрезан прямой путь к Новгороду через Торжок. Не мог он пробраться туда в обход ни с востока, через Вологду и Белоозеро, ни с запада, через Псков. Все эти города были на стороне Лжедмитрия. Хорошо ещё, что в ряде уездов сельские люди не соглашались с городскими. Если одни стояли за Москву, то другие — за Тушино. Разделилось даже духовенство. В одном селе священник оглашал грамоты патриарха Гермогена из Москвы. В другом — почитал митрополита Ростовского Филарета, названного патриархом в Тушине. И ведь не скажешь, кто был не прав. Гермоген прославился своим подвижничеством и заслуженно почитается на Руси святым. Но и Филарет Никитич, отец будущего царя Михаила Романова, жестоко пострадал за веру, а впоследствии стал патриархом всея Руси.

Скопин-Шуйский никого не мог переубедить. Ему оставалось одно. Пробираясь в Новгород осторожно, разведывая настроения местных жителей и обходя каждый город, каждую деревню, где его могли схватить или выдать шнырявшим по стране отрядам Лжедмитрия. В отряде князя было 40 дворян с боевыми холопами и слугами, всего 200 всадников. Провести их через половину страны незамеченными было нелегко.

Но Михаилу Васильевичу это удалось. К осени 1608 г. он привёл свой небольшой отряд в Великий Новгород.

Новгородцы, казалось, твёрдо стояли за Москву, причём сельские жители даже более крепко, чем горожане. Именно с властью Москвы они связывали надежды на защиту своих обширных земель от шведов. Михаил Васильевич хотел отправить своего шурина Семёна Васильевича Головина на переговоры в Швецию, чтобы самому остаться в Новгороде. Поначалу это не получилось. Среди новгородцев всё сильнее слышались разговоры в пользу «царя Дмитрия».

Скопин-Шуйский призвал на совет воеводу Михаила Игнатьевича Татищева. Этот опытный военный и дипломат был верным сторонником Василия Шуйского, помог тому свергнуть Лжедмитрия. Он сказал, что расположение новгородцев к обоим воеводам из Москвы крайне подозрительно. А своих военных сил и вооруженных сторонников у воевод слишком мало, чтобы удержать город. Особенно если горожане узнают о переговорах со шведами.

Это было очень плохо. По старинной традиции, переговоры со шведами вёл не московский царь, а наместник Великого Новгорода. Это ставило короля шведов ниже других монархов и показывало северным соседям силу Московского царства, в котором одна Новгородская земля была равна всему их королевству. Но делать было нечего. Собрав в Новгороде небольшой отряд воинов, Скопин-Шуйский и Татищев двинулись к шведской границе, чтобы вести переговоры там.

Путь им закрывали пограничные крепости. Через Ивангород проехать не удалось, он стал на сторону Лжедмитрия. В Орешке сидел хорошо знакомый Скопину московский воевода Михаил Глебович Салтыков. Он тоже отказался открыть князю ворота. Воеводы решили пересечь пограничную руку

Неву в стороне от крепостей. Новгородские воины отказались идти к шведам и вернулись в город.

Скопин в глубокой грусти поехал с малой свитой к устью Невы. А в Новгороде, куда вернулись его воины, при известии о замысле Скопина договориться со шведами началось волнение. Твёрдо стоявший на стороне наместника митрополит Исидор собрал знатных людей и спросил у них, хотят ли они отпасть от Москвы и предать свои дома в руки грабителей, которые служат Тушинскому вору. Землевладельцы, хозяева торговых домов и крупных ремесленных мастерских сильно призадумались. И решили вернуть воевод в город.

По призыву митрополита на площади у собора Святой Софии собралось вече. Новгородцы единодушно решили остаться верными Москве. К Скопину и Татищеву полетели гонцы, за ними выехали знатные новгородцы. Выборные старосты всех пяти концов Новгорода целовали перед Михаилом Васильевичем крест, клянясь за всех своих избирателей верно служить Москве.

Князь вернулся, утвердился в Новгороде и начал переговоры со шведами по всем правилам. Он послал гонца к Фридриху Мансфельду, шведскому командующему в Прибалтике. Гонец сумел пробраться через границу и вернулся с королевским чиновником Монсом Мартенсоном. С ним Скопин-Шуйский обсудил детали договора с королём.

Скопин-Шуйский хотел, чтобы шведы дали ему под команду 2 тыс. латников-кавалеристов и 3 тыс. опытных пехотинцев, всего 5 тыс. воинов. Сверх того, помогли нанять в странах Западной Европы ещё 5 тыс. солдат и пропустили их через свою территорию. Взамен русские обещали пропускать шведские войска из Финляндии в Прибалтику через крепости Ивангород, Ям и Копорье зимой, когда сообщение по Балтийскому

морю прерывалось. Обеспечить выполнение этого условия Скопин-Шуйский не мог. Гарнизоны пограничных крепостей не служили Василию Шуйскому. Но князь надеялся, набрав силу, убедить их отказаться от службы Лжедмитрию.

С момента пересечения наёмными солдатами русской границы князь обещал платить им жалованье: 100 тыс. ефимков в месяц. Это было очень дорого. Ефимок — серебряная западноевропейская монета талер с русской надчеканкой: выбитой поверх рисунка надписью. Московское правительство приравнивало его к рублю. А рубль был на Руси такой крупной суммой, что рублёвой монеты вообще не было. Для оплаты любых покупок пользовались крохотными серебряными монетками достоинством в 1 копейку и $\frac{1}{2}$ копейки (полушки).

На 3 руб. копейками (300 копеек) можно было купить лошадь или простой деревянный дом. 300 руб. стоил самый дорогой конь, аргамак — представительский лимузин и лучшая боевая машина того времени. 600 руб. составляло максимальное годовое жалование знатнейшего боярина. В месяц получалось 50 руб. Но боярин выезжал на войну с отрядом не меньше, чем в 50 человек, т.е. кавалерист обходился примерно в 1 руб. А тут каждому воину из 10 тыс. было обещано жалованье 10 руб. в месяц. Да ещё тем, кто дойдёт до Москвы, Скопин обещал выплачивать двойное жалованье!

Шведы с радостью согласились, не ведая, что у князя такой суммы нет и взять денег негде. Расплатиться с наёмниками по такой ставке царь с трудом смог бы через несколько лет после окончания Смуты. Страна была разорена. Торговля с Западом нарушена. А своего серебра на Руси ещё не нашли. Скопин-Шуйский надеялся только на жадность шведских властей, которые захотят оставить большую часть обещанной суммы себе, т.е. на войне в руки наёмником можно будет давать

гораздо меньше. Получив государственные гарантии, шведы могли и подождать. А с наёмниками, которые действительно будут ему служить, князь рассчитывал договориться об оплате уже в России.

Каждый шведский солдат и западноевропейский наёмник должен был поклясться «святых божьих церквей и монастырей не жечь и не разорять, и поруганья над иконами не делать, христиан не убивать и в плен не брать». Всех русских пленных шведы обязаны были передавать Скопину. Иноземцы обещали быть у князя «в послушанье и в совете».

Для подписания договора с королём Михаил Васильевич послал в шведский город Выборг своего шурина, стольника Семёна Васильевича Головина с опытным посольским дьяком. Шведы во главе с членом королевского совета Йораном Бойе согласились со всеми условиями, но потребовали уступки земель.

Скопин-Шуйский знал, что это произойдёт. Ещё в 1605 г. за военную помощь Борису Годунову шведы хотели вернуть себе крепости Ивангород, Ям и Копорье, отвоёванные русскими за 10 лет до этого. На этот раз деньги их увлекли настолько, что они просили только Карелию с городом Карелой. На это князь пойти не мог. Узнав, что Шуйский раздаёт земли Руси, последние города, ещё стоявшие за Москву, перешли бы на сторону Тушина.

Но князь не мог и отвергнуть шведские условия. Выход он видел в том, чтобы заключить соглашение о Карелии тайно и... его не выполнять. Когда шведы спросили, какое же вознаграждение получит их государь, Головин предложил всем членам своего посольства, кроме дьяка, выйти из помещения. Затем взял со шведов клятву хранить дальнейшие переговоры в тайне.

Головин составил со шведами секретный протокол о передаче им Карелии. Но выполняться он должен был не сразу. Через 3 недели после прихода шведских солдат в земли Новгорода люди короля должны были получить текст договора и секретного протокола, заверенные подписью Скопина-Шуйского. Так договоры заключались всегда. На этот раз шведов удостаивали великой чести: получить те же грамоты, подписанные самим царём. Но ... лишь через 2 месяца после появления шведских войск. Только тогда шведы могли занять Карелию с условием, что все её жители смогут свободно уйти на Русь.

Получая военную помощь, Скопин-Шуйский добился от шведов обязательства не заключать сепаратный мир с поляками. И ратифицировал Тявзинский мирный договор, по которому Россия вернула себе от шведов крепости Ям, Конорье, Ивангород, Ладогу, Орешек и Кексгольм (Приозерск). Этот мир был заключён после успехов в войне со шведами при Борисе Годунове. Тогда ратифицировать его казалось невыгодным: часть земель, на которые претендовал царь, осталась у шведов. Но теперь, когда Россия лежала в развалинах, шведы могли забрать всё. А Михаил Васильевич смог этому помешать.

Скопин-Шуйский, заранее обдумав все эти условия с Головиным, выиграл время. 28 февраля 1609 г. договор со шведами в Выборге был заключён. Весть о необычайной щедрости московского царя мгновенно облетела Западную Европу. Уже в марше пёстрая рать наёмников перешла границу. К маю под командой 27-летнего генерала Якова Поитуссона Делагарди⁶¹ собралось 15 тыс. воинов: шведов, французов, шотландцев, немцев и др.

⁶¹ О нём см.: *Кобзарева Е.И.* Шведский воспачальник Я.П. Делагарди в России «Смутного времени» // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 170–184.

Делагарди требовал выплаты месячного жалованья, угрожая захватить Ивангород, Ям и Копорье. Скопин-Шуйский пообещал выдать 8, а выдал всего 6 тыс. руб. серебром, мехами и дорогими тканями, да ещё обеспечил наёмников продовольствием в счёт жалованья. Воевода играл с огнём. Наёмники стояли в городке Тёсово, но вполне могли захватить Новгород. Сил, чтобы противостоять им, у воеводы не было. Но его риск был оправдан.

К началу весны 1609 г. ситуация в стране была критической. Москва была окружена войсками Лжедмитрия II. Люди в городе голодали. Столица держалась лишь потому, что Василий Шуйский объявил: скоро с севера придёт Скопин-Шуйский с подмогой. Надеялся на князя и Троице-Сергиев монастырь. Его защитники уже полгода — с сентября 1608 г. — героически отражали приступы войск Лжедмитрия. По единодушному свидетельству всех современников, Москва, Святая Троица и последние оставшиеся на стороне Василия Шуйского города стояли только потому, что верили в Скопина.

В разгар его переговоров со шведами в Москве вспыхнул бунт против Василия Шуйского. Многие из ещё остававшихся в столице дворян и стрельцов ушли в Тушино. Говорили, что царь на коленях умолял восставший народ продержаться ещё три недели, пока не придут на спасение Москвы князь Скопин со шведами и боярин Шереметев, посланный за помощью к татарам.

А у князя в то время не было сил даже удержать Новгород. Сюда спешил из Тушина полковник Кернозицкий с литовско-русской шляхтой и казаками. Граждане пришли в смятение. Скопин собрал конный отряд, чтобы выбить врага, засевшего в Хутыньском монастыре, но не смог покинуть беснующийся город. Воевода Татищев был убит обезумевшей от страха и по-

дозрений толпой. Спасение пришло от жителей города Тихвина и крестьян, живших за Онежским озером. Они вооружились и пошли спасать Новгород. Узнав об этом, тушинцы испугались и отошли к Старой Руссе.

Михаил Васильевич не мог показать виновников гибели Татищева. Но устыдил их, с почестями похоронив прах восводы в Антониево-Сийском монастыре, одном из самых почитаемых в Новгороде. И, подписав договор со шведами, стал собирать русскую армию. По всем городам Севера, на восток до Урала и на юго-восток в города на Волге полетели грамоты Скопина о сборе денег и ратных людей.

К этому времени люди поняли, что если Василий Шуйский плох, то Лжедмитрий II — ещё хуже. Люди «тушинского царька» грабили горожан и отбирали продукты у крестьян. Тушинские дворяне захватывали чужие поместья. Шляхта и казаки всюду творили насилие. Только отсутствие надежды на спасение мешало русскому люду восстать. Вести о помощи шведов и сборе православного войска эту надежду дали.

С запада к Скопину шли наёмники, с севера и востока — русские отряды. Он ещё не успел выступить в поход, а тушинцы были уже выбиты из Костромы. Ополчение Великого Устюга, Соли Галицкой, Перми и других северных городов освободило Романов. 8 апреля 1609 г. оно взяло Ярославль, 15 апреля — Углич. До конца мая вокруг Ярославля и Углича шли жестокие бои. Тушинцы наседали. Сторонники Москвы ждали помощи от Скопина.

В то же время рать из Нижнего Новгорода освободила Муром и Владимир. Боярин Шереметев с ополченцами разбил касимовских татар и двинулся в Поволжье. Оно тут же восстало против Лжедмитрия. На западной границе воевода Шеин стойко защищал Смоленск. В мае 1609 г., узнав о выступлении

Скопина из Новгорода, Шейн освободил Дорогобуж и Вязьму. Следом восстали Можайск, Белая и Торопец. Смоленские ратники двинулись навстречу Скопину.

Один лишь слух об армии Михаила Васильевича в Новгороде изменил ситуацию в стране. Теперь уже Лжедмитрий испытал в Тушине недостаток продовольствия и денег на жалование казакам и пляхте. Дворяне покидали его войско и уходили в свои освобождённые города. Польские и литовско-русские солдаты-жолнеры не слушались своих полковников, слуги панов бунтовали.

Скопин-Шуйский шаг за шагом собирал верные государю силы Русского Севера. Он с большим трудом закупал оружие и не мог выступить, пока не обучит русские войска. Князь не мог рисковать с трудом собираемой армией. В ней была не столько военная сила, сколько надежда страны. Михаил Васильевич двинулся к Москве медленно, вслед за сильным авангардом.

КОМАНДИР МУШКЕТЁРОВ

Первые отряды князя выступили из Новгорода в начале апреля 1609 г. 4 тыс. русских при поддержке 600 наёмников заняли Старую Руссу и уничтожили отряд Кернозицкого. К середине мая войска Скопина освободили Орешек, Торжок, Старицу, Холм, Торопец, Невель, Великие Луки и др. города.

Два месяца, до начала июня, Михаил Васильевич и Делагарди не столько передвигались, сколько изображали движение. Они ждали атаки неприятеля в выгодных для себя условиях. 23-летний Скопин хорошо знал, что войска неустойчивы в битве, если за их спиной нет укреплений. 27-летний Делагарди успел послужить в самой передовой армии Европы, у полковод-

ца Нидерландской революции принца Морица Оранского. Его опыт отвечал выводам, к которым Скопин-Шуйский пришёл в ходе гражданской войны.

Принц Оранский отстаивал свободу крохотных Нидерландов от испанской военной сверхдержавы. Испанская профессиональная пехота громила всех на полях сражений. Она строилась в глубокие колонны, оцетинивалась длинными пиками и двигалась, как один человек, Закованная в латы испанская конница не знала равных в атаке.

У принца не было столько профессиональных солдат, чтобы соперничать с испанцами в чистом поле. В его войске была кучка опытных военных и масса граждан, пылко защищавших свободу страны. Они плохо владели оружием, но каждый из них мог стрелять.

Оранский отказался от закованной в броню конницы. Его рейтары в одних шлемах и кирасах получили карабины и по два пистолета. Они осыпали врага градом пуль, не подставляясь под его копья. У принца не было массы пехотинцев, обученных ловко действовать пикой. Он разделил пехоту на малые отряды, оставив немного пикинёров как неподвижное прикрытие для стрелков и пушкарей.

Главное, принц сражался с испанцами там, где они не могли нанести свой знаменитый массированный удар: между каналами, среди домов, на мостах, за заборами.

Войскам Скопина и Делагарди не угрожали испанцы. Против них была сокрушительная в атаке польско-литовская кавалерия. Делагарди уже побывал в польском плену. Он на собственном опыте убедился, что даже масса отличных шведских пикинёров, действующих по испанскому образцу, не может устоять против поляков, особенно — гусар.

Гусары составляли ударную силу Тушинской армии. Этих смертников, впервые появившихся в Венгрии, было немного. Они галопом скакали вперед, чтобы сомкнутым строем всадников с длинными копьями пробить брешь в сплошном лесу пик вражеской пехоты.

Пики пехоты были в два человеческих роста. А гусарское копьё — ещё длиннее. В походе концы копий волочились по земле, поэтому их называли волочнями. Сабле гусары предпочитали кончар — простую рапиру в полтора раза длиннее обычной. Копьём и кончаром они могли на скаку колоть врага раньше, чем тот достанет их своим оружием. Стоило гусару промахнуться, и отразить ответные удары он не мог.

Двухцветные флажки на копьях, большие крылья из орлиных перьев за спинами, гибкие доспехи из стальных полос или чешуи отличали самый яркий и опасный род тушинских войск. Их щегольские кафтаны были белыми, а плащи — голубыми.

Панцирная шляхетская конница носила кольчуги и шлемы. Она была вооружена саблями и пистолетами. Шляхта Речи Посполитой не могла прорвать строй пикинёров. Зато атаковала любого врага, невзирая на самый сильный огонь. Пехотинцу нужна была почти минута, чтобы перезарядить мушкет после выстрела. Сделать второй выстрел по летящей галопом панцирной кавалерии не удавалось никому.

Русские дворяне, казаки и татары тушинского войска не были первыми в бою. Они стреляли и рубили противника, рассеянного сокрушительным ударом гусар и панцирных хорутвей. В большинстве стычек, где обе стороны не держали строй, этого было достаточно.

У Скопина-Шуйского и Делагарди были сомнения в том, что их армия сможет устоять в открытом сражении с тушинцами. Значит, решили они, надо дать бой, который только врагу

покажется открытым. Они медлили, не вводя главные силы войска в Торжок. И дождались. Подошедшее из Тушина войско Зборовского, уничтожив по пути город Старицу со всеми жителями, вплоть до младенцев, попыталось с ходу взять Торжок.

17 июня 1609 г. против 3 тыс. всадников польского полковника Зборовского и дворян князя Шаховского вышли в поле 2 тыс. русских и шведов под командой воеводы Головина и полковника Горна. Шведы склонили в сторону врага лесник, уперев их тупыми концами в землю и прижав для прочности ногой. Русские попытались сделать что-то подобное. Две роты польско-литовской конницы налетели на пики и были перебиты. Но третья рота нашла слабое место в строю.

Размстав на своём пути пехоту, вражеская кавалерия вышла в тыл русских и шведских войск. Не ожидавшая такого удара конница Головина и Горна бросилась бежать. За ней, бросая пики, обратилась в бегство пехота. 600 шведов и примерно столько же русских было порублено и затоптано лошадьми.

Но ворота города были недалеко. Воевода Корниил Чеглоков и наёмный офицер Клаус Бой вывели из Торжка резерв — ещё 3 тыс. бойцов. Скачущих врозь тушинцев приняли на пики и расстреляли из мушкетов. Поражение обернулось победой. Понеся тяжкие потери, враг бежал, бросая раненых, обозы, боевые литавры-набаты и знамёна. Зборовский и Шаховской скакали, не оглядываясь, до самой Твери.

По словам Деллагарди, переданным его историком, «после этой битвы снова произошла большая перемена в умах, отовсюду стали стекаться бояре, стараясь оправдаться от обвинений в нейтральности». К июлю в Торжке собралась настоящая армия.

Скопин разделил её на три части. Большой полк вёл он сам. Передовым полком командовали Головин и Чеглоков.

Авангард — Сторожевой полк — вели князь Барятинский и немецкий полковник. 3 тыс. опытных воинов князя Барятинского с боями пришли из Смоленска. В пути они разбили несколько тушинских шак, взяли Вязьму и Белую.

11 июля 1609 г. армия переправилась через Волгу и подошла к Твери. Скопин-Шуйский и Делагарди двинули в бой 18 тыс. солдат, построив их в сложный и глубокий боевой порядок. В центре наступали по чистому полю стройные ряды шведской и русской пехоты. Пикинёры прикрывали строй мушкетёров. Между отрядами солдаты катили пушки. На левом фланге выдвинулась вперёд французская и немецкая кавалерия, на правом поскакали в атаку финны. Русская конница стояла позади.

Зборовский вывел за городские стены почти все свои силы — до 7 тыс. человек. Впереди построилась польская, русская и казацкая пехота с короткими копьями. Кавалерия встала позади. Скопин, атакуя мелкими отрядами, хотел выманить тушинцев подальше от города и окружить атакой кавалерии с флангов. Зборовский разгадал этот замысел и стоял на месте. Армия Скопина грозно надвигалась на него.

В этот момент хлынул ливень. Порох у мушкетёров и пушкарей отсырел. Тушинская кавалерия внезапно выскочила из-за пехоты и обрушилась на левый фланг Скопина. Ехавшие стройными рядами французские и немецкие конники из-за дождя не могли стрелять, как они привыкли делать в бою. Враги вихрем налетели на них, опрокинули и обратили в бегство.

Развернувшись, тушинцы атаковали русскую пехоту во фланг. Бросая пики и бесполезные мушкеты, воины бежали, частично смешав ряды шведской пехоты, стоявшей в центре строя. Финская конница пыталась прийти на помощь, но Зборовский опрокинул и её. Масса бегущих людей была порублена.

Только те, кто сохранил строй и стойко принимал конницу на пики, остались невредимы.

Армия Скопина могла исчезнуть. Делагарди, пытаясь остановить бегущих, был трижды ранен. Но Михаил Васильевич во главе резервов задержал поляков, а затем заставил их отойти. Под проливным дождём войско вступило в укреплённый лагерь недалеко от Твери.

Отступить тогда значило потерять армию. Битые в бою войска просто разбежались. Но бегство в собственный лагерь армию спасло. Весь следующий день Скопин-Шуйский ободрял воинов, а в ночь на 13 июля повёл их на Тверь. Многонациональная армия атаковала городские валы и частоколы внезапно, за час до рассвета.

Жестокий бой шёл три часа. Город был взят. Зборовский успел собрать отряд полуодетых конников и пытался контратаковать в поле. На этот раз русские и шведы могли стрелять, а шляхта не имела пространства для своей коронной атаки в карьер. Потеряв почти всё войско, пушки и знамёна, Зборовский бежал. Русские преследовали и рубили врага неотступно 40 вёрст.

Часть поляков засела в тверском кремле. Но Скопин не стал их штурмовать. Пользуясь паникой в Тушинском лагере, он должен был спешить к Москве. В походе шведы и разноплеменные наёмники взбунтовались. Они не получили обещанного жалованья. А Скопин-Шуйский мог найти деньги только в столице. Но не успел.

Часть наёмных полков, схватив знамёна, повернула назад, к Новгороду. Офицеры не могли их остановить. Делагарди махнул на них рукой. «Пусть попробуют, — сказал он, — идти по разорённой стране без вожда. Сами покаются и вернутся». Но за наёмниками повернули назад и шведы.

Напрасно Делагарди пугал их и стыдил. Он вырывал из рук мятежников знамёна и, выхватив шпагу, грозил убить того, кто сделает шаг назад. Солдаты были непреклонны. Уступая требованию войск, Делагарди повернул назад. Он поставил лагерь под Тверью, дожидаясь обещанных денег от Василия Шуйского и короля Карла. Денег не было. Делагарди пришлось вести войска к Новгороду.

Шведский генерал всё ещё хотел помочь Скопину-Шуйскому в освобождении Москвы. Он отступал крайне медленно, объясняя свою задержку в России тем, что дожидается денег и передачи шведам Карелии. Но Карелия так и не была передана.

Правда, Василий Шуйский прислал в город Карелу бояр с приказом сдать крепость шведам. Но епископ Сильвестр поднял горожан и крестьян. Бояр в город просто не пустили. А Делагарди занять Карелу даже не пытался. Он остановил своих солдат на Валдае и ждал возможности вновь соединиться со Скопиным-Шуйским.

Видимо, два полководца заключили между собой тайный договор. Михаил Васильевич писал шведскому королю грамоты, что тот может занять Карелию. И посылал их через Делагарди. А тот ни одного отряда занять Карелию не послал. Много позже, в декабре, Делагарди и Скопин подписали новый договор о передаче Карелии. По этому договору шведы обещали увеличить военную помощь Скопину. И вновь генерал Карелу не занял. Вместо этого тамошним стрельцам привезли годовое жалованье от царя.

Делагарди мог подавить сопротивление местных жителей и взять Карелу. Но этим он ставил своего друга Скопина под удар. Все увидели бы в шведах не союзников, а оккупантов. А Михаил Васильевич стал бы их пособником. Поступить так

с другом потомок древнего рода дворян из Лангедока в Южной Франции не мог. Пока Скопин-Шуйский был жив, Делагарди не делал ничего против России.

После ухода пшведов и наёмников остаться в живых Скопину было нелегко. Зборовский шёл на него, получив в подмогу 11 эскадронов конницы, в том числе 5 хоругвей гусар. Гетман Сапега тоже двинулся против него с войском от Троице-Сергиева монастыря. Не дожидаясь двойного удара, князь ушёл за Волгу и укрепился в Калязине в монастыре. Враги не решились штурмовать его позиции и повернули назад.

Тут Скопин-Шуйский поставил задачу, казалось, невыполнимую: сформировать сильную современную армию из одних русских войск. Правда, тысяча наёмников — пшведов, французов и англичан под командой Христиера Зомме — осталась с ним. Их офицеры и сержанты помогли обучить людей, толпами приходивших к князю из Ярославля, Костромы, Ростова, Суздаля, Углича и с Поморья.

Целый месяц Михаил Васильевич обучал добровольцев пехотному бою по нидерландскому образцу. Скопин-Шуйский хотел опереться на постоянное, хорошо обученное и исправно получающее жалованье войско. На мушкетёров, окруженных в бою несокрушимой стеной пикинёров, на способную атаковать сомкнутым строем кавалерию. Наряду с учениями воевода старался добыть из-за границы и русских городов оружие, снаряжение, продукты и деньги на плату воинству.

Михаил Васильевич был слишком умён, чтобы не видеть различий между иноземными профессионалами и русскими наёмниками, пусть они и носили одинаковое оружие. Чтобы выдержать удар шляхетской конницы, недостаточно было леса пик — необходим был закаленный корпоративный дух ... или что-то покрепче пик. Ведь даже французская и немецкая кон-

ница в битве под Тверью была бы истреблена, если бы воевода сам не пришел ей на помощь.

«Укрепляться!» — таков стал девиз Скопина-Шуйского. Треугольный лагерь под Калязиним был прикрыт по сторонам Волгой, речкой Жбаной с топкими берегами, а со стороны поля — валом, тесно утыканным заострёнными кольями, — острогом. По полю были разбросаны переносные заграждения — рогатки. Отдельной крепостью высился Троицкий Макарьев монастырь — Ставка командующего.

Передовые отряды князя вели разведку на московской стороне Волги. Тушинцев это беспокоило. В середине августа Сапега вновь оставил осаду Троицы. Он привёл под Калязин 12 тыс. отборных воинов, в том числе несколько хоругвей гусар. У Скопина было 20 тыс. солдат, намного менее стойких в бою.

Ян, а по-православному — Пётр Павлович Сапега был человеком учёным; он окончил колледж в Вильно и университет в Падусе. Сапега был опытным воином, закалённым в боях с татарами и шведами. Особенно хорошо он умел использовать в бою сокрушительную атаку крылатых гусар. Именно его гусары не так давно, в 1605 г., приняли на себя главный удар до зубов вооружённых шведских рейтар в битве при Киргхольме. Там король Карл IX был наголову разбит. Потеряв 300 человек, поляки положили на поле боя 5 тыс. шведов из отборных королевских полков. Скопин-Шуйский не имел столь хороших солдат. Но обязан был победить. От этого зависела судьба России.

18 августа 1609 г. крылатые гусары с поля атаковали лагерь Шуйского. Непобедимые всадники на полном скаку налетели на рогатки, сбились в кучу и были расстреляны с вала. Всё поле было усыпано яркими гусарскими значками и поломавшими орлиными крыльями. Тщетно пляхتا, тушинские дворяне и

казаки пытались выманить Скопина-Шуйского из лагеря при-
творными отступлениями.

Сапега отозвал свои войска, задумав более хитроумное нападение. Во втором часу ночи 19 августа его пешие ратники начали скрытно переправляться через болотистую речку Жбану. Скопин-Шуйский дождался, пока они накопятся на топком лугу, и ударил конницей.

Потеряв много убитых и затоптанных в грязь, неприятель бежал за реку к своему неукрепленному лагерю в селе Пирогово. Окрыленные успехом ратники Михаила Васильевича ворвались в него на плечах бегущих. В беспорядочном ночном бою воины Скопина перебили множество тушинцев.

Опомнившись, Сапега собрал конницу и контратаковал. Но в тесных улочках его всадники не могли разогнаться. Сапега вывел конницу на луга перед селом. Он вновь пошёл в атаку, но подоспевшие наемники Зомме и отборный личный полк Михаила Васильевича отбросили неприятеля. Он бежал к Рябову монастырю. Только там гетман смог остановить и собрать остатки войск.

Кровавая битва длилась 7 часов. Несмотря на большие потери, Сапега отступил к Троице в полном порядке. Военное значение победы Скопина было небольшим, политическое — громадным.

ОСВОБОДИТЕЛЬ МОСКВЫ

Слух о победе князя у Калязина монастыря облетел всю страну. Противники Лжедмитрия II ликовали. Говорили о разгроме неприятеля, хотя военное положение изменилось мало. Только в сентябре воеводы Головин и Валуев с наемниками

Зомме внезапным ночным штурмом взяли Переяславль — первый город на пути к Москве. Скопин-Шуйский медлил, не решаясь выступить без Делагарди. Генерал всеми силами спешил на помощь, но смог привести под Калязин всего 2 тыс. солдат.

6 октября 1609 г. Михаил Васильевич вошёл в Переяславль. Через три дня Головин, Валуев и полковник Иоганн Мир выбили воинов Сапег из Александровой слободы. Путь на столицу был открыт. Воевода послал в голодающий город обозы с запасами. Но сам почти три месяца простоял в Александровой слободе, где к его подходу был возведен укрепленный лагерь.

Здесь, в слободу, присхали к воеводе по трудным военным дорогам жена и мать. Михаил Васильевич пытался утешить супругу, потерявшую во время разлуки с ним первенца. Мать, которая по привычке вела за князя все дела, убеждала сына не вести войско к столице. Царь и окружавшие трон бояре казались ей ядовитым клубком змей. Боярыня Елена Петровна боялась за жизнь сына. Она не хотела потерять его так же, как потеряла отравленного при дворе мужа. Князь понимал опасность, которую таит для него полный зависти и интриг московский двор. Он боялся Москвы, но считал необходимым её освободить.

Политические обстоятельства требовали спешить. Польский король собрал армию и вторгся в Россию. Он осадил Смоленск, часть гарнизона которого ушла на помощь Скопину. Сигизмунд III объявлял, что Россия ввергнута в гибельную смуту незаконными правителями, захватившими власть насилием и обманом, и обещал спасти гибнущее братское государство от самоистребления.

Войска и граждане Смоленска, возглавляемые Михаилом Борисовичем Шеиным, сожгли посады и сели в крепости на-

смерть. Осаждённые не верили ни Шуйскому, ни Лжедмитрию. Они решили сражаться под знаменем царя Василия потому, что не ждали пощады от старинных врагов-ляхов.

Войско Скопина-Шуйского не было таким стойким, как смоленцы, защищавшие свои семьи. Поэтому молодой воевода не поддавался порыву ринуться к близкой уже Москве. Он сберегал армию. Надежда на неё поддерживала мечту народа избавиться от тушинцев и интервентов. Армия была дороже страдавших от войны городов и сёл.

Михаил Васильевич продолжал настойчиво собирать по стране средства и учить войска. Его грамоты читались во всех освобождённых городах и сёлах страны. Деньги и соболей везли к нему даже из Перми. Огромные суммы собрали «на наём ратных людей» монастыри. Давали не жалея, кто сколько мог.

Михайло-Архангельский монастырь в Великом Устюге собрал больше 2600 руб., Соловецкий на Белом море — 3159 руб. Монахи самой бедной обители прислали «150 ефимков без четверти ефимка да ложку серебряную». Помимо пожертвовавший из монастырской казны, братья отдавали Скопину личные деньги, снимали с себя шубы, переплавляли серебряную посуду. Их примеру следовали воеводы, дворяне, купцы, граждане и крестьяне. Средства, вначале скудные, осенью потекли в армию рекой.

Князь шаг за шагом расширял подвластную ему территорию. Он усиливал гарнизоны в одних городах, занимал другие, сжигал те, которые не мог удержать. Отряды Скопина прорывались в осажденный Троице-Сергиев монастырь, оказывались на важнейших дорогах, угрожали неприятелям с разных сторон.

Раздосадованный Сапега объединился с тушинским гетманом Романом Ружинским. Тот привёл ему на подмогу

несколько хоругвей гусар. 28 октября 1609 г. они атаковали Скопина под Александровой слободой. Конница князя была молниеносно опрокинута гусарами, сбита с поля и «потоптана», но укрылась за пехотой, защищённой надолбами. Дальше произошло то, что спланировал московский воевода.

Сапега и Ружинский не смогли командовать своевольной шляхтой. Паны на лихих конях раз за разом бросались на рогатки и надолбы. Ратники князя истребляли их огнём из-за укрытий. Скопин «все полки свои умно и быстро расставил, везде за полками сам наблюдал и сам огромную свою силу и мудрую храбрость показал, впереди полков выступая». Конники князя преследовали и рубили неприятеля, отбитого от укреплений огнём. Когда новые отряды тушинцев бросались в бой, русские конники отступали за надолбы. «И был бой жестокий и сеча злая у государевых людей с поляками, и бились долго».

Терпя поражение за поражением, нападавшие, как и ожидал князь, сломались: «ужаснулись и уstraпились, затрепетали и пали, и побежали, и словно дым исчезли. И с того времени охватил все польские и литовские полки страх и ужас», — писал современник.

Сторонники Лжедмитрия частью ушли с Сапегой под осаждённую Троицу, частью бежали с Рожинским в Тушино, частью рассыпались по стране. Не осилив главный лагерь Скопина-Шуйского, они терпели такие же неудачи в боях с отрядами Михаила Васильевича, неизменно окапывавшимися в занятых ими пунктах.

В начале ноября полк пана Микулинского был отбит от укрепленных сёл Константиново и Заболотье. Паны Вребский и Вилямовский потерпели поражение в бою за село Низиново. Крупные силы Сапег дважда безрезультатно штурмовали лагерь воеводы Семена Головина в селе Ботово близ Троицы.

Тем временем Михаил Васильевич посылал новые отряды на Ростов и Кашин, Бежецкий Верх и Старицу, Ржев и Белую. Картина везде была одна и та же. Воины Скопина-Шуйского расстреливали нападавших из «острожков», затем конница добивала отступающих. Неприятель чувствовал себя всё более и более связанным. Он попал в паутину полевых крепостей, из которых ему всюду наносили удары.

«Скопин очень теснил наших построением укреплений, — признал гетман Станислав Жолкевский, — отрезал им привоз съестных припасов, в особенности тем, кто стоял с Сапегой под Троицей. Прикрываемый укреплениями, Скопин отражал их, избегая сражения, и стеснял их этими укреплениями. В поле наши были им страшны, за этими же укреплениями, с которыми наши не знали что делать, москвитяне были совершенно безопасны, делая беспрестанно из них вылазки, не давали нашим никуда выходить». Другой поляк с грустью писал, что полевые укрепления войск Скопина были *наступательным* средством — опорными пунктами наподобие тех, что принц Оранский блестяще применил в Нидерландах.

Оба поляка думали, что «успешный фортель» московского воеводы был заимствован у западных наемников. Действительно, затея с полевыми укреплениями у Скопина-Шуйского сильно напоминала военные хитрости Морица Оранского. Но она оказалась успешной потому, что опиралась на богатые русские традиции.

Засеки, рогатки, рвы и валы с острогами, укрепления из телег — гуляй-города — издавна использовались на Руси. Особые условия гражданской войны лишь выдвинули эти «хитрости» и «снасти» на первый план. Скопин-Шуйский слушал советы наёмников, но активно применял русский опыт. Например, рогатки — полевые заграждения из жердей с железными

остриями. Пехоты носила с собой лишь острия, вырубая для них жерди на месте. Рогатки сооружались подчас прямо в бою и заменяли пикинёров. Сокращая их число, князь увеличивал количество стрелков.

Современники событий поражались твёрдости, с которой князь сдерживал порывы своих воевод. Даже старые, многоопытные командиры спешили атаковать врага, призывали скорее идти к Троице и Москве. Многие хотели немедленно мстить за множасьщиеся преступления тушинцев, быстрее освободить города и монастыри.

У Михаила Васильевича в осаждённой Москве долго были мать, жена и оставался тесть, пожалованный царём в бояре. Князь продолжал укреплять армию и медленно, расчётливо наступать, не рискуя ни одним отрядом. Он предпринимал только такие действия, в которых его воинство могло победить.

Самое мелкое поражение воинов Скопина могло качнуть чашу весов в пользу противника. Вести были оружием. Слухи, всегда преувеличенные, имели такое же значение, как войска. В сознание всех участников войны, включая тушинцев и воевод польского короля, князь вперял мнение, что как полководец он совершенно непобедим.

Стоя в Александровой слободе до самой зимы, Михаил Васильевич продолжал обучение войск, формирование новых отрядов из пополнения, заказывал строевое оружие и неустанно требовал со всех городов и весей «наёмных денег для ратных людей». И свои, и в особенности иноземные ратники капризничали, просили прибавки жалования, грозили уйти, отказывались от опасных операций. Князь с удивительным терпением вознаграждал, обещал, уговаривал. Он получал подкрепления отовсюду, даже из осажденной Москвы. Его опыт по созданию армии перенимали в освобождённых городах.

В конце 1609 г. по снежному пути из Ярославля в Александрову слободу пришло 1500 воинов. Пешие были с мушкетами и пехотными пиками, конники — с длинными гусарскими копьями. С Поволжья в слободу добралось стройное войско боярина Шереметева. Армия, для создания которой Скопин-Шуйский вначале не имел ничего, кроме мечты, состояла теперь из 30 тыс. воинов.

Войско выглядело стройным и красивым. Но Михаил Васильевич не преувеличивал его боевые качества. Храбро сражались лишь отдельные отряды опытных воинов и надёжных командиров. На севере Корпила Чеглоков с отрядом ветеранов разбил в жестоком сражении 30 рот тушинцев, освободил Кашин и Бежецкий Верх. Но новый полк, посланный освободить Суздаль, вернулся ни с чем, потому что командовавшие им воеводы князя Лыков и Барятинский поссорились, решая, кто из них знатнее.

Наёмные солдаты умели, но не хотели сражаться. Князь Хованский с наёмным полком Горна взял Старицу и Ржев, но отступил от маленькой крепости Белая. Там тушинцы оборонялись крепко. Французы из полка Горна решили, что лучше перейти к ним, чем штурмовать крепость. Сам Михаил Васильевич, выступив на Дмитров, не рассчитывал взять его штурмом. Несмотря на немалые «штурмовые деньги», наемники отказывались приступать к стенам.

Нестойкость армии не мешала Скопину побеждать врага страхом. При известии о наступлении главных сил князя Сапега с позором бежал от Троице-Сергиева монастыря. Гетман пытался удержать свои войска, но его воины врассыпную «ужасно бежали, друг друга не ожидая и запасы свои бросая».

12 января 1610 г. праздновала свое освобождение обитель Сергия и Никона, святых дарователей русских побед. 16 ме-

сяцев её насельники героически сражались с бесчисленными врагами. И победили. Под звон колоколов боярин вступил в обитель Сергия Радонежского, предтечу всех общежительных монастырей Святой Руси. Отсюда исходило благословение воинам Дмитрия Донского на битву с Мамаем. Отсюда в Смуту был подаи пример сопротивления вораи и захватчикам. С трепетом отстоял Скопин Шуйский службу в Успенском соборе, которую вёл архимандрит Дионисий.

Сапега направился к Дмитрову, где сосредоточил все свои силы. К нему и в Тушино бежали все, кто перекрывал дороги на Москву. Это означало, что «Москва от осады очистилась, изо всех городов к Москве всякие люди поехали с хлебом и со всяким харчем».

С другой стороны столицы — в Тушине — оставались немногочисленные шляхтичи и не слишком довольные засильем панов русские дворяне. Лжедмитрий II тайно бежал оттуда в Калугу, за ним ушли казаки. Помочь Сапеге тушинцы уже не могли.

В начале февраля Дмитров был обложен летучими отрядами Скопина, использовавшими для быстрого передвижения лыжи. Тесня неприятеля острожками, уничтожая фуражиров и часто налетая на крепость «с огненным боем», ратники князя Михаила Васильевича прочно сковали инициативу Сапегы.

Сам князь стал с главными силами в деревне Шепиловка на дороге из Троицы к Дмитрову. Он энергично использовал все не занятые в блокаде Сапегы силы для походов на неприятеля. Лисовский с казаками был заперт в Суздале. Пан Млоцкий отбивался от налетов двухтысячной рати лыжников под Брянском. Разъезды пугали врагов в Тушино, где шли споры, «поддаваться» ли польскому королю.

Правда, Василий Шуйский в столице ослабел настолько, что крестьянин Сальков с ватагой «лихих людей» сумел пере-

хватить Коломенскую дорогу и одного за другим разбить двух царских воевод. Слабые тушинцы изменой взяли Красное село и сожгли часть московского Скородума — наспех сооруженных укреплений вокруг столицы. Вновь оголодавшие москвичи волновались.

Но замысел Михаила Васильевича был всрен. Дождавшись удобного момента, его воины ворвались в лагерь казаков Сапеги под Дмитровым и заставили гетмана дать бой, в котором неприятель понёс большие потери. Скопин-Шуйский тут же отвёл назад основные силы, оставив вокруг Дмитрова только блокаду. Он подталкивал Сапегу к решению уйти из города, который не хотел и не мог штурмовать. По размышлении Сапега понял, что проиграл.

27 февраля 1610 г. гетман вывел из строя тяжелую артиллерию, поджег Дмитров и повел остатки войск к королю Сигизмунду под Смоленск. Отряды Самозванца покинули и район Верхней Волги. В марте последние сторонники Лжедмитрия подожгли лагерь в Тушине со всеми его дворцами, православными, католическими и лютеранскими храмами. Жарко горел деревянный дворец, где Самозванец обитал с Мариной Мнишек, горели хоромы тушинских бояр и палата, в которой заседала Боярская дума. Пылали здания центральных ведомств-приказов, откуда дьяки и подьячие пытались управлять Русью.

Сгорели и палаты ростовского митрополита Филарета. Не по своей воле попав в Тушино, он пытался спасти души воинов Лжедмитрия, действуя как «нареченный патриарх». Теперь маски были сброшены. Филарета заковали в цепи, как пленника. Тверской архиепископ Феокист бежал, но был настигнут и убит.

Филарета воины гетмана Рожинского увезли под крепкой охраной в Иосифо-Волоколамский монастырь. Скопин-

Шуйский послал в погоню отряд Григория Валуева. Увидав отважных конников, Рожинский понял, что ему не усидеть за стенами монастыря. Ополчившись, поляки и литовцы двинулись на запад, к королю Сигизмунду, осаждавшему Смоленск. По дороге, в густых лесах, ратники Валуева напали на вражеский обоз. Охрана была перебита, Филарет освобождён и доставлен в Москву, где его с радостью принял патриарх Гермоген.

Зимой 1610 г. гражданская война напоминала костер, с которого сбито пламя, хотя угли ещё горячи. Оставались районы, не признающие власть московского царя; многие города и уезды подчинялись Василию Шуйскому только на словах. Массы людей готовы были сражаться за лучшую долю, за местную выборную власть, за казачью вольницу или под знамёнами Самозванца.

Вторжение на Русь короля Сигизмунда вызвало патриотический подъем против интервентов. Но царь Василий не был популярен даже в Москве. Раздавались голоса, что хорошо бы отдать престол польскому королевичу Владиславу, чтобы примирить сторонников Москвы и бывших тушинцев, а польского короля сделать союзником. Среди московской знати эта мысль соперничала с лозунгом защиты престола, на котором сидел никем не любимый Шуйский.

Скопин-Шуйский «очистил» от разноплеменных «воров» большую часть страны. Но московские власти не могли объединить силы России против общего врага. Армия Скопина была главным козырем Москвы в начавшейся войне с Речью Посполитой. Это понимали все. На князя надеялись, как на спасителя страны от разорения и иноземного ига. Враги разбежались при одном звуке его имени, при одной мысли о прехрабром воеводе. Князь ещё не вступил в Москву, а столица была уже освобождена. Противников вокруг неё больше не было.

ЖЕРТВА

12 марта 1610 г. полки князя Михаила Васильевича вступали в столицу, встречаемые духовенством, боярами и огромными толпами горожан. Поля вокруг Москвы ещё покрывал снег. На десятки вёрст вокруг не осталось жилья, только выюга вилась вокруг торчащих из сугробов печных труб. Москвичи пёстрой толпой вышли встречать войско в поле, за опалённый войной частокол внешнего кольца укреплений. Народ падал на колени, со слезами славил освободителей и благодарил за «очищение Московского государства».

Один за другим въезжали в Москву всадники конных полков в стальной броне, с длинными копьями, украшенными флажками. Шли стройные ряды солдат в блестящих касках, с мушкетами на плечах. Их сменяли отряды копейщиков, над головами которых колыхался лес пик. С удивлением народ глазел на пешие и конные отряды шведов, финнов, немцев, шотландцев и французов, снявших ради парада тулупы и красовавшихся в кафтанах и шляпах по моде своих стран.

Скопин-Шуйский ехал на коне под огромным знаменем Большого полка, лениво колыхавшемся на ветру. Его фигура двухметрового роста на крупном коне казалась ещё внушительней из-за высокой боярской шапки. Соболиная шуба, покрытая красно-золотой парчой, свисала с одного плеча до самой земли. Стоячий ворот тёмно-красного кафтана с пышными рукавами, сплошь расшитого золотом, жемчугом и драгоценными камнями, был расстёгнут. Из-под него был виден тонко вышитый воротник рубашки-косоворотки. Пухлое, румяное лицо князя излучало довольство. Только лоб 23-летнего богатыря был изборождён глубокими морщинами.

Рядом с могучим боярином, украшенным пристойным его сану животом, вокруг которого был обмотан шёлковый кушак, Делгарди в чёрном бархатном кафтане казался маленьким и худым. Золотые цепи, перскинутые через правое плечо, держали его тёмный плащ. Рыжие кудрявые волосы вились из-под широкополой шляпы. На узком бледном лице шевелились при разговоре лихо закрученные усы. Генерал, начинавший эпический поход в Россию как наёмник, бурно радовался победе и с восторгом смотрел на своего русского друга, с которым готов был идти в огонь и в воду, к новой славе.

Народ видел в восводе сказочного богатыря, спасшего всех от чудовищного зверя гражданской войны. Начитанные в Священной истории славили князя как нового Давида. И того в древности чтили больше, чем облеченного царской властью Саула. Москвичи в разговорах между собой даже обостряли библейский конфликт юного спасителя царства и старого злого царя. Насколько презираем был Василий Шуйский, настолько восторг и благодарность народа изливались на молодого полководца. «Все хвалили его мудрый и добрый разум, и благославления, и храбрость».

Перед воротами города бояре поднесли восводе хлеб-соль. Вступив в Москву, войско отрядами расходилось по улицам, где всех определяли на постой в дома москвичей. Освободили много домов для иностранцев. Жители столицы были к ним радушны. Пока воины размецались и угощались, Скопин-Шуйский с Делгарди, его офицерами и своими воеводами проехал сквозь толпы встречающих на Красную площадь. Князь всей душой рвался домой, к молодой жене и матери, но понимал, насколько церемония встречи победителей важна для народа и государства.

Перед воротами Кремля победителей встречали архиереи, а в Успенском соборе праздничную службу отслужил патриарх Гермоген. В Грановитой палате царь в присутствии архиереев и бояр целовал князя, обнимал его и со слезами благодарил за спасение трона. Контраст между юным богатырём, весь облик которого олицетворял силу добродетели, и порочным старым карликом с жиденькой бородкой был разителен. Делагарди присутствовал при этом. Шведского героя, вопреки обычаю, даже не заставили сдать шпагу при входе во дворец. Один за другим бояре величали освободителя земли, которую воцарение Василия Шуйского ввергло в хаос.

Казалось, над головой князя уже сияет царский венец. Иначе и не могло быть. Только в Скопине-Шуйском все видели объединителя страны и защитника от нашествия иноплемennых. Храбрый воин Прокопий Ляпунов писал Михаилу Васильевичу еще в Александрову слободу, поздравляя полководца и обличая Василия Шуйского, который «сел на Московское государство силой, а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек глупый и нечестивый, пьяница и блудник, неистов и царствования недостоин».

Так думали многие, но не сам Михаил Васильевич. Князь порвал грамоту вождя рязанского дворянства. Полководец был всей душой верен государю, которому целовал крест. Поначалу в гневе он велел схватить рязанских посланцев. Но природная доброта победила: князь этих славных воинов отпустил. Он не мог выдать на расправу Василию Шуйскому людей, заблуждавшихся на его счёт, но искренне желавших блага Отечеству.

После вступления в Москву, как только прошла неделя пиршеств, царь вызвал Скопина во дворец и сурово укорил за милосердие. Василия Шуйского не волновало, что и князь, и дворяне, которых он отпустил, были людьми чести. Царь по-

верил бы Михаилу Васильевичу, если бы тот предал посланцев Ляпунова на казнь. Доказать боярскому царю, что он «свой», князь мог, только запятнав себя кровью.

Напрасно Михаил Васильевич уверял коронованного родича, что вовсе не хочет занять его трон. Чем больше говорил искренних слов князь, тем меньше верил ему царь. Василий Шуйский когда-то горячо уверял в своей верности Бориса Годунова и Лжедмитрия. И обоих обманул. Ему в голову не могло прийти, что князь поступит иначе.

Вместе с царем Василием за возвышением Скопина-Шуйского ревниво следили бояре. В особенности его славы боялись родственники царя, члены рода Шуйских. «Видя, что он мудрый и многознающий, разумный, и сильный, храбрый и мужественный, сияющий в чести и славе, всеми почитаемый», они решили, что единственный выход — его убить. Народная молва разнесла по стране их тайную ненависть к полководцу и оставила потомкам память о злодействе, совершившемся в Москве 23 апреля 1610 г.

Нельзя верить, что князь не понимал опасности, которая ему грозит, если её видел весь народ и западные наёмники. Их командиров царь и бояре особенно ласкали, давали в их честь пиры, дарили лошадей, золотую и серебряную посуду, драгоценные ожерелья. Но Делгарди был обеспокоен. Он настойчиво советовал Скопину-Шуйскому как можно скорее вывести армию в поле и покинуть столицу. Михаил Васильевич эти опасения понимал, но считал главным — дать отдых армии. Пусть сойдёт снег и просохнет земля, говорил он, тогда мы с новыми силами двинемся в поход против польского короля.

Незачем было изнурять армию, если слух о её мощи и так помогал одерживать победы. Воины Скопина отдыхали,

а польский воевода Можайска уже сам приехал в Москву и сдал городские ключи. Среди противников твёрдо укоренилось убеждение, что Скопин-Шуйский всё равно победит. Мудрейшие из них признавали, что воевода одерживает верх не одной военной силой, но силой мысли. Её было довольно для спасения России, но недостало, чтобы спасти самого себя.

Скопин-Шуйский мог одним маповением руки взять власть. По сравнению с царём Василием князь имел больше прав на престол, ведь он был старшим представителем древнего рода. У молодого богатыря не было противников, кроме сластолюбивого старца на троне и кучки бездарных интриганов вокруг него. Ни один воин в Москве не заступился бы за царя, прикажи Михаил Васильевич ссадить того с трона и отвести в монастырь.

Препятствием для Скопина служила добродетель. Он воевал не за власть, а против убоицы в стране. Именно в том, чтобы отказаться от власти, имея в своём распоряжении воинство, состоял подвиг князя Бориса — первого святого в нашей стране. Канонизированный в начале XI в. вместе с братом Глебом, страстотерпец Борис предпочёл мученическую смерть, отказавшись, несмотря на просьбы воинов, отобрать престол у захватившего его брата Святополка.

Борис защитил страну от печенегов, славная дружина отца была с ним, но поднять руку на брата было выше его сил. Но ведь Борис не приносил присягу Святополку, а столь же чистый помыслами князь Михаил целовал крест на верность Василию Шуйскому. Современники, все, как один, сочувствовавшие Скопину-Шуйскому, понимали это различие. В их глазах прообразом князя был молодой и прекрасный воин и певец Давид, верно служивший злему царю Саулу. Именно за победы над врагами, именно за спасение от них царства возненавидел Давида бесноватый Саул!

Известное по Первой книге Царств покушение Саула на жизнь Давида было детской игрой по сравнению с коварством бояр, не желавших делиться властью над разоренной и попираемой неприятелями страной. Царь Василий и его родичи «многой лестью» ласкали Михаила Васильевича. Но князь проводил время дома, с женой и матерью. Он не терпел крепких напитков, не любил пировать. К тому же помнил, что Саул предательски бросил в Давида копьё именно на пиру.

Царские родичи придумали, как заманить князя на пир. Скопина просили стать крестным отцом новорожденного Алексея, сына князя Ивана Михайловича Воротынского. Мать и жена призывали Михаила Васильевича не ходить на пир. Друзья торопили выступить из Москвы. Но полководец не мог отказаться от участия в крестинах.

Народные сказания и песни описали убийство человека, на которого возлагала надежды Россия. Все знали, что ненависть бояр к воеводе была следствием его заслуг. Народ описал это в виде традиционных хвастливых речей на пиру. Одни бояре превозносили своё богатство, другие — силу. Воевода же сказал:

А вы глупый народ, неразумные,
А вы всё похваляйтесь безделицей!
Я Скопин Михайло Васильевич,
Могу, князь, похвалить себя,
Что очистил царство Московское,
Великое государство Российское.
За это мне славу поют до веку
От старого до малого!

В жизни князь не любил хвастаться. В песне его речь была нужна, чтобы показать, что именно в нём боярам «за беду стало», почему они не смея «поддёрнули зелья лютого, подсыпали в стакан в мёды сладкие». Но подсыпать яду в чашу

с хмельным мёдом было мало. Злодеям надо было заставить князя его выпить.

Князь, говорят в один голос сказания и песни, понимал, что его могут отравить. Он брал еду только с общего блюда и на пиру почти не пил. Боярин вообще не любил алкоголь:

А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкий мёд, —

пели о Скопине в народе. За столом с боярами князь был особенно осторожен. Даже пиво и мёд он пил только налитый из общего сосуда. Злодеям нужен был человек, из рук которого Михаил Васильевич согласится принять приватный кубок.

Им стала кума Скопина, крестная мать княжича Воротынского, в честь которого шёл пир. Народные песни описывают её роль особенно ярко. Боярыня Екатерина Григорьевна была дочерью главного опричника, кровавого палача Малюты Скуратова. Имя Малюта и убийца стали в глазах народа синонимами, матери пугали им детей. Детство её прошло у трона Ивана Грозного во время опричной резни. Юность боярыня провела возле Бориса Годунова, замужем за которым была ее сестра Мария. При полном интриг дворе Василия Шуйского она чувствовала себя как рыба в воде. Муж её Дмитрий Шуйский был бездарным политиком и полководцем. Но он был родным братом старого царя, у которого не было детей.

Боярыня думала, что один шаг отделяет её от трона. Ещё немного — и она станет царицей. Но умри царь Василий сейчас, — войско и народ потребуют на царство Скопина-Шуйского! Боярыня считала, что князь и сам мечтает захватить престол. А убийство было при её воспитании обычным делом. Замыслила она преступление страшное: «Дьяволу потеха бесится, сатане

невеста готовится», — пел народ о её пропащей душе. Но Шуйская о душе не думала. Она замышляла, как бы исхитриться и заставить Михаила Васильевича выпить отраву.

Народ в песнях описал тот смертный пир по-разному. Одни люди, собираясь долгими зимними вечерами у огня, пели, что злые бояре «поддёрнули зелья лютого, подсыпали в стакан в мёды сладкие». И дали тот стакан крестовой куме Екатерине Шуйской. Другие сказители сказывали, что сама кума:

Наливала чару зелена вина,
Подсыпала в чару зелья лютого,
Подносила чару куму крестовому.
А князь от вина отказывался;
Он сам не пил, а куму почтил.
Думал князь — она выпила,
А она в рукав вылила.

В старину женщины на пиру за столом не сидели. Хозяин приглашал хозяйку и своих дочерей в палату к дорогим гостям, чтобы те почтили самого дорогого гостя, выпили с ним и поцеловались. Пить женщина не должна была в открытую. Кума, по обычаю, прикрывала лицо широким рукавом парадной одежды, ферязи или опашня. В этот-то рукав боярыня и вылила отравленное вино, когда Михаил Васильевич, не выпив, вернул чару ей.

Но совсем отказаться выпить из рук кумы князь не мог. В песнях народ рассказывал, почему.

Дьявольским омрачением злодейница та, кума подкрестная,
Подносила чару пития куму подкрестному
И била челом — здоровала с крестником Алексеем Ивановичем.

Не мог Михаил Васильевич отказаться выпить за здравие крестного. Он отказался от вина — дескать, не пью, — так кума тут же палила ему отравленного мёда:

Брала она стакан мёду сладкого,
Подсыпала в стакан зелья лютого,
Подносила куму крестовому.
От мёду князь не отказывается,
Выпивает стакан мёду сладкого.
Как его тут резвы ноженьки подломились,
Его белые рученьки опустились.
А уж как брали его тут слуги верные,
Подхватили под белы рученьки,
Увозили князя к себе домой.

Покинуть пир до его окончания было большим нарушением
обычая. Во всех песнях и сказаниях говорится, что «не допи-
ровал Михаил Васильевич пира почестного и поехал к своей
матушке княгине Елене Петровне». Мама очень удивилась
этому, кинулась сына расспрашивать, не обидели ли его. Князь с
трудом стоял на ногах, лицо его горело, очи помутились. «Дитя
ты моё, чадо милое! — воскликнула его матушка, — Сколько ты
по пирам не езжал, а таков ещё пьян не бывал!»

Ой ты гой еси, матушка моя родимая! —

отвечал Михаил Васильевич. —

Сколько я по пирам не езжал,
А таков ещё пьян не бывал.
Съела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скуратова!

Боярин упал на своё ложе. Внутренности его люто терза-
лись, сердце заходило. Он стал метаться в тоске, биться и
стонать. Закричал, призывая отца духовного. Видя, что князь
отравлен, зарыдали его жена и мать, за ними весь двор пере-
полнился слезами и горестными криками. Делагарди поспешил

к другу и привёл к нему всех армейских докторов. Их усилия были напрасны: «Со двора доктора немецкие от князя шли, плача, как о государе своём». Михаил Васильевич исповедовался, принял причастие и умер к всенощной 23 апреля 1610 г., когда в храмах читали из жития Василия Великого и поминали двух святых воинов: Георгия Победоносца и воеводу Савву Стратилата. Народ плакал, видя в том знак: «потому что и сей был воин, и воевода, и стратилат».

При восходе солнца, когда весть разнеслась по Москве, плакало уже всё Московское государство. «Отшел от сего света, преставился князь Михаил Васильевич!» — объявляли в каждом храме. Войска, народ, даже матери с младенцами на руках стекались со слезами к боярскому двору. Толпа расступалась, пропуская на двор воевод, дворян и детей боярских, сотников и атаманов. Каждый со стенаниями припадал к одру почившего князя.

«О, господин и государь наш! — причитали храбрые воины и воеводы. — Отошёл от света сего, возлюбил ты небесному Царю воинствовать, а нас на кого оставил? И кто у нас грозно, предивно и храбро полки построит? И кому нас оставил служить, и у кого нам жалованья просить, и за кем нам радостно и весело на врагов схать в сражении?

Ты не только, государь наш, подвигом своим врагов устрашал, — говорили дворяне и воеводы, — но и мыслью помыслишь на польских и литовских людей — и они от мысли твоей дальше бегут и страхом объемлются.

А ныне мы, — причитали воины, — как скоты бессловесные, овцы, не имеющие крепкого пастыря. У тебя, государя, в полках войска нашего и без казни страшно и грозно, а все радостны и веселы. И как ты, государь наш, в полках у нас поедешь, и мы, как на небесное солнце, на тебя насмотреться не можем!»

Воины горько плакали над тем, что потеряли. А ко двору Скопина-Шуйского всё шли и шли сановники, шли нищие и убогие вдовы, слепые и хромые, все со слезами и горьким воплем. Проститься с телом пришёл царь Василий с братьями, с ним патриарх Гермоген и весь Освященный собор.

Московские сановники не хотели пускать к телу Якова Понтусовича Делагарди, дескать, он не православный. Генерал страшно на них закричал: «Как меня не пустите своими очами видеть государя, кормильца моего?! Что это такое дестся!» Его пустили проститься. Со двора Делагарди вышел, захлёбываясь от слёз. «Московские люди, — кричал он, — не только на вашей Руси, но и в моей Немецкой земле никакой король не будет таким государем мне!»

По всей Москве искали, сняв с тела мерку, дубовую колоду, чтобы сделать князю, по обычаю, цельный гроб. Нигде не нашли колоды столь огромного размера. Думали сделать гроб каменный, но не нашли и камня столь великого. Тогда мастера собрали гроб из нескольких колод. В нём и понесли тело в Чудов монастырь в Кремле, чтобы оставить там до времени, когда можно будет отвезти прах князя в семейный склеп в Суздале.

С трудом воины несли по улицам огромный гроб. Всё войско пело надгробные песни. Огромная толпа вдов, сестёр и дочерей воинов, погибших в боях, окружала мать и жену Скопина-Шуйского. Их вели под руки — они то и дело теряли сознание от горя.

Когда пронеслась весть, куда несут гроб, народ заволновался. Сначала несколько человек, а потом все едиными устами закричали: «Подобает такого мужа, воина, воеводу и победителя в соборной церкви у Архангела Михаила положить. И гробницу его причесть к гробам царей и великих князей!»

«Достойно и праведно так сотворить», — отвечал народу царь Василий. Гробница князя была устроена в Архангельском соборе — усыпальнице московских великих князей и царей. Отпевал воеводу в Успенском соборе патриарх Гермоген. Святейший не знал, что и ему доведётся погибнуть по воле злых бояр. Он скорбел, предвидя новое море бед, в которые со смертью Скопина погрузится Россия.

Царь Василий притворно плакал, но никто не верил ему. Шведы, немцы и французы прямо называли его отравителем, говоря, что это он дал приказ убить Скопина. Народ винил в смерти князя царских родственников. Убийцами называли Дмитрия Шуйского и его жену Екатерину. Сразу после похорон народ бросился громить их двор. Василию Шуйскому пришлось послать войска, чтобы спасти жизнь и имущество своего брата.

ВОЗДАНИЕ

«И сколько я тебе, чадо, — сетовала матушка князя, — в Александровой слободе приказывала не ездить в град Москву, говорила, что лихи в Москве звери лютые, а пышут ядом змеиным!» Сетовать было поздно. Яд поразил Россию в самое сердце.

Боярыня Елена Петровна не смогла жить в миру после смерти сына. Она приняла постриг в Покровском девичьем монастыре под именем Анисы. Вдова князя Александра Васильевна постриглась там под именем Анастасия.

Все в России единодушно верили, что чаша греха переполнилась и на Москву, убившую своего освободителя, обрушился праведный гнев Божий. Преступная столица должна была

пасть, погребая под собой виновных и невинных. Армия без полководца-соперника досталась Дмитрию Шуйскому, который повел ее к гибели. Известный трусостью, он действовал теперь как безумец, разрушая всё, что приносило успех «новому Давиду»: разделил силы, отказался от укреплений, оскорбил наемников задержкой жалования, двинул на ударное направление не стойкую пехоту, а дворянскую конницу.

24 июня 1610 г. в сражении под Клушином 40-тыс. русская армия и 8-тыс. корпус наемников-профессионалов перестали существовать. Большинство воинов после разгрома перешло на сторону Речи Посполитой. Спасший часть сил Делгагарди отступил на север, где шведы начали войну с Россией. Цареву Займище, Можайск, Борисов, Боровск, Иосифо-Волоколамский монастырь, Погорелое Городище и Ржев перешли на сторону королевича Владислава, с именем которого поляки шли на Москву. Прокофий Ляпунов поднял восстание в Рязани. Коломна и Кашира поддались Лжедмитрию II — тот уже 16 июля со знаменитым воеводой Дмитрием Трубецким появился под Москвой. Бояре были готовы оставить Шуйских, войска отказывались сражаться за них.

Библия умалчивает, что случилось бы с народом израильским, если бы Саулу удалось извести Давида. Россия по традиции не могла не поставить на себе такой эксперимент. Новый Давид пал, так и не сумев одолеть чудовищного Голиафа Смуты. В этом проявился исконный радикализм русской истории — отечественного Давида прославили за то, что он *появился* на поле битвы.

Корона Шуйских, за которую столь упорно и кровопролитно сражался князь Михаил Васильевич, была обречена. Смута входила в новую фазу, другие герои поднимались на подвиги и гибель, чтобы власть в России была установлена «общим

согласием вся земли». Московские бояре, взявшись организовать «всенародное избрание» российского монарха, первым делом приняли присягу самим себе, вторым — передали престол польско-шведскому королевичу Владиславу, а третьим — полностью «положились на волю» его отца, крупного деятеля католической реакции короля Сигизмунда III Вазы.

Правители России явили миру, что не знают пределов бессовестности в продаже Отечества. Даже гетман Станислав Жолкевский, который вел с московскими боярами переговоры, ужаснулся и отказался участвовать в столь грязном деле. Ужаснулись «боярской наглой измене» и выдавшие виды россияне. Стало собираться Всенародное ополчение. Но это уже совсем другая история...

НЕПРЕКЛОННЫЙ ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН

Могучая фигура священномученика Ермогена — патриарха Гермогена (1606—1612) — поднялась в огне Смуты и наложила свой отпечаток на ход гражданской войны, переросшей во всенародную борьбу за освобождение и объединение России. Говоря об интеллектуальных жертвах Смуты и её герое, тоже принесённом в жертву полководце Скопине-Шуйском, мы не могли закончить свой рассказ, не упоминая постоянно об этом подлинном архипастыре.

По обыкновению, патриарх был избран царем и верно служил ему, но это был не смиренный исполнитель воли государя, а самостоятельный человек с сильным характером, с глубокими личными убеждениями и смелостью отстаивать их, невзирая на лица и обстоятельства. Гермоген был первым патриархом, чья личность (а не только дела) вызывала разногласия и горячие споры современников, унаследованные потомками. Даже в благопристойно приглаженной церковной истории, даже после прославления Гермогена в связи с юбилеем дома Романовых в 1913 г. его выдающаяся роль в истории Российского государства и Церкви оценивалась по-разному⁶².

⁶² См.: *Васенко И.Г.* Патриарх Гермоген. Б. м., 1906. С. 30—36; *Глаголев Д.М.* Святейший патриарх Ермоген. Посвящается Русскому духовенству // *Русский архив.* 1902. Кн. 3. С. 245—301; *Его же.* Род великого господина святейшего Ермогена // *Русский архив.* 1902. Кн. 2. С. 578; *Иванов Ф.* Церковь в эпоху «Смутного» времени на Руси. Екатеринбург, 1906. С. 193—203; *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патри-

ПАСТЫРЬ СМЯТЕННОГО СТАДА

Особые споры вызывают мотивы поведения патриарха-мученика, загадка которых пленяла умы его современников. Близко знавший Гермогена ученый князь Иван Андреевич Хворостинин рисует патриарха «книжному любомудрию искусным» духовным писателем и церковным кормчим⁶³. Но корабль его среди множества волн истончался и разъедался «многими пенами соблазна». «Видел добрый пастырь царя (Василия Шуйского. — А.Б.) малодушествующего, много пользовал от своего искусства», но не мог ни исправить Василия, ни помочь одолеть гражданскую бурю. Гермоген, принявший из-за Шуйского многие беды «от всех человек», то уязвлялся страхом «тревожнения людского шатания», то украшался бесстрашием, стараясь исправить людей проповедью и церковным наказанием.

Стойкая поддержка царя и конфликт с царем, сторонники, оказывающиеся врагами, наказанные патриархом люди, дей-

арха Московского и всея России. М., 1912; Макарий, митр. История русской церкви. Т. 10. Кн. 1. Патриаршество в России. СПб., 1881. С. 123—166; Мансвентов Н. Патриарх Гермоген // Духовная беседа. СПб., 1861. Т. 13, № 25, 27, 30, 33—35; Мятлев Н.В. Патриарх Гермоген и князья Шаховские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1905. Вып. 2. С. 7—9; Назаревский В. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский. М., 1912; Покровский И.М. Гермоген, митрополит Казанский и Астраханский (а затем патриарх Всероссийский). Казань, 1908; Рублевский П. Гермоген, патриарх всероссийский // Странник, 1864, т. 2, № 5—6; Успенский Д. Страдалицы за землю Русскую патриарх Гермоген и троицкий архимандрит Дионисий. М., 1911; Царевский А. Гермоген святейший патриарх всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему отечеству // Православный собеседник. 1907. № 3. С. 351—400; Чернышев С. Святейший всероссийский патриарх Гермоген в его самоотверженном служении бедствующему отечеству. Киев, 1912; и др.

⁶³ Хворостинин И.А. Слова дней, и царей, и святителей московских // Памятники древней письменности, относящиеся в Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909. С. 525—558.

ствовавшие как его истинные друзья, периоды страха и отваги, гнева и милосердия, мудрой проповеди и слез...

Поистине, Гермоген — первый из архиереев Русской православной церкви, чья личность рисуется источниками сложной и противоречивой. Конечно, желание понять героя во всех противоречиях его поведения и характера было признаком пробивавшего себе дорогу авторского исторического мышления Нового времени, но не случайно, что новые взгляды сконцентрированы на Гермогене.

Признаком прогресса исторической мысли было приведение в одном сочинении разных, порой отрицающих друг друга версий. И именно Гермоген рассмотрен в знаменитом «Хронографе русском» 1617 г. с двух точек зрения⁶⁴. Одно «писание» о Гермогене, по мнению составителя, «неправое», но его нельзя исключить из рассказа, поскольку такой взгляд «во многих распрострися», — подход, получивший развитие еще в XVII в., но нашими современниками принимаемый с величайшим трудом!

Итак, что же о Гермогене «нестя истина»? То, что он был «словесен муж и хитроречив, но не сладкогласен»; «до конца извыче» Святое писание и предание, церковные законы и уставы, но оставался «правом груб и к бывающим в запрещенных косен к разрешениям» (то есть неохотно снимал церковное наказание). Патриарх легко верил слухам, не вскоре распознавал людей злых и благих и частенько склонялся к лживым и лукавым (что соответствует мнению о нем Хворостинина). Эти «мужи змееобразные» разжигали в нем «огнь ненависти».

Гермоген «никогда отчелюбиво не совещался с царем»; после свержения Шуйского супостатами и мятежниками «он в

⁶⁴ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869; и др. изд.

народе пастырем непреодолимым показать себя хотел, но уже времени и часу ушедшу», непостоянное не могло стоять и цветы не зацвели бы среди лютой зимы. «Тогда, хотя ярился он на клятвопреступных мятежников и обличал христианоборство их, но ят (схвачен) был немилосердными руками, как птица в клетке голодом уморен, и так скончался».

Это неправда! — писал человек, придерживавшийся противоположных взглядов. Не вина Гермогена, что «не всем дается от Бога и мудрость, и глас» — и без красивого, «светлоорганно шумящего» голоса мудрые и хорошо сложенные речи патриарха были «сладки разуму слышащих». «А еже рек нравом груб — и то писавый о нем сам глуп!» Что и говорить, неотразимый, а главное, издавна укоренившийся в России аргумент.

Собственно, критик не опровергает, а объясняет «хульную и ложную» характеристику Гермогена сложными обстоятельствами времени. «В то время злое, если бы Господь не положил на светильнике церковном таковое светило, то многие бы во тьме еретичества люторского и латинского заблудили». Надо знать, пишет полемист, «в каковых бедах, в каковых слезах тогда вся земля Российская бысть! И если все овцы стада Христова в расхищении были, то пастырю самому где мир, где любовь, где союз показать к кому-нибудь? Всегда о всех плач, о всех рыдание!

И какую бы любовь, — спрашивает защитник Гермогена, — показывать к преступникам заповедей Божиих, поскольку на государя царя многие тогда злое строили, и лестью от правды отводили, и в непреподобные пути низводили?! Он же не с царем враждовал, а с неподобными советниками его». Так, злыми советами царь раньше времени распустил войско после взятия у мятежников Тулы, призвал иноверцев для защиты трона от «крамольников», вводя тем самым душу свою в грех.

«Святейший же патриарх о том всегда царя молил, что то все недобрые есть советования приближенных его. И когда все те дела злом обернулись — и тогда царь Василий возрыдал и восплакал. Он же, богомудрый пастырь, во всем любезно и кротко утешал его». Что касается суровости Гермогена, то крамольников из священного чина он смирял «по достоинству, а не напрасно».

В Смуту, пишет автор, «возбесились многие церковники: не только мирские люди чтецы и певцы, но и священники, и дьяконы, и иноки многие — кровь христианскую проливая и чин священства с себя свергнув, радовались всякому злодейству». Этих-то крамольников Гермоген старался наставить на путь истинный, «иных молениями, иных запрещениями; скверных же кровопролитников и не желающих на покаяние обратиться — тех проклятию предавая, а кающихся истинно — то тех любезно приема и многих от смерти избавляя ходатайством своим».

Нетерпимость Гермогена явно была притчей во языцех. По крайней мере, автор «Отповеди в защиту патриарха» постарался опровергнуть это мнение, хотя оно и не приводилось в «Хронографе»: «Терпению же его только удивляться следует, каков был к злодеям возблагодетель! Слыша неких неосвященных (светских людей), поутру лаявших его, на обед посылал звать их, а против лаяния их как глух был, ничего не отвечая».

Хотя Гермоген, признает автор, был «прекрут в словах и в воззрениях, но в делах и в милостях ко всем един прав благосердный имел и кормил всех в трапезе своей часто, и доброты, и злодеев своих». Милосердие его не знало границ: он поддерживал нищих и ратных людей, раздавал одежду и обувь ограбленным, золото и серебро — больным и раненым, «так что и сам в конечную нищету впал».

Как видим, Василий Шуйский возвел на патриарший престол человека с очень непростым характером. Гермоген был отнюдь не «слуга царю», резко отличаясь от большинства архиереев его времени. Не случайно именно он выступил против воли Лжедмитрия I, осудив его брак с католичкой Мариной Мнишек. Конечно, спорить с мягкосердечным «царем Дмитрием Ивановичем» было совсем не то, что с коварным и злопамятным царем Василием, но Шуйский имел достаточно оснований предполагать, что избираемый им в патриархи человек не испугается и его гнева.

ВОСТОЧНЫЙ ФОРПОСТ ПРАВОСЛАВИЯ

Характер и деяния Гермогена были к тому времени хорошо известны, хотя происхождение 76-летнего старца терялось во тьме времен⁶⁵. Поляки во времена Смуты были уверены, что в молодости патриарх был донским казаком и уже тогда за ним водились многие «дела». Позднейшие историки возводили род Гермогена к Шуйским или Голицыным, к самым низам дворянства или городскому духовенству. Эти хитроумные гипотезы прикрывают тот факт, что о жизни одного из виднейших деятелей русской истории примерно до 50-летнего его возраста мы не знаем ничего, кроме того, что в миру его звали Ермолаем (свое церковное имя он писал по-православному — «Ермоген»).

Предполагается, что Гермоген начал службу клириком казанского Спасо-Преображенского монастыря еще при его основателе Варсонофии. В 1579 г. он был приходским священ-

⁶⁵ См., напр.: *Платонов С.Ф.* О происхождении патриарха Гермогена (1883 г.) // *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории (1883—1902). СПб., 1903. С. 231—235.

ником казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе и участвовал в обретении одной из величайших православных святынь — Казанской иконы Божьей Матери. Может быть, именно он написал краткий вариант «Сказания о явлении иконы и чудесах ее», отправленный духовенством Ивану Грозному⁶⁶. Предполагают, что и сам он прискал в Москву, где в 1587 г., после смерти супруги, постригся в Чудовом монастыре.

Но ранняя иноческая жизнь Гермогена неразрывно связана с недавно завоеванной русскими Казанью. В 1588 г. он стал игуменом, а затем архимандритом тамошнего Спасо-Преображенского монастыря. 13 мая 1589 г. Гермоген был возведен в сан епископа и поставлен митрополитом Казанским и Астраханским — первым в новоучрежденной митрополии. Ему предстояла упорная борьба за обращение в христианство великого множества иноверцев — татар, мордвы, мари, чувашей, мусульман и язычников, «погрязших в идолопоклонстве», за просвещение Казанской земли «светом истинной веры».

Приняв бремя митрополичьего служения, Гермоген проявил невиданное доселе усердие, вполне отвечавшее сложности положения христианства на рубеже Европы и Азии. Долгое время лишь земли покоренной Москвой Вятской республики на Севере служили русским окном в Азию; со взятием в середине XVI в. Казанского и Астраханского царств за колоссальной по протяженности зыбкой пограничной чертой открылось взорам россиян целое море разноречных племен крупнейшего континента Земли.

⁶⁶ А.С. Материалы для истории русской церкви Гермогена, патриарха московского: Сказание о явлении и чудесах от иконы пресвятыя Богородицы Казанской, писано в 1594 г. (№ 982, 4°, скороп., 36 лл.) // Чтения в обществе любителей древней письменности. 1880. Кн. 6. Отд. 3. С. 1—44.

Искони признававшие за иноземцами и иноверцами человеческое достоинство, русские оказались перед угрозой растворения в этом море, куда, по вековой привычке, смело пускались отряд за отрядом «искать земли для селения». Католикам и протестантам, делившим между собой неосвоенные земли за морями, было не легче, но проще. Аборигенов, сколь бы культурными или примитивными те ни были, признавали почти что за зверей и беспощадно истребляли, бестрепетно нарушая любые договоры с «дикарями».

Русские, образовавшиеся в результате естественной культурной ассимиляции славянами бесчисленных племен северо-востока Великой Скифии (как называли огромную территорию от Одера до Урала и от Белого моря до Балкан), не были нравственно подготовлены ни к порабощению, ни к уничтожению чужих племен на открывшихся им землях. Национальный характер позволял им селиться среди иноверных инородцев и, заботясь лишь о мире, ожидать, когда культурные различия сами собой сотрутся (как правило, когда местное население переймет более развитые трудовые навыки, язык, обычаи и т. п.).

До Гермогена этот процесс шел неспешно столетиями. В его время Россия вступила в эпоху Великих географических открытий и процесс расселения русских ускорился лавинообразно. За выходом на азиатские рубежи последовало славное взятие Сибири, перед устремившимися на восход солнца первопроходцами лежали Дальний Восток и Америка.

Испокон веков Русская православная церковь была важным фактором русской культуры на новых территориях, не говоря о хозяйственном значении при освоении новых земель таких монастырей, как Соловецкий. Взятие Казанского царства стало для мыслящей части духовенства сигналом, что Церковь долж-

на предпринять особые усилия, чтобы стать поддержкой не медленному продвижению, а свойственному Новому времени взрывному броску русской колонизации.

Похоже, что Гермогена специально готовили к его роли. Его образование было значительно выше среднего для монахов и архиереев XVI в. Есть основания полагать, что учителем казанского священника был сам Герман Полев, архимандрит Свияжского монастыря, прибывший в нововзятую Казань с первым архиепископом Гурием и после него занявший архиерейскую кафедру. А преподобный Варсонофий, основатель и архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря (1571—1576), адресовал Гермогену «речь некаку прозрительну» (пророческую).

Эти покровители священника были мертвы, когда состоялось его быстрое, почти мгновенное (всего за два года!) возвышение из монахов в Казанского архиепископа — с незамедлительным превращением кафедры в митрополию. Очевидно, что Гермогена вела чья-то могучая рука, что именно его хотели и поставили на передовом рубеже православия. Митрополит вспоминал, с каким трепетом он, «непотребный», встал на место Варсонофия и взял «жезл его в руку мою». Еще более «страшно... и зазрительно от многих» было занятие еще не заслуженного ни именем, ни делом места святого архиепископа Гурия⁶⁷.

Однако, несмотря на недовольство многих, пророчество сбылось, Гермоген стал преемником Варсонофия, Гурия и более того — первым митрополитом, оправдав надежды преподобного. Не располагая архивом Казанской кафедры за это время, мы можем судить о его деяниях лишь по отдельным документам

⁶⁷ Любарский П. Сборник древностей Казанской епархии. Казань, 1868. С. 7—8.

и рукописям. Из них следует, что митрополит прежде всего предпринял действия оборонительные.

Слабейшей частью его паствы, вкрапленной отдельными островками в гущу иноверного служилого и податного населения, были новокрещенные. Рассыпанные по епархии и не имевшие особых привилегий, новые христиане часто не получали духовной поддержки, уклонялись к прежним обычаям и даже скорбели, что от старой веры отстали, а в православной не утвердились. В 1591 г. Гермоген созвал их всех в Казань и несколько дней поучал от Божественного Писания, внушая, как подобает жить христианам.

Свои соображения по проблеме оборонения христиан в целом митрополит изложил в послании царю Федору Иоанновичу и патриарху Иову. Главная опасность для новокрещенных, по его мнению, состояла в том, что они живут среди неверных и не имеют вблизи церквей, в то время как мечети строятся уже у самой Казани, чего с самого ее взятия не бывало! Не меньшие опасения вызывали православные переселенцы, масса которых оказалась в Казанской земле поневоле (ссыланные, пленные и т. п.).

Гермоген сильно сомневался, что многие русские, добровольно или в холопстве жившие среди местного населения (татар, чувашей, мордвы, мари), по своему обыкновению женившиеся на местных, свшие и пившие с ними, не перенимают и местную веру. Мало того, огромное количество переселенных Иваном Грозным из Прибалтики католиков и лютеран устроилось на новом месте столь основательно, что принимало на службу, добровольно и за долги, многих русских, «отпадавших от православия» в веру хозяев.

На основе послания Гермогена была принята первая государственная программа ограждения православия, исполнение

которой (что характерно!) было возложено на светские власти. 18 июля 1593 г. царь Федор Иоаннович (читай — Борис Годунов) «по совету» с патриархом послал казанским воеводам развернутый указ:

1) переписать всех новокрещеных с семьями и слугами, собрать их в Казань и выговорить, что они приняли православие добровольно и отступают в свою старую веру, несмотря на поучения митрополита, напрасно;

2) поселить новокрещеных в Казани особой слободой (свободным от тягла предместьем) между русских людей, с православной церковью, во главе с добрым дворянином младшего чина («сыном боярским»), кой должен отвечать за то, чтобы они держали истинную веру, ходили в церковь, носили кресты, имели иконы, принимали отцев духовных и слушали поучения Гермогена;

3) отступников от христианства смирять темницами и оковами, иных отсылать к митрополиту для церковного наказания;

4) мечети в Казани упразднить и впредь оных не допускать;

5) русских у татар и немцев отобрать и поселить торгующих в городах, а пашенных — в дворцовых (принадлежащих царю) селах среди русских же;

6) впредь иноверцам принимать христиан на жительство и в услужение воспретить⁶⁸.

Насколько успешно выполнялась программа — неизвестно. По крайней мере, последний пункт нарушался в XVII в. и самим правительством достаточно часто. Во всяком случае, во

⁶⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). СПб., 1836. Т. 1. № 358.

времена Гермогена до массового и тем более принудительного обращения в православие было еще далеко.

Особый интерес вызывает уникальная лояльность христианских властей к восточным религиям (прежде всего мусульманской). За исключением запрещения строить мечети в Казани (где муллы были вдохновителями борьбы с Россией) и захвата отдельных языческих капищ в ходе боевых действий в Сибири (где они служили для сбора местных ополчений), никаких утеснений или ограничений на иноверное богослужение не накладывалось, иноверцы жили своей жизнью.

Однако если мечети, буддийские храмы и языческие капища, как правило, не привлекали к себе никакого внимания московских властей, то костелы и кирхи братьев-христиан на Руси были напрочь запрещены. На Восток отправлялись священники, церковные книги и утварь, колокола и иные средства помощи первопроходцам в строительстве ими православных храмов. На Запад шли войска с приказами неукоснительно уничтожать «богомерзкие» христианские храмы.

Известный миролюбием царь Федор Иоаннович, отвоевавший у Швеции часть, а потом и всю Карелию, неоднократно повелевал «очистить» территорию от лютеранских «капищ» и «идолов», «сокрушить» их начисто — в то время как усеивающие его восточные владения настоящие капища и идолы, кажется, не вызывали у царя никакого беспокойства. В стремлении к пролитию христианской крови православные русские не отличались от представителей иных христианских конфессий, уступая католикам и протестантам всех мастей разве что в масштабах и утонченности истребления и утеснения братьев во Христе.

Особенности движения России на линии Запад—Восток (с мечом в одну сторону и серпом в другую) определяют характер деятельности Гермогена в начальный (восточный)

и завершающий (времен борьбы с интервенцией) периоды его архиерейского служения (средний приходится на гражданскую войну). В Казани, после упомянутого послания, он действовал исключительно позитивно, укрепляя нравы и дух паствы и как бы не замечая наличия вокруг целого моря иноверцев.

Митрополит был озабочен обычными нарушениями чинности церковной службы, когда священники и дьяконы для скорости читали и пели разные тексты одновременно, тогда как миряне дремали, озирались по сторонам или разговаривали. В «Послании наказательном всем людям» Гермоген довольно мягко заметил, что обо всем «всдаст» и «зрит» нарушителей⁶⁹.

Среди пограничных жителей и первопроходцев, особенно казаков, подобных нарушениям было гораздо больше. Только в официальной истории дело представляется так, будто поселенцы всегда заботились о душе раньше, чем о нуждах бренного тела, не забывали взять с собой священника и начинали осваивать земли, перекрестясь, со строительства храма. В действительности же нередко буйные ватаги больше полагались на самопал, чем на святой крест, а мирные земледельцы уходили в леса и степи Поволжья, в Приуралье и за Урал, отягощенные главным образом орудиями и оружием, скотом и семенами; не случайно даже вслед воеводам царь специально посылал все необходимое для церковной службы.

Православие могло сыграть тем большую роль в успехе русской колонизации, чем больше его можно было унести в душе, не отягощая натруженную спину первопроходца. А когда Бог был высоко, а царь далеко, кто мог поддержать россиянина

⁶⁹ *Преображенский А.В.* Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 56—57 (отрывки). Полностью см.: Государственный Исторический музей. Отдел рукописей (ГИМ). Синодальное собр. № 811/815. Л. 267—283.

среди «тмы идолопоклонников»? Конечно, святые, в Русской земле просиявшие, свои, понятные заступники, незримо отправлявшиеся с дружинами за тридевять земель.

ОСВЯЩЕНИЕ ПОДВИГОМ

Освоение земли не представлялось полным и реальным без ее освящения подвигом новых чудотворцев, святых, у которых православные поселенцы могли бы искать душевной поддержки, на которых возлагали бы свои надежды; без них самая «под-райская земля» (как писали о казанских землях), даже завоеванная и освоенная, не была «Святорусской». Гермоген потрудился над освящением вверенной ему епархии больше, чем весь московский Освященный собор.

9 января 1592 г., не дожидаясь ответа на первое свое послание, он сообщил патриарху Иову список героев взятия Казани, которым Церковью не установлена была особая память. Даже в просьбе к патриарху чувствуется характерный для митрополита напористый стиль:

«Умилосердись, государь Иов, повели и учини указ свой государев мне, богомольцу своему — в который день повелит мне святительство твое по тех православных благочестивых воеводах и воинах, пострадавших за Христа под Казанью и в пределах Казанских в разные времена... по всем Божиим церквам во градах и селех Казанской митрополии пети по них панихиды и обедни служить, чтобы, государь, по твоему государеву благословению память сих летняя (ежегодная) по вся годы была безпереводно»⁷⁰.

⁷⁰ Грамоту Гермогена и ответ Иова см.: *Любарский П.* Сборник ... С. 66—75; см. также: *Преображенский А.В.* Творения ... С. 58—62.

Далее Гермоген выразил скорбь, что трем казанским мученикам не установлена вечная память и что они не внесены в синодик, читаемый в неделю православия. Из замученных магомстанами за отказ отпасть от православия один — Иоанн Новый — был нижегородцем, а двое — Стефан и Пестр — новообращенными татарами. Митрополит мудро учел национальный вопрос, а патриарх не замедлил ответить на настойчивое послание.

Павшие под Казанью и мученики за веру Христову были внесены в большой синодик, читаемый в неделю православия. Память воинам была установлена в субботу по Покрове Пресвятой Богородицы (в честь взятия Казани 2 октября), установить же день поминовения мучеников Иов доверил Гермогену. Торжественно объявляя о решении патриарха по епархии, митрополит велел повсеместно служить по ним литургии и панихиды и помянуть на литиях и обеднях ежегодно 24 января.

Одновременно с героями и мучениками Гермоген утверждал вечную память казанским просветителям. Кроткий архиепископ Герман Полев находился в Москве, когда многоученый митрополит Афанасий, не в силах соблюдать запрет Ивана Грозного на «печалование» об опальных, оставил престол (в 1566 г.). Поставленный на Московскую митрополию, Герман немедленно выступил с поучением царю, резко осудив опричнину, был лишен сана, а позже, через два дня после сведения с митрополией знаменитого печальника о Святорусской земле Филиппа Колычева, найден мертвым у себя на дворе (6 ноября 1568 г.).

Власти утверждали, что Герман умер от моровой язвы, но народ ясно видел в его гибели руку опричников. Тело соратника и продолжателя дела архиепископа Казанского Гурия лежало в простой могиле в Москве у церкви Святого Николы Мокрого,

когда в 1592 г. «у благочестивого государя царя Феодора Иоанновича всяя России испросили мощи его ученицы его». Просьба Гермогена, адресованная царю и патриарху, оказала решающее воздействие. Вскоре митрополит встретил мощи Германа близ Свяжска, видел и осязал их и совершил погребение своего учителя в Свяжском Успенском монастыре.

Перенос мощей Германа, гражданский подвиг коего был отражен в знаменитой «Истории» князя Андрея Курбского и Житии убиенного митрополита Филиппа, был ярким политическим актом. Житие Германа было уже составлено (до 1572 г.)⁷¹, но Гермоген считал долгом рассказать об архиепископе еще и в Житии Гурия и Варсонофия⁷². Желание Гермогена сбылось — святой Герман Полев чтится Русской православной церковью (память 6 июля по новому стилю).

Подобно Филиппу, митрополит Гермоген был энергичным строителем, украсившим Казанскую епархию множеством церквей и монастырей. Завершение строительства Казанского Девичьего монастыря и освящение в нем нового храма Богородицы архиерей отметил созданием пространной редакции «Сказания о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери» (1594). Помимо литературных достоинств, сочинение привлекает глубоко личным трепетным отношением к святыне. Живо и восторженно описал Гермоген совершившиеся от иконы до 1594 г. чудеса, лично им свидетельствованные⁷³.

Тогда же митрополит составил свою редакцию одного из наиболее поэтических памятников древнерусской литературы — «Повести о Петре и Февронии, муромских чудотворцах». Желая приблизить «Повесть...» к житийному жанру и современ-

⁷¹ ГИМ. Уваровское собр. № 792.

⁷² Любарский II. Сборник ... С. 16.

⁷³ Преображенский А.В. Творения ... С. 1—34.

ному ему читателю, Гермоген бережно отнесся к источникам, не искажая, но лишь проясняя их рассказ. В предисловии он исключил богословские рассуждения, заменив их констатацией греховности рода человеческого.

В 1595 г. при личном участии казанского митрополита были открыты многоцелебные мощи святого князя Романа Углицкого. Дальнейшему освящению Волги помог счастливый случай: копая рвы под фундамент нового храма в казанском Спасо-Преображенском монастыре, строители наткнулись на гробницы первого архиепископа Гурия и епископа Тверского Варсонофия, жившего в этой обители на покое, того самого, кто обратил некогда к Гермогену свое «прозрение».

Собрав духовенство, Гермоген лично вскрыл гробы и явил свету нетленные мощи обоих святителей. По ходатайству митрополита еще два деятеля казанского просвещения были причислены к лику российских святых. Память Гурия установлена (по новому стилю) 18 декабря, Варсонофия — 24 апреля, обретение их мощей — 17 октября (кроме того, 3 июня отмечается перенесение мощей св. Гурия в 1630 г.). «Житие и жизнь» обоих святых, написанное смким лаконичным слогом Гермогена в 1596—1597 гг., как и краткие жития казанских мучеников, включенные в его грамоту 1592 г., сохранили сведения из многих не дошедших до нас источников и рассказов старожилов, которые митрополиту «случилось слышать в повестях от достоверных людей».

Гермоген писал о настоятельной необходимости такой деятельности, столь не свойственной современным ему архиереям. То, что для других было случаем, для казанского митрополита — долг, освященный высшими авторитетами и самим Христом. Молчать о новых святых, так же как о героях и новомучениках, — преступление, подобное убийству.

Духовное обогащение Святорусской земли естественно связывалось в сознании Гермогена с необходимостью сохранения старых истин. Известно, например, что он способствовал восстановлению древней церковной службы апостолу Андрею Первозванному, по преданию крестившему Русь за много веков до Владимира Святого. Признание легенды о первокрестителе ставило Русскую землю в число первых принявших христианство и весьма льстило формирующемуся национальному самосознанию. Не случайно крест святого Андрея украсил впоследствии высший орден Российской империи и флаг русского военно-морского флота.

ВЫБОР ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

Энергичная деятельность первых лет архиерейского служения Гермогена резко оборвалась после 1598 г., когда он был вызван патриархом Иовом в Москву для участия в избрании на царство Бориса Годунова. Ни один источник, и тем более ни один автор благостных повествований о священномученике, не упоминает о гробовом молчании, в которое был погружен Гермоген все годы царствования Бориса. Считается, что казанский митрополит не испытал гонений, но может ли быть для деятельного архипастыря участь тяжелее?! «Яко мертвый забвен», — писал о себе в менее удручающей ситуации просвещенный архиепископ Лазарь Баранович. «Бумаги и чернил отнюдь не давати!» — гласили приговоры Артемию Троицкому и Сильвестру Медведеву, претерпевавшим тяжелейшие гонения как духовные писатели, сходно с Гермогеном понимавшие свой долг слова. Даже протопоп Аввакум мог писать в заточении!

Был ли Гермоген по роду Шуйским, которых преследовал Годунов, или его непреклонный нрав столкнулся с самовластным характером Бориса — неизвестно. Из забвения казанского митрополита извлек Лжедмитрий I, ожидавший по меньшей мере благодарности от новоиспеченного сенатора. Однако Гермоген попросту не мог одобрить совершение православного обряда царского венчания над католичкой Мариной Мнишек.

Подходивший к вопросу о принятии в православную церковь со всей основательностью, митрополит Казанский еще в 1598 г. составил сборник чинов крещения мусульман, католиков и иных иноверцев. Согласно «Сборнику Гермогена», хранящемуся в собрании императорского Общества истории и древностей российских Российской государственной библиотеки (№ 190), христиан иных конфессий и католиков в особенности следовало заново крестить, поскольку их «обливательное» крещение истинным таинством не являлось!

Маловероятно, впрочем, что отношение Русской православной церкви к католикам как к нехристям было неизвестно другим архиереям, покорно служившим Лжедмитрию I. Вопрос, почему только Гермоген и епископ Коломенский Иосиф настаивали на крещении Марины, решается в сфере убеждений и свойств характера, а не знаний. Большинство архиереев могло, меньшинство — не могло переступить через свою веру. Такой человек и нужен был Василию Шуйскому, вступившему на престол в условиях разгоравшейся гражданской войны: пусть крутой нравом, но безусловно честный, способный на открытый спор, но не тайную измену.

Занятно, что историки точно сговорились не замечать колебаний Василия Шуйского в выборе нового патриарха. Мало того, что новый царь был избран на престол «одной Москвой» 19 мая 1606 г., через два дня после клятвопреступ-

ного свержения Лжедмитрия I и массовых убийств. Шуйский нарушил новоустановленную традицию, по которой главную роль в царском избрании должен был играть патриарх. Игнатий был низложен, время шло, а патриарший престол оставался пустым — даже царское венчание Василия 1 июня совершал митрополит Новгородский Исидор! Такого не позволял себе даже Лжедмитрий, венчавшийся лишь после законного поставления патриарха.

Учитывая, сколь непрочным было положение Шуйского, «выбор» которого на царство вызвал возмущение по всей стране и ропот при дворе, оскорбленном наглым покушением на престол этого выскочки, промедление с поставлением патриарха должно иметь серьезные основания. И так при царском венчании Шуйскому пришлось клясться и божиться судить праведно (все знали его как криводушного судью), никому не мстить, за грехи одного не преследовать родичей и «не осудя с боярами» не выносить смертных приговоров.

Промедление Шуйского еще более загадочно, что с первых дней царствования ему пришлось развернуть мощную пропаганду своей власти как спасения России от злого самозванца и еретика Гришки Отрепьева. Грамота за грамотой летали по стране — не подкрепленные авторитетом патриарха. Вырытые из заброшенной могилы в Угличе мощи несчастного царевича Димитрия, которого сам же Шуйский несколько лет назад объявил самоубийцей, были торжественно доставлены в Москву и выставлены в Архангельском соборе как чудотворные, «невинно убиенный» Димитрий причислен к лику святых — всё без патриарха!

Происходящее было настолько необъяснимо, что автор «Нового летописца» описал возведение Гермогена на патриарший престол перед рассказом о перенесении мощей Димитрия,

которые Шуйский якобы встречал под Москвой уже вместе с патриархом. Но мощи были встречены 3 июня, через два дня после коронации Василия, грамота о явлении и чудесах от мощей стала рассылаться 6 июня, а Гермоген, согласно чину его поставления⁷⁴, стал патриархом только через месяц, 3 июля.

По общему мнению, задержка была вызвана тем, что Шуйский хотел видеть на патриаршем престоле исключительно Гермогена (и потому пошел на столь опасные для него нарушения?), а тому требовалось много времени, чтобы прибыть из Казани. Но, во-первых, нет убедительных сведений, что казанский митрополит находился именно в своей епархии, во-вторых, кому же тогда принадлежит речь при царском венчании Василия 1 июня, еще в 1848 г. изданная А. Галаховым как речь Гермогена?⁷⁵

Исследователи, не говоря уже об эпигопах, предпочли обойти вниманием эту речь. Признание произнесения ее Гермогеном означало бы, что ему не пришлось совершать долгий путь из Казани в столицу, но он по каким-то причинам уклонился и от участия в московском кровопролитии, и от открытия мощей то ли убитого, то ли самоубившегося сына Ивана Грозного, то ли безвестного мальчика, чья смерть прикрывала чудесное спасение истинного царевича.

То, что колебания Шуйского были по крайней мере отчасти связаны с позицией Гермогена, подтверждается тем фактом, что митрополит был избран на патриарший престол «не в очередь», мимо старейшего святителя митрополита Новгородского Исидора, игравшего главные роли и при венчании Василия, и при

⁷⁴ *Преображенский А.В.* Творения ... Приложение (подлинник в Древлехранилище РГАДА).

⁷⁵ *Галахов А.* Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. М., 1848. Т. I. С. 364—366, 370—375.

поставлении самого Гермогена. Но какова могла быть позиция казанского митрополита?

Можно догадываться, что не упускавший случая принять участие в канонизации святых Гермоген не случайно никоим образом не коснулся дела Дмитрия, фактически осужденного Освященным собором в 1591 г. с подачи самого Шуйского. Конечно, дело о бедном царевиче было состряпано грязно⁷⁶, но не Шуйскому было его пересматривать! Далее, кем бы он ни был, «царь Дмитрий Иванович» был законно венчан на престол, и Гермоген всего несколько недель назад спорил с ним, как с царем, — а теперь царь был убит. Четыре государя за один год, из них двое убитых, — это показалось бы слишком не только порядочному Гермогену!

Легко понять, что бесчестному Шуйскому нужен был для «утишения» государства незапятнанный и энергичный архипастырь, а положение Церкви было столь плачевно, что выбирать было почти что не из кого. Но почему царь Василий думал, что после его венчания Гермоген станет для него более приемлемым, почему оставил свои сомнения и решился на патриаршее поставление столь самостоятельной личности? Это очевидно.

Даже критичный Костомаров, утверждавший, что Гермоген был удобен Шуйскому постольку, поскольку «отличался в противоположность прежнему патриарху фанатическою ненавистью ко всему иноверному», признавал, что «для Гермогена существовало одно — святость религиозной формы».⁷⁷ Он мог

⁷⁶ Богданов А.П. Кто писал угличский обыск о смерти царевича Дмитрия? // Советские архивы. 1984. № 3. С. 28–33; *Его же*. Обыскное дело о смерти царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 года // История и палеография. М., 1993. С. 176–236.

⁷⁷ Костомаров П.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. I. С. 669, 694.

уклониться от участия в открытии мощей и прославлении сомнительного святого — по *канонизированного* Димитрия признал безоговорочно. Василий был более чем сомнительный кандидат на престол — однако *миропомазанный* царь был для Гермогена «воистину свят и праведен».

Только став царем, Шуйский мог быть абсолютно убежден, что какие бы разногласия ни разделяли их отныне с Гермогеном, тот буквально положит душу свою для защиты его престола. Что же касается «фанатической ненависти ко всему иномуверному», то это — обратная сторона образа Гермогена в ура-патриотической историографии, видевшей в Смуте одни происки иноземцев и не желавшей признавать тот факт, что иностранная интервенция была лишь следствием внутренней, гражданской войны.

МЕЖДУ ЦАРЁМ И НАРОДОМ

В первый период патриаршества Гермогену вообще было не до иноверцев. Едва он освоился в патриарших палатах близ Успенского собора, как пришлось посылать духовенство в районы, восставшие против власти Шуйского: «всенародство», поставившее на престол «царя Дмитрия Ивановича», не потерпело, чтобы его знамя было втоптанно в грязь стареньким подслеповатым узурпатором.

Крестьяне, закрепощенные при Иване Грозном, холопы, восстание которых было разгромлено Борисом Годуновым, казачество, по большей части состоявшее из людей, выпущенных бежать из Центральной России, обнищавшее дворянство и даже аристократы, не склонные быстро менять свои убеждения, — то есть огромные массы людей просто отказывались верить в смерть

«царя Дмитрия Ивановича». В самой Москве 15 июня случились народные волнения; их подавили, но на улицах продолжали появляться листовки с пророчеством возвращения Дмитрия и наказания изменников к Новому году, 1 сентября.

Нужен был только вождь — и волнения вылились в мощное народное восстание, подкрепленное бунтами в разных городах и всях. Духовенство было в смятении — многие, особенно приходские священники, благословляли единопутную с ними массу и даже шли в ополчение; многие колебались, видя целые города и уезды поднимающимися на борьбу, часто вместе с закоренными восводами; кто-то просто отсиживался.

Митрополита Крутицкого Пафнутия с духовенством, направленных Гермогеном для утишения Северских земель, не приняли в восставших городах. Посланные патриархом священники оказались бессильны даже в царском войске, отступавшем и разбежавшемся под ударами бывшего холопа Ивана Исаевича Болотникова, ставшего выдающимся полководцем народной армии. Местное духовенство не удержало, а может, и не думало удерживать Истому Пашкова, поднявшего дворянское ополчение в Туле, Веневе и Кашире, Григория Сумбулова и Прокофия Ляпунова, устремившихся на помощь Болотникову с рязанским дворянством.

Один-единственный из епархиальных архисрещев — архиепископ Феофист с помощью духовенства, приказных людей и собственных дворян сумел подвигнуть жителей Твери стоять за крестное целование царю Василию. Это ли не показатель состояния священства в начале патриаршества Гермогена? Стойкость Феофиста неоспорима, что же касается успеха его проповеди, то, отбивая от города небольшой отряд болотниковцев, тверичи, вполне вероятно, более заботились о своих домах и пожитках, нежели о верности пастырю.

Гермоген немедленно учел опыт Феоктиста при обороне Москвы, на которую уже надвигались армии повстанцев. Царь трепетал, знать готовилась бежать, войско было деморализовано, когда Гермоген 14 октября 1606 г. призвал москвичей в Успенский собор и напугал «видением», как разгневанный Бог предаст их поголовно «кровоядцам и немилостивым разбойникам».

Так уж повелось, что в Успенский собор собирались те, кому было что терять при разграблении столицы и кто мог сделать многое для ее обороны. Для закрепления впечатления от описанной им перспективы Гермоген объявил всенародный шестидневный пост с непрерывной молитвой о законном царе и прекращении «межусобной брани».

Познакомившись с листовками, засылавшимися восставшими в осажденную Москву, патриарх счел своим долгом доказать пастве, что речь идет не о восстановлении на троне «царя Димитрия», а о низвержении устоев. Сатанинское отродье Лжедмитрий, утверждал Гермоген, убит, а выступающие от его имени «отступили от Бога и от православной всры и повинились Сатане», неся стране «конечную беду, и срам, и погибель».

Чего хотят восставшие? Они призывают холопов убивать своих господ и отбирать их жен, поместья и вотчины, предлагают голытьбе убивать и грабить купцов, обещают победителям боярские, воеводские, дьяческие и иные чины. Речь идет об уничтожении господствующих сословий, захвате их имущества и власти между самыми низкими социальными элементами.

Столь ясная постановка вопроса в немалой степени прервала колебания верхов посада Москвы и иных городов, куда Гермоген рассылал свои грамоты, повелевая духовенству размножать их и читать прихожанам «не по один день». Цар-

ские войска, местные воеводы и служилые люди уяснили, что война идет не на шутку, что под удар поставлено то общество, в котором они занимали хорошее или плохое, но далеко не последнее место. Социальное размежевание затронуло и армию повстанцев; сначала рязанцы Ляпунова и Сумбулова со стрельцами, затем дворяне Истома Папкова предали Болотникова и перешли пусть к несправедливому, но предсказуемому феодалу Шуйскому. Хитроумный царь Василий хотел купить на знатный чин и самого предводителя крестьян, холопов, городской бедноты и казаков, но получил от Болотникова гордый ответ: «Я дал душу свою Димитрию и сдержу клятву, буду на Москве не изменником, а победителем!»

Гермоген понимал обоюдоострость своей пропаганды и после первых побед над восставшими 26–27 ноября отказался от пересказа повстанческих листовок. Теперь он обрушился прежде всего на Лжедмитрия, который за год царствования якобы сверг святителей, отлучил от паствы и монастырей архимандритов, игуменов и иноков, «священнический чин от церквей как волк разогнал». Это была откровенная ложь, как и то, что самозванец пролил реки крови и разорил боярство, приказных людей, дворян и купцов.

Ясно, что Гермоген перенес на Лжедмитрия, под знаменем которого выступали болотниковцы, прежние обвинения в адрес восставших, которые выступают теперь как клятвопреступники, нарушившие присягу законному царю Василию. Но кто же сами повстанцы? Просто разбойники и воры, беглые холопы и вероотступные казаки, опасные лишь своим «скопом». Они бесчестят иконы, оскверняют церкви, «бесстыдно блудом срамят» жен и дев, разоряют дома и убивают горожан.

Эти-то пакостники покушаются на Москву, призывая голытьбу, холопов и всяких злодеев «на убиение и грабеж»! Го-

рода, которые им покорились, были «того ж часу пограблены, и жены и девы осквернены, и всякое зло над ними совершилось». Там же, где «воров и хищников не утрашили», — все цело и сохранио. Призывая всех добрых людей стоять за «воистину свята и праведна истиннаго крестьянского» царя Василия, патриарх уповает и на верность присяге, и на растущую силу царской рати, и на изрядное число беглецов из стана повстанцев, и на победы московского оружия, дающие, как он не преминул указать, немалые «корысти» воинам.

Грамоты Гермогена сыграли свою роль: Москва устояла, силы уравнились, затем чаша весов качнулась в пользу Шуйского. 2 декабря в жестоком встречном сражении при Котлах Болотников был разбит войском И. И. Шуйского и М. В. Скопина-Шуйского, части его армии были окружены и уничтожены в Коломенском и Заборье, предводитель с остатками воинов отступил в Калугу. Нет сомнения, что патриарх настаивал на энергичном преследовании Болотникова и скорейшем завершении войны; Шуйский по обыкновению колебался и трусил.

Между патриархом и царем обнаруживаются и другие серьезные расхождения, прежде всего в отношении к иноземцам и иноверцам. Многочисленные царские грамоты обвиняли поляков и коварных иезуитов как организаторов воцарения Лжедмитрия I с целью уничтожения Российского государства и всего православия. Гермоген лишь бегло упоминает, что Лжедмитрий хотел разрушить церкви и монастыри, «разорить» «православную и Богом любимую нашу крестьянскую веру» и «римские костелы в наших церквах поделати». Но иноземцы здесь ни при чем!

«Литовских людей» (как называли в XVII в. подданных Речи Посполитой), по словам патриарха, Лжедмитрий прель-

стил «злым своим чернокнижием» точно так же, как и русских. Никаких злых замыслов из-за границы Гермоген не упоминает, что же касается многочисленных иноверцев внутри страны, то все они — «немцы, и литва, и татары, и черемисы, и погаи, и чуваша, и остяки, и многие неверные языцы и дальние государства» — все «утвердились твердо» служить царю Василию. Никого из них, даже самых распроклятых «латинян», среди болотниковцев не отмечено⁷⁸.

Гермоген прекрасно знал, что народы Поволжья волгуются не меньше, чем остальное население, что войском холопов, крестьян и мордвы, осадившим Нижний Новгород, предводительствуют два мордвина, Москов и Вокорлин. 22 декабря 1606 г. он с отличным знанием обстановки хвалил митрополита Казанского и Свияжского Ефрема за утишение восстания в самом Свияжске, однако вновь не упомянул даже малейшей вины иноверцев.

«Доблестный пастырь» Ефрем заслужил одобрение Гермогена, отважно отлучив от Церкви дворян и горожан, преступивших крестное целование Шуйскому и заставив их (правда, только после поражения Болотникова под Москвой) просить царя о прощении. Речь идет исключительно о православных, включая священников, которые «сами от милости Божией уклонились и верят прелести вражийей».

Отпуская всем грехи и снимая отлучение, Гермоген требует и дальше наставлять паству, «чтобы в пагубу не уклонялися», притом «смотреть и над попы накрепко, чтобы в них воровства (государственной измены. — А.Б.) не было». Особенно внимательно он предлагает наблюдать над попами Софийского, По-

⁷⁸ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 58. Ср. более раннюю грамоту № 57.

кровского и Ирнинского храмов: «только де они не переменят своих обычаев — и им в полах не быть!»⁷⁹.

Жители Свияжска были прощены по просьбе Гермогена, однако и в этой, как и в предыдущих, грамоте он подчеркивает милосердие царя Василия — еще один пункт глубоких расхождений с царем. Представьте себе переживания архипастыря, который восхваляет царскую милость и «не по их винам... жалование» бунтовщиков, пишет, что об убитых супостатах царь «душею скорбит и Бога молит об остальных, чтобы их Бог обратил к спасению», — и при этом знает и видит, как пленных болотниковцев раздевают и насмерть замораживают, каждую ночь сотнями выводят на Москву-реку (а также на Волхов в Новгороде и другие реки), глушат дубинами и спускают под лед... Трусливый в трудные времена, Шуйский был особенно кровожаден и вероломен при признаках успеха.

Между тем Гермоген, хваливший Ефрема за крутые меры, сам еще не отлучил болотниковцев от Церкви. С чего бы это? Ведь восставшие — дьявольское отродье и сатанинские ученики! Но за реальную их вину — нарушение крестного целования Шуйскому — Гермоген по справедливости не мог осудить, когда все население страны (включая царя Василия) нарушило присяги Борису Годунову, его сыну Федору и Лжедмитрию.

Для отлучения нужна была церковная вина, и здесь даже разграбление храмов Гермоген не мог инкриминировать болотниковцам, ибо описанные им в грамоте безобразия на Рязанщине совершали люди Ляпунова и Сумбулова, пыле благополучно служившие в царском «христоролюбивом воинстве». К тому же главный церковный грабитель сидел в Кремле. Богомольный старичок Шуйский крайне нуждался в деньгах — его воинство,

⁷⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 58. Ср. более раннюю грамоту. № 61.

в отличие от повстанцев, по большей части служило не за идеи, а за наличные.

Легко предположить, что не только и не столько на нищих и раненых растратил Гермоген всю патриаршую казну, если царь раз за разом брал огромные безвозвратные займы у монастырей, включая знаменитые Иосифо-Волоколамский и Троице-Сергиев (так что келарь последнего Авраамий Палицын писал «о последнем грабежу в монастыре от царя Василия»), и безжалостно переплавлял конфискованную у церквей и монастырей драгоценную утварь, которую вскоре «блуднически изжил» (по словам дьяка Ивана Тимофеева)⁸⁰.

Разумеется, патриарх раздавал казну добровольно; видимо, он не жалел и церковно-монастырского имущества для скорейшего прекращения кровопролития. Но оно все тянулось: Болотников укрепился в Калуге, многие города и уезды продолжали бунтовать, Шуйский вновь впал в нерешительность. Гермогену оставалось использовать церковные средства давления на восставших.

Со 2 февраля 1607 г. патриарх с Освященным собором тщательно готовился к невиданному мероприятию — разрешению русского народа от клятвопреступлений перед прежними государями: царем Борисом и его семьей (царевичем Федором, царицей Марией и царевной Ксенией), на верность которой присягали дважды (при воцарении Бориса и после его смерти), а также от нынешних клятвопреступлений и ложных клятв самозванцам.

Тонко продуманная затея позволяла убить двух зайцев: освободиться от прошлого (царевна Ксения была еще жива и томилась в монастыре, куда ее заключил Лжедмитрий) и по-

⁸⁰ Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1909. Т. 13. Изд. 2-е. Стлб. 964—965, 391—392, 1176; и др.

лучить возможность канонично отлучать от Церкви будущих нарушителей присяги Шуйскому. Главную роль в церемонии должен был сыграть низвергнутый патриарх Иов, которого Гермоген в письме, посланном с митрополитом Крутицким Пафнутием, коленопреклоненно молил «учинить подвиг» и прибыть в Москву «для его государева и земского великого дела».

20 февраля москвичи, собранные двумя «памятями» Гермогена к Успенскому собору, по заранее составленному, обсужденному архиереями и утвержденному царем сценарию стали от имени «всенародного множества» молить Иона «всего мира о прегрешении». Старый, а затем старый и новый патриархи простили старые и новые клятвопреступления, причем Иов не упустил случая выразить собственное отношение к роли иноверцев в событиях.

Если Гермоген винил Лжедмитрия, который «как в простой храм» ввел в соборную церковь «многих вер еретиков» и венчал там «певесту-лютеранку», то Иов, почти точно повторяя его грамоту, писал, что расстрига «розных вер злодейственным воинством своим, лютеранами, и жидами, и прочими оскверненными языки, многие христианские церкви осквернил!» Дело не в евреях, которые были уж точно ни при чем (но упоминание которых служит лакмусовой бумажкой в национальном вопросе): главное, что Лжедмитрий изображен, как писали прежде и как утверждал Шуйский, ставленником иноверного воинства.

В позиции Иова были и другие отличия: например, он считал, что с воцарением Шуйского «все мы, православные христиане, аки от сна возставше, от буйства уцеломудрились», тогда как Гермоген только призывал народ «воспрянуть аки от сна» и прекратить гражданскую войну, вновь покорившись царю Василию. Все это было позволено несчастному старцу,

напоследок даже произнесшему краткую речь лично (а не через архидьякона), призвав людей никогда больше не нарушать крестного целования⁸¹.

Дело было сделано — Гермоген получил возможность отлучить новых клятвопреступников. Но патриарх не торопился это делать, пока царские войска одерживали победы (на Вырке и у Серебряных Прудов) и была надежда обойтись без крайней душегубительной меры. Лишь когда восставшие сами перешли в пастушество и разгромили полки Шуйского под Тулой, Дедиловом и на Пчельне, сняли осаду Калуги и приняли в свои ряды многих перебежчиков из «христолюбивого воинства», патриарх решился предать проклятию Болотникова и главных его соумышленников, оставляя остальным повстанцам церковный путь спасения.

Гермоген считал отлучение мерой последней крайности, по положение и было отчаянным. Войска бежали в ужасе, говорили о 14 тысячах убитых, о гибели воевод, об измене 15 тысяч ратников, о том, что, если восставшие пойдут к Москве, столица сдастся без сопротивления. Шуйский дрожал, патриарх призвал всех подняться на врагов веры, велел монастырям открыть кладовые и высылать в армию всех людей, способных носить оружие, «даже чтобы самые инокки готовились сражаться за веру, когда потребует необходимость»⁸². Бояре взбунтовались и потребовали, чтобы царь Василий сам повел войско или уходил в монастырь, чтобы они могли выбрать государя, способного защитить их имущество и семьи.

Под давлением бояр и патриарха Шуйский избрал меньшее зло и согласился возглавить армию, собиравшуюся в поход под

⁸¹ Все документы и речи см.: ААЭ. Т. 2. № 67. Ср. № 57—58.

⁸² Об анафеме и призывах патриарха см.: Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. 12. С. 33. Прим. 126.

Тулу, где сосредоточились главные силы болотниковцев. По слухам, царь поклялся не возвращаться в Москву без победы или умереть на поле брани, но Гермоген не был уверен даже, что о выступлении Шуйского в поход следует объявлять, что тот не побежит от одних предвкусений опасности. Царь выступил 21 мая, патриарх разослал по стране грамоты о молитвах за успех государева и земского великого дела только в первых числах июня⁸³.

Даже во второй грамоте, повелевая молебствовать в честь победы царских войск на реке Восме, Гермоген рисовал ситуацию в мрачных красках. «Грех ради наших и всего православного христианства, — писал он, — от востающих на церкви Божий и на христианскую нашу истинную веру врагов и преступников межусобная брань не прекращается. Бояр, дворян, детей боярских и всяких служилых людей беспрестанно побивают и отцев, матерей, жен и детей их всяким злым поруганием бесчестят. И православных христиан кровь... как вода проливается. И смертное посечение православным христианам много содевается, и вотчины и поместья разоряются, и земля от воров чинится пуста»⁸⁴.

Вопреки ожиданиям, на сей раз дворянское войско билось стойко, Тула была осаждена и сдалась на условии помилования восставших. Шуйский, разумеется, нарушил слово: «царевич Петр» (казак Илья Муромец) был повешен в Москве, Болотников сослан в Каргополь и исподтишка убит. Самопожертвование вождей восстания, добровольно явившихся в царский стан, оказалось напрасным: в октябре 1607 г. реки вновь были переполнены трупами утопленных повстанцев.

⁸³ ААЭ. Т. 2. № 73.

⁸⁴ Там же. № 74.

Живший всю Смуту в Москве архиепископ Арсений Еласонский описывает всеобщее негодование подлой клятвоступностью царя⁸⁵.

ПРОТИВ ВТОРОГО ЛЖЕДМИТРИЯ

Незамедлительно сбылась старая истина, что клятвоступлением не совершить доброго дела. На место самозванного «царевича Петра» явился добрый десяток разнообразных «царевичей», восставшие города и крепости утвердились в решимости сражаться до конца, множество недовольных устремилось к Лжедмитрию II, который еще в июле того же 1607 г. провозгласил себя царем в Стародубе-Северском. Между тем Шуйский распустил армию и преспокойно вернулся в Москву, как будто гражданская война была окончена!

Гневу Гермогена не было предела. Легко представить себе, сколь патриарх был «прикрут в словесах», понося «советников лукавых», которые «царя уласкали в царствующий град в упокоение возвратиться, когда грады все Украинные в неумиримой брани шли на него» и «еще крови не унялось пролитие»⁸⁶. Однако Шуйский презрел негодование Гермогена и вместо скорейшего завершения войны удумал на старости лет жениться на молодой княжне Марье Петровне Буйносовой. «Новый летописец» мягко отмечает, что «патриарх его молил от сочетания браком»⁸⁷. Не услышанный и на этот раз, Гермоген надолго замолчал.

⁸⁵ См.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951. С. 469—478.

⁸⁶ РИБ. Т. 13. Стлб. 1314; *Васенко П.Г.* Новые данные для характеристики патриарха Гермогена // ЖМНП. 1901. № 7. С. 141, 144.

⁸⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 179.

Пока Шуйский тепился (насколько это было для него возможно) с молодой женой, война охватывала все новые и новые области России. Войска Лжедмитрия II, в которые влилось немало польско-литовской шляхты, увеличивая силы за счет всех недовольных, с боями пробивались к Москве и 1 июня 1608 г. утвердились близ самой столицы, в Тушине.

Скорбя за страну, Гермоген преодолел обиду и обратился к Шуйскому с трогательной речью, умоляя его, возложив надежду на Бога, призвав в помощь Богородицу и московских угодников, немедля самому повести армию на врага⁸⁸. Царь предпочел отсиживаться в Кремле, держа большую армию для защиты своей особы, пока храбрые восводы по всей стране бились с врагом без подкрепления, а орды разнообразных хитников терзали незащищенную Россию.

В довершение бедствий Шуйский решил обратиться за помощью к шведам, суля им Карелию, деньги, права на Ливонию и вечный союз против Польши. Тем самым с трудом заключенное перемирие с польским королем, злейшим врагом короля шведского, было расторгнуто. Шведы вошли в Россию с севера, выделив, правда, отряд в помощь Скопину-Шуйскому, отвоевывавшему у сторонников Лжедмитрия недавно занятые ими северные города; поляки готовили войска к вторжению с запада.

Разумеется, польский король Сигизмунд III и Речь Посполитая взяли назад ранее данное обещание отозвать всех поляков из лагеря Лжедмитрия II и не позволять Марине Мнишек называться московской государыней. Тушину переполнялось поляками и литовцами, смешивавшимися с русским дворянством и боярством, казаками и разнообразными «гулящими людьми».

⁸⁸ Преображенский А.В. Творения ... С. 82—83.

«Царица Марина Юрьевна» признала своего «мужа» в новом самозванце и готовилась родить ему сына. Московская знать, имевшая в тушинском лагере родню, ездила туда на пиры, пока верные царю воины сражались, а страна обливалась кровью.

Государство рушилось на глазах Гермогена, духовенство бесстыдно служило самозванцу, дворянство воевало за него, горожане снабжали деньгами, селяне — припасами. В довершение бедствий взбунтовались московские воины во главе с Григорием Сумбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным. На Масленице в субботу 17 февраля 1609 г. толпа ворвалась во дворец, требуя от бояр «перемениť царя Василия.

«Бояре им отказали и побежали из Кремля по своим дворам». Тогда дворяне нашли в соборе Гермогена и вывели на Лобное место, крича, что царь «убивает и топит братьев наших дворян, и детей боярских, и жен и детей их втайне, и таких побитых с две тысячи!»

— Как это могло бы от нас утаиться? — удивился патриарх. — Когда и кого именно погубили таким образом?

— И теперь повели многих наших братьев топить, потому мы и восстали! — кричали дворяне.

— Кого именно повели топить? — спросил Гермоген.

— Послали мы их ворочать — ужo сами их увидите!

— Князя Шуйского, — начали тем временем бунтовщики читать свою грамоту, — одной Москвой выбрали на царство, а иные города того не ведают. И князь Василий Шуйский нам на царстве не люб, из-за него кровь льется и земля не умирится. Надо нам выбрать на его место иного царя!

— Дотолe, — отвечал патриарх, — Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам. А государь царь

и великий князь Василий Иванович избран и поставлен Богом, и всем духовенством, московскими боярами и вами, дворянами, и всякими всех чинов всеми православными христианами. Да и из всех городов на его царском избрании и поставлении были в те поры люди многие. И крест ему государю целовала вся земля...

— А вы, — продолжал Гермоген, — забыв крестное целование, немногими людьми восстали на царя, хотите его без вины с царства свести. А мир того не хочет, да и не ведает, и мы с вами в тот совет не пристанем же! И то вы восстаете на Бога, и противитесь всему народу христианскому, и хотите веру христианскую обесчестить, и царству и людям хотите сделать трудность великую!.. И тот ваш совет — вражда на Бога и царству погибель...

— А что вы говорите, — распалялся патриарх, — что из-за государя кровь льется и земля не умирится — и то делается волей Божией. Своими живопосными устами рек Господь: «Восстанет язык на язык и царство на царство, и будут глады, и пагубы, и трусы», — все то в наше время исполнил Бог... Ныне язык нашествие, и междоусобные брани, и кровопролитие Божиею волей совершается, а не царя нашего хотением!

Словом, Гермоген стоял за царя, «как крепкий адамант» (алмаз), пока его не отпустили в свои палаты. Мятежники послали за боярами — никто не приехал, «пошли шумом на царя Василия» — но тот успел приготовиться к отпору, и трем сотням дворян, как старым, так и молодым, пришлось бежать. Они укрылись в Тушино⁸⁹.

Уязвленный в самое сердце, Гермоген послал им вслед грамоту, буквально написанную кровью. Обращаясь ко всем

⁸⁹ Цит. по второй грамоте Гермогена беглецам: ААЭ. Т. 2. № 169. Ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 87.

чинам Российского государства, ко всем «прежде бывшим господам и братьям», от духовенства и бояр до казаков и крестьян, патриарх сетует о гибели «бывших православных христиан всякого чина, и возраста, и сана».

В волнении Гермоген поминает даже «иноязычных» поляков, которым «поработились» ушедшие к самозванцу, отступив от боговенчанного самодержца, то есть от света — к тьме, от Бога — к Сатане, от правды — ко лжи, от Церкви — неведомо куда. Но это упоминание вырвалось в сердцах.

«Недостает мне слов, — описывает свои муки патриарх, — болит душа, болит сердце, вся внутренность терзается и все органы мои содрогаются! Плача говорю и с рыданием вопию: Помилуйте, помилуйте, братья и дети единокровные, свои души, и своих родителей ушедших и живых, отец своих и матерей, жен своих, детей, родных и друзей — восстаньте, и образумьтесь, и возвратитесь!

Видите ведь Отечество свое чуждыми расхищаемо и разоряемо, и святые иконы и церкви обруганы, и невинных кровь проливаемо, что вопиет к Богу, как (кровь) праведного Авеля, прося отмщения. Вспомните, на кого поднимаете оружие, не на Бога ли, сотворившего нас, не на жребий ли пречистой Богородицы и великих чудотворцев, не на своих ли единокровных братьев? Не свое ли Отечество разоряете, которому иноплемennых многие орды дивились — ныне же вами поругаемо и попираемо?!» Гермоген закликает отстать от этой затеи и спасти души, пока не поздно, обещает принять кающихся и всем Освященным собором просить за них царя Василия.

В расстройстве чувств, живописуя великое милосердие государя, который не тронул якобы участников мятежа и семьи бежавших в Тушину, Гермоген проговаривается, что «если малое наказание и было кому за такие вины — и то ничтожно».

Зато обещает оставить исправившимся поместья «чужие», пожалованные Лжедмитрием II⁹⁰!

Вторая грамота, написанная вскоре после первой, значительно более взвешенна и как бы исправляет излишнюю горячность. Иноземцы не упоминаются — речь идет исключительно о православных, восставших на царя, «которого избрал и возлюбил Господь», забыв написанное: «Существом телесным равен людям царь, властью же достойного его величества приличен Всевышнему».

«Думали они, — писал Гермоген, — что на царя восстали, а то забыли, что царь Божьим изволением, а не собой принял царство, и не вспомнили писание, что всякая власть от Бога дается, и то забыли, что им, государем, Бог врага своего, а нашего губителя и иноческого чина поругателя (то есть Лжедмитрия I. — А.Б.) истребил и веру нашу христианскую им, государем, вновь утвердил, и всех нас, православных христиан, от погибели к жизни привел. И если бы попустил им Бог сделать по их злому желанию — конечно бы вскоре в поправлении была христианская вера и православные христиане Московского царства были в разорении, как и прочие грады!»

Бог разрушил губительный замысел мятежников, утверждал Гермоген, но его не оставляло чувство, что мрачное пророчество еще осуществится. Потому так настойчиво пытается он повернуть события вспять, заставить людей, отпавших, по его мнению, от православия и гибнущих душами, возвратиться под власть царя и в лоно Церкви. Патриарх отнюдь не отлучает и не проклиняет — он зовет назад: «Мы же с любовью и радостью примем вас и не будем порицать, понеже без греха Бог един».

⁹⁰ Преображенский А.В. Творения ... С. 83—91.

На тех, кто оказался в тушинском лагере поневоле, как митрополит Ростовский и Ярославский Филарет (будущий патриарх), упреки Гермогена вообще не распространяются (хотя тот же Филарет выполнял при Лжедмитрии обязанности «нареченного» патриарха). Но и все виновные вольны получить полное прощение. К этому автор стремится всеми силами, переходя от церковных аргументов ко вполне земным.

Зная, какое значение придают служилые люди случаям «бесчестья» (попавшим в род в местнических спорах), Гермоген сообщает, что о бесславном мятеже он записал в патриаршем летописце: «Как бы вам не положить вечного порока и проклятья на себя и на детей ваших», вообще не лишиться дворянства и не оказаться со своими потомками в рабстве! Напоминая о воинской чести, патриарх пишет, что «отцы ваши не только к Московскому государству врагов не допускали — но сами в морские воды, в дальние расстояния и незнаемые страны как орлы острозрящие и быстролетающие будто на крыльях парили и все под руку покоряли московскому государю царю!»

Все было напрасно. Ушедшие не возвратились, Шуйский не менялся, страна катилась в пропасть и месяц за месяцем приближалась к тому дню, когда Москва будет разорена по вине самих московских властей. Гермоген, видя паству глухой к его словам, замолчал более чем на год.

Удивительно, что в столь тяжелое время деятельный архиепископ находил возможность для созидательного труда. Архивы времен Смуты сохранились очень плохо. Однако до нас дошла грамота Гермогена на строительство церкви Николы в селе Чернышове, начатое во время напряженных боев с болотниковцами⁹¹. Возможно, в это время, а не раньше, он пы-

⁹¹ Преображенский А.В. Творения. С. 77—78.

тался привести в порядок церковную службу и поведение прихожан в храме⁹². Продолжалось издание книг, причем патриарх построил для типографии «превеликий» дом и установил в нем новый печатный станок. Над редактированием изданий при нем трудились известные книжники О. М. Радишевский, И. А. Невежин, А. Н. Фованов. Гермогену было что защищать, и не его вина, что вскоре первопрестольная превратилась в пепелище.

СТЕПЕНИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Глубочайшие идеи христианской философии — «возлюби» и «не суди» — с величайшим трудом усваиваются человечеством, хотя их восприятие вовсе не требует признания какой-либо религиозной доктрины. Жизнь патриарха Гермогена очевидно демонстрирует бессмысленность исторического знания, не оживленного сочувствием, сопричастностью с духом предков. Он был честен? Да. Бескорыстен? Безусловно. Желал блага своей стране? Очевидно. Не жалел для этого живота своего? Отдал жизнь Отечеству. Будучи представителем высшей духовной власти, виновен ли в разорении Руси и ужасающих страданиях россиян?

Поставив этот вопрос, от которого почти все историки упорно старались уклониться, мы вплотную подходим к решению загадки патриарха Гермогена. Приняв земной образ Христа, подъяв право «вязать и разрешать», человек Гермоген взвалил на свои плечи ответственность за паству. Ведь и Христос, принеся в мир «не мир, но меч», обещавший спасение и

⁹² Преображенский А.В. Творения. С. 56—57.

справедливый суд над душами, искупил это право собственным страданием на кресте. Как бы ни был прав Гермоген в своих поступках, результат их — реки пролитой крови, разоренные города и сожженная Москва, ожесточение сердец и ненависть, пусть обрушившаяся в итоге на иноземцев и иноверцев, — все говорило в один голос: «Винювен!»

Объективистская историография, чрезвычайно полезная в установлении отдельных фактов, позволяет нам найти объяснение и оправдание позиции Гермогена в определенных ситуациях, хотя и не объясняет его жизненного пути в целом. Так, мы не можем сказать, что его истовая защита царя Василия не имела, помимо моральных, неких рациональных оснований. В условиях «войны всех против всех», гражданской распри, усилия правительства Шуйского имели некоторые шансы на утверждение гражданского мира — по крайней мере теоретически.

Даже столь одиозный шаг, как продажа части территорий Швеции, благодаря организаторскому и военному таланту Михаила Васильевича Скопина-Шуйского давал россиянам надежду на победу правительственных войск. Ждать от Гермогена одобрения договора о военной помощи от «схизматиков» было невозможно, но упорное, несмотря на все трудности и даже временные поражения, продвижение молодого полководца Скопина к Москве подкрепляло уверенность Гермогена в том, что его верность престолу ведет к преодолению гражданской распри.

Позже война Скопина-Шуйского была представлена как сражение с «иноплеменными». Гермоген, в отличие от потомков-историков, знал, что победы воеводы Михаила Васильевича одерживались над войсками, большей частью составленными из обыкновенных россиян, присягнувших на

верность Лжедмитрию II, а то и польскому королю Сигизмунду, осаждавшему Смоленск. А спешно создававшаяся наемная армия Скопина-Шуйского, хотя и включала псковцев, немцев и французов, также состояла в основном из русских, вооруженных и обученных по западному образцу.

В стихии гражданской войны тщательно нестесненное Скопиным-Шуйским войско становилось опорой порядка. Под Москвой, где полки Василия Шуйского без явного перевеса бились с «тушинцами», в осажденном Сапегой Троице-Сергиевом монастыре, в обложенном Сигизмундом Смоленске с надеждой ловили вести о медленном, осторожном, но уверенном движении с севера освободительной армии. Не рискуя, прикрывая свои полки полевыми укреплениями, используя каждую минуту для пополнения, обучения и вооружения войск, Скопин-Шуйский двигался к Москве.

К весне 1610 г. усилия талантливого полководца увенчались успехом: Сапега, бросив пушки, ушел к королю под Смоленск, Лжедмитрий II оставил Тушино. 12 марта победоносная армия вступила в столицу, народ на коленях благодарил воеводу «за очищение Московского государства». В апреле под стенами столицы состоялось учение новой армии, готовившейся к походу на поляков. Все, и в том числе патриарх, «хвалили мудрый и добрый разум, и благодеяния, и храбрость» Скопина-Шуйского.

Можно сетовать, что патриарх Гермоген в своей слепой преданности царю Василию не увидел в Скопине-Шуйском человека, вокруг которого могло объединиться измученное Смутой государство. Но ведь и сам Скопин-Шуйский порвал послание Прокофия Ляпунова против царя Василия, который «сел на Московское государство силою, а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек глуп, и нечестив,

пьяница, и блудник, и всячествованием неистов, и царствования недостойн».

Отказавшись претендовать на высшую власть в государстве, молодой полководец не спас от своих завистливых и бездарных родственников ни себя, ни армию. 23 апреля 1610 г. он упал на пиру, приняв чашу с медом из рук Екатерины Григорьевны, жены князя Дмитрия Ивановича Шуйского — признанного наследника бездетного царя Василия. Боярыня Екатерина, дочь Малюты Скуратова, по всеобщему мнению, подсыпала полководцу «зелья лютого».

Но час расплаты Москвы за преступления верхов уже приближался. 24 июня 1610 г. князь Дмитрий Шуйский, возглавивший после смерти Скопина армию, бездарно потерял с таким трудом собранные полки в сече с поляками при Клушине; значительная часть спасшихся при разгроме наемных воинов перешла на сторону Речи Посполитой. Шведы отступили на север и начали войну с Россией. Гетман Станислав Жолкевский совершил стремительный прорыв к Москве, принимая под свою руку крепости именем польского королевича Владислава (как давно договаривался о том со сторонниками Лжедмитрия в Тушино). Прокофий Ляпунов поднял восстание в Рязани, Коломна и Кашира поддались Лжедмитрию II, вновь подоспешному с воинством к Москве.

Пройдет еще немного времени, и патриарх, утомленный укоризнами «враждотворцев», будет оправдываться перед молодым князем Иваном Андреевичем Хворостининым, которого он при Шуйском заточил в монастырь. «Ты более всех потрудился в учении, — будет говорить Гермоген, — ты знаешь, что не я виновник пребывания в Москве “страшного сего и неединоверного воинства” поляков и немцев. Никогда я не призывал их, лишь просил россиян облечься в оружие Божие,

в пост и молитву, призывал разбойников отстать от разбоя, грабителя — отторгнуться от грабления, лихоимца — отрешиться от того, блудника — отвергнуть от себя скверну сию. Тогда все спасутся и исцелеют. Се оружие православия, се сопротивление в вере, се устав закона! А кого вы нарекли царем, если не будет единогласен вере нашей — не царь нам! Если же будет верен — да будет нам царь и владыка!»

Эти речи, однако, не меняли того факта, что в Москве стоял польский гарнизон, а православные, по благословению Гермогена, присягнули польскому королевичу Владиславу. Как это произошло, как случилась столь крутая переменa, чреватая еще одним витком страшной войны и многой кровью?! Благостные проповеди не оправдывают политического просчета архипастыря, пусть поддавшегося давлению, казалось бы, непреодолимых обстоятельств. Гермоген вел себя твердо, но не смог спасти ни дискредитированную власть Василия Шуйского, ни объединившую многих россиян идею всенародного избрания царя.

Гермоген стоял за царя Василия даже тогда, когда, казалось, все уже от него отступились. Воины, уже не первый год оборонявшие Москву, взбунтовались против царя во главе с Захарием Ляпуновым, князем Федором Мерином-Волконским и другими известными воеводами. 17 июля 1610 г. вооруженная толпа «мелких» дворян ворвалась во дворец и закричала царю: «Долго ли за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим!» Шуйский проявил твердость, но толпа ринулась на Красную площадь, а затем за Москву-реку, к Серпуховским воротам, ухватив с собой патриарха.

В ответ на вопли о необходимости «ссадить» царя Василия Гермоген укреплял народ в верности царю и заклинал не сво-

дить его с царства. Немногие стоявшие за царя бояре «тут же уклонились». Приговорили «бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он, государь, оставил царство для того, что кровь многая льется, а в народе говорят, что он, царь, несчастлив, и многие города его на царство не хотят!» Патриарх стойко стоял за Василия, но депутация москвичей уже отправилась к государю и свела его с престола на прежний боярский двор.

Тушинцы, обещавшие в случае низложения Василия отказать от Лжедмитрия и избрать единого государя «всей землей», заявили москвичам насмешливо: «Вы не помните государева крестного целования, потому что государя своего с царства ссадили, а мы за своего помереть рады». Это дало возможность Гермогену вновь потребовать, чтобы Шуйскому вернули престол, но речи патриарха не были услышаны. 19 июля Шуйский был насильно пострижен в монахи. Гермоген не признал законность этого действия, продолжал считать царем Василия, а монахом объявил князя Тюфякина, произносившего за государя обеты.

Однако царство Василия было кончено бесповоротно, и патриарху пришлось подумать о новой кандидатуре на русский престол. Наилучшим выходом было бы избрание государя «всею землею» — и Гермоген наконец поддержал эту мысль. Разосланная по Руси окружная грамота объявляла, что в условиях, когда король Сигизмунд осаждает Смоленск, гетман Жолкевский стоит под Москвой, а войска Лжедмитрия II — в Коломенском, все должны насмерть биться против поляков, литовцев и самозванца, «а на Московское государство выбрать нам государя всею землею, собрався со всеми города, кого нам государя Бог подаст»⁹³.

⁹³ СГГид. Т. 2. № 197; ААЭ. Т. 2. № 162.

И эту идею Гермоген тоже не смог отстоять. В разосланной по стране присяге временному боярскому правительству во главе с Ф. И. Мстиславским была клятва не служить Лжедмитрию и свергнутому Василию Шуйскому, но не упоминался еще один претендент на престол — королевич Владислав Сигизмундович⁹⁴. Очевидно, это было не случайно. Напрасно патриарх побуждал избрать на царство россиянина — либо князя Василия Голицына, либо юного Михаила Романова. Первый боярин Мстиславский отказывался выставить свою кандидатуру, но заявлял, что не хочет видеть на престоле никого из равных себе по знатности, явно подразумевая передачу трона Владиславу.

Это была еще не явная измена, как вся затея стала выглядеть впоследствии, а расчетливый политический ход, призванный одновременно объединить россиян вокруг независимой кандидатуры на престол и примирить охваченную гражданской распрей страну с Польско-Литовским государством. О том же давно подумывали и видные деятели тушинского лагеря, еще в феврале 1610 г. заключившие договор об избрании Владислава на русский престол с его отцом, королем Сигизмундом. Именно на условия, близкие к этому договору, один за другим сдавались гетману Жолкевскому русские воеводы, когда после победы при Клушине поляки устремились к Москве.

Конечно, король Сигизмунд выпанивал коварные замыслы, но даже среди его вельмож были сторонники честного соблюдения договора с русскими, и первым среди них выступал благородный Жолкевский. Также и россияне, склоняясь избрать Владислава или кого иного «всею землею», не прекращали меж-

⁹⁴ СГГИД. Т. 2. № 198.

доусобия. В московской грамоте, рассылавшейся по городам от имени Семибоярщины, требовали «вора, кто называется царевичем Димитрием, не хотеть» и «бывшему государю Василью Ивановичу отказать», — но тем временем войска Лжедмитрия II подошли к Москве и при поддержке многочисленных сторонников в городе намеревались взять столицу.

В отличие от ситуации после кончины царя Федора Иоанновича, властителями Москвы прямо назывались бояре, а не патриарх с Освященным собором и «царским синклитом». Но Гермоген не сидел сложа руки. В другой московской грамоте, также рассылавшейся по городам, главной опасностью называлась интервенция: «Видя меж православных крестьян междоусобие, польские и литовские люди пришли в землю государства Московского и многую крестьянскую кровь пролили, и церкви Божии и монастыри разорили, и образам Божиим поругаются, и хотят православную крестьянскую веру в латынство превратити. И ныне польский и литовский король стоит под Смоленском, а гетман Жолкевский... в Можайске, а иные литовские люди и русские воры пришли с вором под Москву и стали в Коломенском. А хотят литовские люди, по ссылке с гетманом Жолкевским, государством Московским завладеть и православную крестьянскую веру разорить, а свою латинскую веру учинить».

На то, что грамота вышла из круга, близкого Гермогену, указывает мягкое отношение к Василию Шуйскому, который сам якобы «по челобитью всех людей государство отставил, и съехал на свой старой двор, и ныне в чернецах». Однако, хотя в грамоте раз за разом подчеркивается необходимость «стояти с нами вместе заодно и быть в соединенье, чтобы наша православная крестьянская вера не разорилась и матери бы наши и жены и дети в латынской вере не были», грамота была написана не от

лица патриарха, а только от лица москвичей всех чинов⁹⁵! Если Гермоген не желал на царство ни Владислава, ни Лжедмитрия, почему он не утвердил своим авторитетом эту грамоту?

Если патриарх хотел, по своему обыкновению, удерживать паству от религиозной войны, то грамота о «выборе государя всею землею, сославшись со всеми городами», прекратив внутренние «бои и грабежи», а «против вора и литовских людей стоя всем заодно, чтоб государства Московского польские и литовские люди до конца не разорили» была единственно верным поступком. Даже учитывая пропитывающую грамоту москвичей ненависть к иноверцам, объединение россиян вокруг всенародно избранного царя могло предотвратить разорение Москвы и годы последующих жестокостей.

Но грамота датирована 20 июля, а уже 24-го войска Лжедмитрия начали сражение за Москву. В тот же день гетман Жолкевский, которого боярин Ф. И. Мстиславский сначала звал на помощь, а потом, под давлением Гермогена, предостерегал от движения к столице, стоял по другую сторону города, на Хорошевских лугах. Напрасно патриарх продолжал убеждать бояр избрать царя русского православного — уже русские полки Салтыкова из войска Жолкевского помогали отбивать самозванца от Москвы, а в Ставке гетмана вовсю шли переговоры о передаче престола Владиславу.

Таким образом, идея «выбора государя всею землею» не завоевала достаточно сторонников, чтобы хоть на время утишить распрю. Московские и тушинские бояре одновременно копошились в стане Жолкевского, силясь выторговать себе привилегии. Вскоре бояре «пришли к патриарху Гермогену и возвестили ему, что избрали на Московское государство коро-

⁹⁵ ААЭ. Т. 2. № 162.

левича Владислава». Они сделали это опять же самовольством, «не сославшись с городами», но патриарх выдвинул только одно требование: «Если (Владислав) крестится и будет в православной христианской вере — и я вас благословляю. Если же не крестится — то нарушение будет всему Московскому государству и православной христианской вере, да не будет на вас наше благословение!»

Приводящий эти слова автор «Нового летописца» подчеркивает, что, только получив это условное одобрение Гермогена, бояре начали «съезжаться» с Жолкевским и «говорити о королевиче Владиславе». Принципиальное согласие поляков отпустить его на Московское царство вскоре было получено, а о крещении королевича должно было договориться особое русское посольство. «Патриарх же Ермоген укреплял их, чтоб отнюдь без крещенья на царство его не сажали».

Пока суд да дело, русские и поляки «о том укрепились и записи на том написали, что дать им королевича на Московское царство, а литве в Москву не входить: стоять гетману Жолкевскому с литовскими людьми в Новом Девиче монастыре, а иным полковникам стоять в Можайске. И на том укрепились и крест целовали им всей Москвой. Гетман же пришел и стал в Новом Девиче монастыре».

Первые результаты договоренности были благотворны: войска Мстиславского и Жолкевского совместно отогнали воинство Лжедмитрия от Москвы, причем значительная часть его сторонников тоже присягнула Владиславу. Характерно, что честность гетмана была столь несомненна, что русские ночью пропустили его полки через Москву, откуда уже вывели в поле свои войска, и поляки прошли по улицам, не сходя с коней. Не хитрили, выигрывая время, и Гермоген с боярами: уже 27 августа в поле под Новодевичьим монастырем гетман клялся

соблюдать договор именем Владислава, а 10 тысяч москвичей присягнули новому государю. 28 числа целование креста царю Владиславу продолжилось в Успенском соборе в присутствии самого патриарха.

В главном храме России собирались для принесения единой присяги многолетние враги, пришли люди из разоренного лагеря «тушинцев» и из воинства гетмана, в том числе такие знаменитые деятели, как Михаил Салтыков и князь Василий Масальский. По идее, Гермоген должен был благословлять всех примирившихся, но Салтыкова с товарищами он остановил:

«Буде пришли вы в соборную церковь правдой, а не лостью, и если в вашем умысле нет нарушения православной христианской веры — то будь на вас благословение от всего вселенского собора и мое грешное благословение. А коли вы пришли с лостью и нарушение будет в вашем умысле православной христианской истинной веры — то не будет на вас милости Божией и пречистой Богородицы и будьте прокляты от всего вселенского собора!»

Боярин Салтыков со слезами обещал патриарху, что на престол будет возведен истинный государь. Гермоген знал, что Салтыков истово отстаивал интересы православия, еще ведя переговоры с Сигизмундом от имени «тушинцев»; есть сведения, что боярин заплакал, когда говорил с королем о греческой вере. Без гарантий для православия готовы были погибнуть, но не сдать Жолкевскому, и гарнизоны многих крепостей. А в договоре, заключенном с Жолкевским по благословению патриарха, православие было ограждено крепко-накрепко.

Владислав должен был венчаться на Московское царство от патриарха и православного духовенства по древнему чину, обещал православные церкви «во всем Российском царствии чтить и украшать во всем по прежнему обычаю и от разорения

всякого оберегать», почитать святые иконы и мощи, иных вер храмов не строить, православную веру никоим образом не нарушать и православных ни в какую веру не отводить, свреев в страну не пропускать, духовенство «читать и беречь во всем», «в духовные во всякие святительские дела не вступаться, церковные и монастырские имущества защищать», а даяния Церкви не уменьшать, но преумножать!

Лишь после этих многословных статей следовали гарантии сохранения на Руси всех прежних светских чинов, которые должны были милостиво и щедро жаловаться Владиславом, тогда как иноземцам новый царь ни чинов, ни земель давать не мог. Важнейшие решения нового царя — о законах, поместьях и вотчинах, казенных окладах и смертных приговорах — были ограничены советом с Боярской думой. Территория страны, налоги и торговые правила, крепостное право — сохранялись в неизменности.

Королю доставалась лишь контрибуция, между тем как его люди должны были помочь «очистить» Российское государство от иноземцев и отечественных «воров» и при том в Москву не вступать. Последняя статья, вставленная патриархом Гермогеном в этот чрезвычайно выигрышный для Москвы договор, гласила, что к Сигизмунду и Владиславу будет отправлено особое посольство, чтобы королевичу «пожаловати, креститься в нашу православную христианскую веру»⁹⁶.

Гермоген совершенно справедливо полагал, что именно выполнение этого пункта было способно придать прочность всему договору. По проекту, предложенному первоначально Жолкевским, легко было заметить, что все обещания поляков даются сначала от короля, а потом уже от имени его сына Вла-

⁹⁶ СГГид. Т. 2. № 200.

дислава, а решение спорных вопросов откладывается до поры, когда король Сигизмунд сам «будет под Москвою и на Москве», иными словами, когда Россия будет у его ног.

Вычистив из договора оговорки об участии короля, Гермоген позаботился, чтобы претендентом на русский престол остался исключительно Владислав. Если все, что обещалось от имени Владислава, мог обещать и король, то уж креститься по-православному Сигизмунд, этот ярый враг православия и насадитель унии, точно не мог! Одной своей статьей Гермоген снимал и возможность доброго ли, худого ли объединения двух государств под короной династии Ваза: Сигизмунд не мог появиться в Москве, а православный Владислав — вернуться в католическое государство отца.

Условию Гермогена трудно было сопротивляться, поскольку он его не выдумал. Судя по переписке воинов московского гарнизона с Жолкевским (еще до свержения Шуйского), «многих разных городов всяких людей» не устраивало отсутствие в польских предложениях двух пунктов: «не написано, чтобы... Владиславу Сигизмундовичу окреститься в нашу христианскую веру и крестившись сесть на Московском государстве», и нет гарантий от «утеснения» русских королевичевыми приближенными⁹⁷.

Однако мало было вставить в договор условие о крещении Владислава, надо было добиться его выполнения на переговорах под Смоленском, куда из Москвы отправлялось представительное посольство. Учитывая «шатость» русской знати в предшествующие годы, патриарх подозревал, что послы с легкостью променяют политические требования на личные выгоды. Так, глава посольства князь Василий Голицын заявил

⁹⁷ Сборник Муханова. М., 1856. № 106, ср. № 107.

Гермогену при боярах, что «о крещении (Владислава) они будут бить челом, но если бы даже король и не исполнил их просьбы, то волен Бог да государь, мы ему уже крест целовали и будем ему прямить». Об этом заявлении стало известно Жолкевскому, сообщившему королю, что переговоры, видимо, будут совсем нетрудными!

Но на своеволие послов в Москве издавна была придумана узда: подробный наказ, где оговаривались все вопросы и пределы уступок. Такой наказ от имени патриарха, бояр и всех чинов Российского государства был дан послам. В первой же статье он требовал, чтобы Владислав крестился еще под Смоленском, во второй — чтобы королевич порвал отношения с римским папой, в третьей — чтобы россияне, пожелавшие оставить православие, казнились смертью. Кроме того, Владислав должен был прийти в Москву с малой свитой, писаться старым русским царским титулом, жениться на русской православной девице и т. д.

«Спорить о вере» послам было вообще запрещено: только крестившись, королевич мог стать царем. По остальным пунктам уступки были невелики: так, креститься Владислав мог «где произволит, не доходя Москвы», в свиту взять до 500 человек, жениться не обязательно на русской, но по совету с патриархом и боярами. Допускались новые переговоры о титуле, открытии в Москве католического храма (хотя патриарх указал, что «в том будет многим людям сумнение, и скорбь великая, и печаль»), но о территориальных и иных существенных уступках было «и помыслить нельзя!»⁹⁸

О том, что на русский престол может вступить только Владислав и лишь после принятия православия, Гермоген ласково, но непреклонно написал и Сигизмунду, и Владиславу⁹⁹.

⁹⁸ СГГД. Т. 2. № 201.

⁹⁹ Там же. № 207. Сборник Муханова. № 109.

От духовенства в послы был избран Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, пользовавшийся симпатией и доверием Гермогена. Когда патриарх в последний раз наставил и благословил посольство, «митрополит Филарет дал ему обет умереть за православную за христианскую веру». И действительно, в посольстве и в польском лагере Филарету пришлось столкнуться с многими кознями и предательством, а затем изрядно пострадать в многолетнем плену.

Между тем в Москве Гермогену приходилось едва ли легче. Опасаясь сторонников укрепившегося в Калуге Лжедмитрия, бояре хотели ввести в город войска Жолкевского. Узнав о столкновениях сторонников и противников литвы, патриарх выступил перед боярами и «всеми людьми, и начал им говорить со умилением и с великим запрещением, чтоб не пустить литву в город». Попытка открыть ворота была сделана, но один бдительный монах ударил в набат, и народ зашумел так, что Жолкевский сам вступать в Москву расхотел, напомнив своим воинам о судьбе гостей Лжедмитрия I.

Следующие дни прошли в препирательствах Жолкевского с его полковниками, а бояр с патриархом. Гетман и Гермоген не хотели введения иноземных полков в Москву. Поляки, особенно служившие раньше в тушинском лагере, и многие бояре, включая Н. И. Романова, уверяли, что без сильного гарнизона «Москва изменит», пугали друг друга восстанием «черни». Патриарх настойчиво требовал от бояр выслушать его и даже угрожал, что явится во дворец «со всем народом», но, как и гетман, поддался на резонные аргументы.

Жолкевский выразил полную готовность следовать договору с боярами, выступив против Лжедмитрия хоть завтра, если московские полки будут подняты в поход. Гермогена, опасавшегося столкновений москвичей с поляками, убедил

строгий устав, написанный гетманом для предотвращения буйств. Народ удалось успокоить, и в ночь на 21 сентября польско-литовское войско тихо заняло все укрепления Москвы. Даже стрельцы, составлявшие обычно ядро всякого сильного возмущения, были польщены обходительностью и щедростью Жолкевского, вскоре завоевавшего и личное расположение патриарха Гермогена.

В ОККУПАЦИИ

Казалось, дела шли наилучшим образом. Столкновения решительно пресекались; Жолкевский и Гермоген мило беседовали, только гетмана скребла одна неприятная мысль: как он будет выглядеть, когда откроется, что король Сигизмунд решил присвоить Московию себе? Об этом король давно известил и Жолкевского, и его помощника Гонсевского. Оба решили сами не нарушать договор, а гетман простер свою порядочность до того, что предпочел своевременно отбыть из Москвы, провожаемый с большой лаской.

В связи с отъездом гетмана, желавшего вывезти бывшего царя Василия Шуйского в королевский лагерь, Гермоген вновь столкнулся с теми боярами, которые слишком уж ретиво служивали полякам, — и ничего не добился. Под предлогом ссылки в Иосифо-Волоколамский монастырь Василий был выдан. После этого, несмотря на тревожные вести о нежелании короля подтверждать договор с Москвой под Смоленском, патриарх явно потерял способность влиять на политические решения.

Власть в Кремле все больше захватывали выдвиженцы Сигизмунда: боярин М. Г. Салтыков и казначей (из купцов-кожевников) Федор Андронов, польский комендант Александр

Гонсевский. Царская казна перетекала в королевскую, 18 тысяч стрельцов были высланы в разные города, народ позволил уничтожить запиравшие московские улицы решетки и спокойно выслушал запрещение россиянам носить оружие.

Обрадованные таким смирением москвичей Салтыков и Андронов звали короля как можно скорее в Москву, но Сигизмунд, так и не взявший Смоленск, кочевряжился. В результате Салтыков и Андронов обнаглели настолько, что вечером 30 ноября пришли к патриарху с требованием, чтобы он «их и всех православных крестьян благословил крест целовать» Сигизмунду. Гермоген прогнал наглцов, но наутро о том же просил глава боярского правительства князь Ф. И. Мстиславский.

«И патриарх им отказал, что он их и всех православных крестьян королю креста целовать не благословляет. И у них де о том с патриархом и брань была, и патриарха хотели за то зарезать. И посылал патриарх по сотням к гостям (купцам, — А.Б.) и торговым людям, чтобы они (шли) к нему в соборную церковь. И гости, и торговые и всякие люди, прийдя в соборную церковь, отказали, что им королю креста не целовать. А литовские люди к соборной церкви в те поры присезжали ж на конях и во всей збруе. И они литовским людям отказали ж, что им королю креста не целовать».

Так писали о московских событиях казанцы вятичам в начале января 1611 г., объясняя, почему решили не служить Владиславу. Вскоре Вятка присоединилась к Казани, отписав о том в Пермь¹⁰⁰. Разумеется, даже в пылу спора речь шла не о прямой присяге королю, а о предложении русским послам положиться в переговорах во всем на королевскую волю, а защитникам Смоленска сдать город Сигизмунду. Когда в начале декабря

¹⁰⁰ ААЭ. Т. 2. № 170; СГГид. Т. 2. № 224.

бояре принесли Гермогену проект таких грамот, патриарх наотрез отказался их подписывать, требуя крещения королевича и вывода иноземных войск из Москвы. «А будет такие грамоты писать, — заявил Гермоген, — что всем вам положиться на королевскую волю и послам о том королю бить челом и класться на его волю — и то ведомое стало дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу. И я таких грамот не только что мою руку приложить — и вам не благословляю писать, но проклинаю, кто такие грамоты учнет писать!»

Так рассказывает «Новый летописец». Так же восприняли боярские грамоты под Смоленском, когда они пришли туда без подписи Гермогена. Смоляне попросту обещали пристрелить того, кто осмелится привозить подобные грамоты, а послы объяснили, что на Руси издавна важнейшие дела не решались без высшего духовенства, место же патриархов — «с государями рядом, так у нас честны патриархи, а до них были митрополиты. Теперь мы стали безгосударны — и патриарх у нас человек начальный, без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже. Как мы на Москве были, то без патриархова ведома никакого дела бояре не дельвали, обо всем с ним советовались, и отпуская нас патриарх вместе с боярами...

— Потому нам теперь без патриарховых грамот по одним боярским нельзя делать, — объясняли послы, вспомнив вдруг о призывах Гермогена обратиться ко «всей земле».

— Надобно теперь делать по общему совету всех людей, не одним боярам, всем государь надобен, и дело нынешнее общее всех людей, такого дела у нас на Москве не бывало!

А митрополит Филарет усугубил картину, объявив, что кого патриарх «свяжет словом — того не только царь, сам Бог не разрешит!»¹⁰¹

¹⁰¹ Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М., 1989. Кн. IV. С. 609—611, 613.

Слово Гермогена обрело во второй половине декабря 1610 г. — начале 1611 г. особое звучание, поскольку Россия осталась безгосударна: Лжедмитрий II был убит, а Владислав, которому целовали крест в Москве, еще не «дан» отцом на царство. Все стали писать, что патриарх распространяет воззвания, но никто ни одного из его воззваний не привел и не мог привести, потому что их не было. Да и о чем Гермогену было писать? Он все сказал. Его позиция была неизменной. Федор Андронов и Михайло Салтыков доносили королю из Москвы, что «патриарх призывает к себе всяких людей и говорит о том: буде королевич не крестится в крестьянскую веру и не выйдут из Московской земли все литовские люди — и королевич нам не государы!»

О том, что от имени Гермогена распространялись патриотические воззвания, около 25 декабря 1610 г. сообщал и московский комендант Александр Гонсевский, также не прибавивший ничего нового относительно позиции патриарха. Характерно, что доносом Андропова и Салтыкова королю воспользовались русские, перешедшие было на сторону поляков и оказавшиеся в лагере под Смоленском. Описывая свое полное разорение, гибель и пленение семей, предупреждая, что готовится страшное опустошение и покорение России, страдальцы упоминают, что о своей позиции «патриарх и в грамотах своих от себя писал во многие города», — но сами знают об этих грамотах только со слов врагов¹⁰²!

Позиция русских под Смоленском, призывавших все города восстать «за православную крестьянскую веру, покамест еще свободны, а не в рабстве и в плен не разведены», и позиция Гермогена, настаивавшего на соблюдении поляками договора,

¹⁰² СГГД. Т. 2. № 226; ААЭ. Т. 2. № 176. II и др.

пересекаются лишь частично. Гораздо больше общего со смоленской грамотой в грамоте москвичей, писавших о наступлении конечной погибели и призывавших «не мнить пощаженным быть»: «нынеча мы сами видим вере крестьянской пременение в латынство и церквам Божиим разоренье».

«Предателей крестьянских», писали москвичи, в столице темного, «а у нас, православных крестьян», помимо Божьей милости есть «святейший Ермоген патриарх прям яко сам пастьрь, душу свою за веру крестьянскую полагает несуменно». Но ни о каких призывах Гермогена в грамоте не сообщается, а единство «крестьян» выглядит сомнительно: они-де все патриарху последуют, «лишь неявственно стоят»; столь неявственно, что Москве пужна военная помощь против «немногих людей предателей крестьянских!»¹⁰³

Нижегородцы, действительно собиравшие ополчение, распространяя обе эти грамоты (от смоленских страдальцев и москвичей) по городам, утверждали, что их прислал 27 января патриарх Гермоген. Но они же писали предводителю восставших рязанцев старому бунтарю Прокофию Ляпунову, что их посланцам, побывавшим в Москве у патриарха, тот никакого «письма» не дал под смехотворным предлогом, «что де у него писати некому». Потому де он «приказывал... речью» — но хотя каждое слово Гермогена было драгоценно и слова даже менее видных людей цитировались с завидным постоянством, ни одного слова патриарха рязанцы от нижегородцев так и не узнали.

Ляпунов не растерялся и в том же духе показал в своей грамоте, что связан уже со многими ополчениями, и московским боярам о патриархе писал: «с тех мест патриарху учало быти

¹⁰³ СГГД. Т. 2. № 227; ААЭ. Т. 2. № 176.1.

повольнее и дворовых людей ему немногих отдали». Однако и Ляпунов не мог похвастаться весточкой от Гермогена, хотя и нагнал якобы страху на его притеснителей¹⁰⁴.

Действительно, московские правители, по свидетельству князя И. А. Хворостина, тогда «возъяришася на архиепреа» и велели разгонять идущих к нему за благословением. «Он же, пастырь наш, аки затворен бысть от входящих к нему, и страха ради мнози отрекошася к его благословению ходити». Но Гермоген не прекращал проповеди в полупустом соборе, утверждая все то же: если Владислав «не будет единоголасен веры нашае — несть нам царь; но верен — да будет нам владыка и царь!»¹⁰⁵

ЗАГАДКА ПАТРИАРШИХ ГРАМОТ

Ни о каких грамотах Гермогена близко знавший его Хворостинин не упоминает, а живая сцена из «Нового летописца» опровергает версию о существовании «патриотических воззваний» патриарха. Там говорится, что, видя со всех сторон собирающиеся на них ополчения, поляки и «московские изменники» стали требовать от Гермогена послать грамоту Ляпунову, «чтоб он к Москве не сбирался». Патриарх отказался, но пригрозил, что еще напишет Ляпунову, что если королевич крестится — благословляет ему служить, если же нет и литва из Москвы не выйдет — «и я их благословляю и разрешаю, кто крест целовал королевичу, идти под Московское государство и помереть всем за православную христианскую веру».

¹⁰⁴ СГГД. Т. 2. № 228; ААЭ. Т. 2. № 176.III.

¹⁰⁵ РИБ. Т. 13. Стлб. 550—551.

Услыхав такое, Салтыков заорал и кинулся на патриарха с ножом, но Гермоген «против ножа его не уstraшилcя и рече ему великим гласом, осеняя крестным знамением: “Сие крестное знамение против твоего окаянного пожа. Да будь ты проклят в сем веке и будущем!”» — Однако даже в столь крайней ситуации надежды свои Гермоген возлагал не на восстание поборников веры, а на благоразумие правителей, ибо тут же «сказал тихим голосом боярину князь Федору Ивановичу Мстиславскому: “Твое есть начало, тебе за то добро пострадати за православную христианскую веру; если прельстишься на такую дьявольскую прелесть — и Бог преселит корень твой от земли живых”».

Нет сомнений, что Гермоген не боялся ни Михаила Салтыкова, ни какого иного человека, но, согласно тому же «Новому летописцу», патриарх отрицал, что писал поджигательные воззвания. Когда Первое ополчение набрало силу и засевшие в Кремле бояре всерьез испугались, они вновь пришли к патриарху и «Михаило Салтыков начал ему говорить: “Что де ты писал к ним, чтоб они шли под Москву — а ныне ты ж к ним напиши, чтоб они воротились вспять!”

Патриарх на сие ответил: “Я де к ним не писывал, а ныне к ним стапу писать! Если ты, изменник Михайло Салтыков, с литовскими людьми из Москвы выйдешь вопи — и я им не велю ходить к Москве. А будет вам сидеть в Москве — и я их всех благословляю помереть за православную веру, что уж вижу поругание православной вере, и разорение святым Божиим церквам, и слышать латынского пения не могу!”»

Пение, поясняет летописец, доносилось из обращенной в походный костел палаты на старом дворе Бориса Годунова. Изменники-бояре, услышав столь колоритную речь Гермогена, «позорили и лаяли его, и приставили к нему приставов, и не велели к нему никого пускать». Только раз, на Вербное

воскресенье, патриарха «взяли из-за пристава и повселили ему действовать», но москвичи были уверены, что готовится какая-то каверза, и Гермоген остался один: «не пошел никто за вербою». Вскоре в городе начались бои.

В ходе ожесточенных уличных сражений (где был ранен князь Д. М. Пожарский) столица, кроме Кремля и Китай-города, была сожжена. Подоспевшее Первое ополчение осадило поляков, а те, в свою очередь, еще крепче заперли Гермогена в Чудовом монастыре и попытались вновь возвести на патриаршество Игнатия. Однако о Гермогене не забыли. Александр Гонсевский и Михаил Салтыков продолжали упорно требовать, «чтоб он послал к боярам и ко всем ратным людям, чтоб они от Москвы пошли прочь».

— Пришли они к Москве по твоему письму, -- твердили неприятели, — а если ты не станешь писать, и мы тебя велим уморить злой смертью!

— Что де вы мне угроживаете? — отвечал Гермоген. — Единого я Бога боюсь. Буде вы пойдете все литовские люди из Московского государства — и я их благословляю отойти прочь. А буде вам стояти в Московском государстве — и я их благословляю всех против вас стояти и помереть за православную христианскую веру!

Еще много месяцев прошло, летом 1611 г. распалось Первое ополчение, затем в Нижнем по призыву Козьмы Минина начало собираться Второе ополчение, ратники вновь пошли освобождать Москву, а Гермоген все томился в темнице, под охраной 50 стрельцов, страдая от голода и холода. Тогда вновь пришли к нему изменники с требованием, чтобы он писал «в Нижний ратным людям... чтоб не ходили под Московское государство. Он же, новый великий государь исповедник, рече им:

Да будут те благословени, которые идут на очищение Московского государства. А вы, окаянные московские изменники, будете прокляты! И оттоле начаша его морити голодом и уморили его гладною смертью», — 17 февраля 1612 г. пишет «Новый летописец». Согласно Рукописи Филарета, он был удушен зноем, по польскому источнику — удушен, словом, «злою мучительскою смертью не христиански уморен»¹⁰⁶. Но умер Гермоген, так и не обратившись к россиянам с публичным благословением вооруженного ополчения, лишь собственным примером подавая образец стойкости перед соблазнами и напастьми.

Полагаю, что молчание Гермогена имело глубокий смысл. Все хотели видеть в событиях его указующую руку. Даже московские изменники, писавшие о его вымышленных грамотах королю, даже Жолкевский, отметивший в «Записках», что, узнав от послов под Смоленском о желании Сигизмунда самому стать царем, «патриарх... разсеивал и сообщал письмами эту весть в города, ускорив таким образом кровопролитие».

«Для лучшего в замыслах успеха и для скорейшего вооружения русских, — писал другой поляк-очевидец Маскевич, — патриарх Московский тайно разослал по всем городам грамоты, которыми разрешал народ от присяги королевичу и тщательно убеждал соединенными силами, как можно скорее, спешить к Москве, не жалея ни жизни, ни имущества для защиты христианской веры и для одоления неприятелей».

«Враги уже почти в руках наших, — писал патриарх, — когда ссадим их с шеи и освободим государство от ига, тогда кровь христианская перестанет литься, и мы, свободно избрав себе царя из рода русского, с уверенностью в нерушимости веры

¹⁰⁶ Свидетельства собраны митрополитом Макарием: История русской церкви. Т. 10. Кн. I. СПб., 1881. С. 157. Прим. 107.

православной не примем царя латинского, коего навязывают нам силою и который влечет за собою гибель нашей стране и народу, разорение храмам и пагубу вере христианской!»

Об этих грамотах поляков «известили доброжелательные бояре», их даже, по слухам, перехватывали польские отряды. Позже в эти грамоты, не задумываясь над соответствием их содержания подлинной позиции Гермогена, истово верили патриотические историки, писавшие с невинной простотой что-то вроде: «Слова, приводимые Маскевичем из грамот патриарха, не находятся в известных нам грамотах патриарха Ермогена; значит, некоторые грамоты не дошли до нас»¹⁰⁷.

Поляки боялись признать, что против них действует не политическая интрига, а поднимается массовое народное движение. Но и сами участники этого движения еще боялись поверить в свою силу и признать всенародную волю главным источником закона в стране. Переписывая и пересылая друг другу грамоты из каждого нового присоединившегося города и уезда, участники патриотических ополчений первоначально лукавили, ссылаясь на волю патриарха.

Так, нижегородцы, уже выступив в поход вместе с другими городами, в начале февраля 1611 г. посылали вологодцам списки грамот смолян, москвичей и рязанцев с замечанием, что «приказывал к нам святейший Ермоген патриарх, чтоб нам, собравшись с окольными и с Поволжскими городами, однолично идти на польских и на литовских людей к Москве вскоре. И мы по благословенью и по приказу святейшего Ермогена патриарха Московского и всеа Руси собрався со всеми людьми... идем к Москве»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ *Глаголев Д.М.* Святейший патриарх Ермоген. С. 284.

¹⁰⁸ ААЭ. Т. 2. № 176. ААЭ. Т. 2. № 176. Предисловие..

Грамоты Гермогена, как мы знаем, у них не было, да и версия о его устном «приказе» такого содержания весьма сомнительна, но она ободряла народ, еще только начинавший чувствовать себя властью, еще нуждавшийся в авторитете патриарха против авторитета московских бояр. Так, ярославцы, получавшие все эти собрания грамот, по сидевшие смирно, пока жадные паны не добрались до их «животов», ощутив прилив патриотизма, оправдывали его, в частности, тем, что патриарх Гермоген «и все московские люди писали на Резань к Прокофью Ляпунову и во все украинные города и в Понизовые и словом приказывали», собравшись, «идти на польских и на литовских людей к Москве»¹⁰⁹.

Это сообщение является вольной смесью грамот рязанских и нижегородских, и его единственное реальное содержание: нас много и патриарх с москвичами за нас. А как уж это стало известно, устно ли, письменно ли — какая разница, раз литва уже грабит, и если не объединимся — ограбит. Доходило до курьезов. Так, пермичи 13 марта 1611 г. направили со своей отпиской полученную стопу грамот (из Смоленска, Нижнего, Рязани, Вологды, Ярославля, Суздаля и Устюга) патриарху Гермогену в Москву, причем в начале поместили «список с твоей, святейшего Ермогена патриарха Московского и всеа Руси, грамоты» — это был список известной грамоты москвичей¹¹⁰.

По мере того как Ополчение набирало силу, ссылки на Гермогена становились все более расплывчатыми. На его благословение указывали костромичи, нижегородские воеводы, суздальцы и владимирцы, но подробно об этом считали необходимым писать только в Казань, учитывая тамошнюю память

¹⁰⁹ Там же. № 179.

¹¹⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 323.

о Гермогене и влияние митрополита Казанского и Свияжского Ефрема. Ярославцы живописали пример Гермогена, который, вкупе с мужеством защитников Смоленска, поднял народ на борьбу: услышав про желание польского короля захватить царство, патриарх, «призвав всех православных крестьян, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стоять и помереть, а еретиков при всех людях обличал. И в города патриарх приказал, чтоб за православную веру стали, а кто умрет — будут новые страстотерпыцы»¹¹¹.

1 апреля, когда ополчения уже стояли под Москвой, Ляпунов с воеводами, предлагая митрополиту Ефрему с паствой «попещись о Божием и земском деле», отозвались о Гермогене торжественно, как о «втором великом Златоусте, исправляющем несомненно без всякого страха слово Христовой истины, обличителе на предателей и разорителей нашей христианской веры»¹¹². Но более его благословения не требовалось, и переписка лишь изредка упоминает о том, что патриарха свели с престола «и в нужной тесноте держат».

Между тем именно в это время Гермоген, не призывавший паству к борьбе, как часто и тщетно делал это раньше, но лишь служивший примером стойкого непризнания поражения своей страны, выступил наконец с воззванием в Нижний, Казань, во все полки и города. Патриарх не нарушил своей линии и ни словом не упомянул ни интервентов, ни бояр-изменников, против которых народ поднялся не по его указанию, а сделав свои выводы из ситуации. Но он был весьма обеспокоен целостностью ополчения после смерти Ляпунова, в частности тем, что претендентом на престол мог стать сын Марины Мнишек.

111 ААЭ. Т. 2. № 188.III.

112 Там же. № 188.V.

Гермоген со всей строгостью заявлял, что новый самозванец «проклят от святого собора и от нас», «отнюдь... на царство не надобен». Участников Ополчения патриарх призвал к телесной и душевной чистоте, дал им «благословение и разрешение в сем веке и в будущем, что стоите за веру неподвижно»¹¹³. Этой грамотой, которую исследователи часто совсем обходят, патриарх впервые и единственный раз официально признавал, что народ сделал правильный вывод из его рефреном звучавшей проповеди: коли крестится Владислав — будет нам царь, коли нет — не будет нам царем. Признал, что народное восстание было законным и справедливым.

По этой причине (одно дело — когда патриарх призывает к борьбе за веру, другое — когда одобряет восстание) и по ряду других соображений единственная «возмутительная грамота» Гермогена была псевдобна ученым. Из ее текста явствовало, например, что Гермоген даже в крайнем заточении не был столь изолирован, чтобы при желании не написать и не передать на волю послание. С другой стороны, грамота не вызвала особого интереса у нижегородцев и не получила большого распространения (казанцы лишь переслали ее в Пермь), что не вяжется с представлением о Гермогене как вожде Ополчения. Тем не менее она сохранилась, тогда как предполагаемых популярнейших грамот нет и следа...

Но ведь и без этой грамоты ясно, что, когда изменники в Кремле с пеной у рта требовали от Гермогена чуть ли не распустить Ополчение, реальным влиянием он уже не обладал. А драгоценная единственная грамота свидетельствует лишь о том, что он оставался единомысленным со своей паствой. Недаром Ефрем легко пояснил его мысль: не брать царя «своим произволом, не сославшись со всею землею — и нам того государя... не хотеть и против его стоять всем... единодушно. А выбрать бы нам... государя сославшись со всею землею, кого нам государя Бог даст».

¹¹³ АЛЭ. Т. 2. № 194. II (№ 194.I — отписка Ефрема пермичам).

ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

ПОЖАРСКИЙ

Среди русских полководцев XVII в. мало имен, общезвестных широкому читателю. Хрестоматийная фигура князя Пожарского является редким исключением. В кратком рассказе о его жизни и деятельности даже нет нужды обращаться к архивам: опубликованные подробные биографии славного воеводы тщательно толкуют малейшие упоминания о нем в источниках¹¹⁴. Если же отказаться от пространных толкований, известно о князе совсем немного.

¹¹⁴ См., напр.: *Берёзов П.И.* Дмитрий Пожарский М., 1954; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. М., 1883 (новое изд.: СПб., 2005); *Каргалов В.В.* Полководцы XVII века: русские полководцы. М., 1990. С. 111—160 (ср. *Его же.* Русские воеводы, XVI—XVII вв. М., 2005); *Костомаров Н.И.* Смутное время в Московском государстве. Т. 3. СПб., 1883; *Его же.* Козьма Минин-Сухорук и князь Дмитрий Михайлович Пожарский // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Вып. 3. СПб., 1874. С. 715—727 (перизд.: М., 1990); *Макарихин В.П.* Князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Н. Новгород, 1999; *Малиновский А.Ф.* Биографические сведения о князе Д.М. Пожарском. М., 1817; *Морозова Л.Е.* Д.М. Пожарский — главный полководец-освободитель / Л.Е. Морозова // Смута: её герои, участники, жертвы. М., 2004; *Оськин Г.И.* Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. М., 1948; *Осипов К.* Минин и Пожарский. М., 1948; *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 2009; *Смирнов С.К.* Биография князя Д.М. Пожарского. М., 1852; *Шамигулин В.А.* (сост.) Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. М., 1997; *Шишов А.В.* Минин и Пожарский. М., 1990; *Эскин Ю.М.* Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. 1976. № 8; *Его же.* Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С.119—271.

МОСКОВСКИЙ АРИСТОКРАТ

Пожарские вели род от великого князя Всеволода Большое Гнездо¹¹⁵, подчеркивая тем самым свое родство с множеством виднейших фамилий на Руси. Они относились к Стародубской ветви рода и долго отстаивали свое удельное княжество. Подобно другим порубежным князьям, таким, как Волконские, Пожарские попали к Московскому двору лишь в XVI в., «опоздав» к разделу чинов и власти. Гордость древнего княжеского рода явно не соответствовала занятому Пожарскими месту.

Дед Дмитрия Михайловича Фёдор едва попал в «избранную тысячу» московских дворян. Зато во времена опричнины он удостоился конфискации вотчин и ссылки наряду со славнейшими княжескими фамилиями. Как обычно, люди такого гордого рода ненавистны при дворе, но остро требуются, когда над страной нависает угроза. В Ливонской войне Фёдор Иванович Пожарский-Немой вырос до чина «головы» (ротмистра) дворянской конницы и в качестве «награды» получил часть своих отнятых ранее вотчин в Стародубе.

Его сын Михаил не успел послужить. Он умер молодым, оставив вдову и девятилетнего сына, родившегося в ноябре 1578 г. Воспитывала Дмитрия Михайловича мать. Княгиня Мария принадлежала к не очень древнему (с начала XV в.), но заслуженному московскому дворянскому роду Беклемишевых, многие из которых, в отличие от Пожарских, дослуживались до воеводского чина. Её родичи участвовали почти во всех войнах России XVI в. и, подобно Пожарским, отличались гордостью. Знаменитый предок Марии Берсень Беклемишев, например,

¹¹⁵ Савелов Л.М. Князья Пожарские. Т. 1. М., 1906; Князья Пожарские и Нижегородское ополчение. Род князей Пожарских от Рюрика до наших дней / авт.- сост. А. Соколов, протоиерей. Н. Новгород—Саранск, 2005.

был обезглавлен за «дерзкие слова» против великого князя Василия III.

От матери Дмитрий перенял хозяйственность и домовитость. Родовая вотчина, в которой он рос, находилась недалеко от шумного торгового Нижнего Новгорода, но оставалась замкнутым, самодостаточным миром, вроде древнего удельного княжества. В вотчинном селе Мугрееве имелся господский двор, две церкви, небольшой монастырь. Пожарские покровительствовали монахам и нищим, уважали богомазов, но не чурались издавна обличаемых Церковью веселых скоморохов. Крестьяне обеспечивали относительно небогатое княжеское хозяйство почти всем необходимым. Кое-какие деньги для покупки городских изделий у княгини Марии оставались из приданого. Дорогими были тогда книги, по которым княжич выучился читать. Чтение всю жизнь было для него благочестивым занятием; разбогатеv, он покупал дорогие, но строго церковные книги.

Как бы хорошо и спокойно ни было в вотчине, в 15 лет недорослю следовало получить в Москве придворный чин. Царствовал тогда благочестивый Фёдор Иоаннович, правил брат его жены, царицы Ирины, Борис Фёдорович Годунов. Юный князь Пожарский долго пробыл в чине стряпчего: таких при дворе было до тысячи, служили они в основном для сопровождения царя, мелких услуг и посылок «в очередь, перемениаясь», так что большую часть года можно было проводить на родине.

Воцарение Бориса Годунова ничего не изменило в положении князя, не отличавшегося честолюбием. Лишь усиление военной опасности заставило царя произвести его в начале XVII в. в стольники, а при появлении на рубежах самозванца записать в полк с годовым жалованием в 20 руб. В 1605 г. Пожарский

участвовал в сражении при Добрыничах¹¹⁶. Самозванец вышел из Севска и 21 января с храбростью несобыкновенной ударил на царское войско. Но многочисленные московские пупки и пиццали буквально смели его рать с поля. Разгром «названного царя Дмитрия» был полным. На поле боя неприятель оставил 11,5 тыс. убитых и 30 пупск. Но вскоре выяснилось, что это был вовсе не неприятель.

Народ остановил бегущего в Польшу Дмитрия и, восстав, посадил его на престол только что умершего Годунова. Высшее духовенство и московская знать приняли законного государя, Пожарский продолжал служить при нем стольником. Василий Шуйский изменой сверг Лжедмитрия, вспался на царство — Пожарский служил и ему. Восстал второй Лжедмитрий, сел «царем» в Тушино — князь остался верен тому, кого признала Москва. Верных у царя Василия было немного. Так что когда понадобилось оборонить Коломну, о тихом стольнике сразу вспомнили, тем более что значительного войска ему дать не могли.

Осенью 1608 г. Пожарский получил под команду небольшой отряд. Он двинулся в Коломну и в 30 верстах от города в селе Высоцком ударил на тушинцев. На всеобщее удивление, князь победил, взял пленных, казну и обоз с весьма необходимым в осажденной Москве продовольствием. После чего был на год забыт. Осенью 1609 г. грабившие на Рязанской дороге казаки-разбойники атамана Салькова одолели два московских отряда. Вновь вспомнили о Пожарском, послали его — казаки были истреблены, а атаман принес повинную.

32-летний князь за эти бурные годы вырос по службе: перешёл из конца списка стольников на 13-е место. Он получил в

¹¹⁶ О службах князя историки знают по записным книгам Разрядного приказа — главного военного ведомства того времени: *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907.

вотчину обширные земли недалеко от родовых, ибо «против врагов стоял крепко и мужественно ... в твердости разума своего крепко и непоколебимо». В условиях гражданской войны мужество было нередко, а способность «на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покуситься» — почти уникальна. Пожарский первым в своем роду получил чин воеводы. С ним он отбыл в Зарайск в год скоропостижной смерти М.В. Скопина-Шуйского и разгрома с таким трудом созданной им армии, случившегося под Клушином.

Относительное равновесие сил, когда на просторах Руси сражались и грабили войска московского царя Василия и тушинского «царя Дмитрия», а короли польский и шведский покушались понемногу на пограничные земли, было нарушено. Многие воеводы переходили под знамя польского королевича Владислава Сигизмундовича (из шведского королевского дома Ваза), ещё больше людей приветствовали самозванца Лжедмитрия II. На фоне всеобщей «шатости» и измены воевод, перебегавших с одной стороны на другую по обстоятельствам, примеры князей Волконского в Боровске и Пожарского в Зарайске выделились особенно ярко.

Прославленный покоритель Сибири князь Михаил Константинович Волконский по прозвищу Хромой Орел, видя, что его товарищи-воеводы сдали город войску Лжедмитрия II, оборонялся в Боровском Пафнутьевом монастыре. Изменники одолевали. Князь собрал людей в собор и один рубился в церковных дверях, не пуская убийц. «Сдавайся!» — кричали ему враги. «Умру у гроба Пафнутия чудотворца», — отвечал Волконский, подвиг которого запечатлен на гербе Боровска: на серебряном поле червленое сердце в лавровом венке (что означает на геральдическом языке чистоту, верность и вечную славу)¹¹⁷.

¹¹⁷ Богданов А.П. Сказание о Волконских князьях. М., 1989. С. 6—8. Под-
робно: Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

И в Зарайске, входившем в систему крепостей Рязанской земли, большинство жителей решило переметнуться к Лжедмитрию II, внемля призыву знаменитого вождя рязанского дворянства Прокопия Ляпунова. Во время восстания горожан Пожарский потерял посад, но успел с немногими людьми запереться в каменной крепости. Её защитники подвиглись, по благословению Никольского попа Дмитрия, умереть за правую веру, не прельщаясь изменой. Пример стойкости и решимости воеводы и его малого отряда заставили горожан передумать. «Придя в единомыслие», Зарайск отбил от слуг уже поспешавших к городу «воровского царя».

Принцип, заставлявший таких людей, как Волконский и Пожарский, насмерть стоять среди общей «шатости», Дмитрий Михайлович сформулировал так: «Будет на Московском царстве по-старому царь Василий, ему и служить, а будет кто ипой — и тому тоже служить». Тогда, по крайней мере, в России будет один царь!

Но неспособность завершегося в Москве Василия Шуйского положить конец бесчинствам гражданской войны уже сильно раздражила самих московских воевод и ратников. 17 июля 1610 г. князь Фёдор Волконский, Захар Ляпунов «и с ними иные мелкие дворяне» московских полков совершили то, о чем давно мечтало большинство россиян и за что многие успели поплатиться головами. Они схватили старого интригана за бороду и выкинули из царского дворца. 19 июля злой старик был пострижен и заперт в Чудове монастыре, братья его, погубившие «злоотравным зельем» Скопина-Шуйского, взяты под стражу.

Наконец-то россияне могли не становиться на сторону нагло грабивших страну политических авантюристов, а степенно и рассудительно «выбрать государя всею землею», собрав в Москве представителей городов и сословий, положив благо-

разумным советом конец Гражданской войне. Перепуганные гневом уставшего напрасно проливать кровь народа бояре вняли внушениям патриарха Гермогена и разослали по всему государству грамоту с призывом «быть в соединении и стоять за православную христианскую веру всем заодно», защищая право страны самой выбрать себе государя, не покоряясь ни захватчикам-иноверцам, ни ворам-самозванцам.

Народ ликовал, а бояре уже рассылали по городам и всяям другую грамоту — присягу самим себе. Дескать, выборы государя надо ещё устроить. Вот они, бояре, и взяли на себя тяжкое бремя временной власти, конечно, по всепародной просьбе. Легко заметить, что в русской истории самый бесстыжий и злодейский захват власти всегда совершается «по воле» и «для блага» народа. Это верная примета: как только кто выступит от лица народа — жди злодейства и непременно грабежа.

Семибоярщине, как прозвали новых правителей, всенародные выборы государя выгодными не казались. На какую благодарность можно рассчитывать от избранника «всей земли»? Продать престол Лжедмитрию II тоже было не особо выгодно — тот имел среди россиян своих царедворцев. Иное дело королевич Владислав, способный защитить изменников-бояр иноземными полками! Так что князю Волконскому и иным наивно поверившим Семибоярщине патриотам вскоре пришлось бежать из Москвы.

Пожарский, сидя в Зарайске, намерения бояр понял очень быстро. Когда войска Семибоярщины осадили в Пронске вождя рязанских дворян Прокопия Ляпунова, князь бросился ему на выручку. С отрядами из Зарайска, Коломны и Рязани он освободил Пронск, осажденный рязанским же воинством служившего тогда боярам Григория Сумбулова. Ирония истории заключалась в том, что Сумбулов был давним соратником Ляпунова, а сам Пожарский ещё недавно боролся с Прокопием

Петровичем, стоявшим за Лжедмитрия II. Теперь же князь передал ему командование войском, а сам поспешил на защиту своего воеводского города Зарайска.

Князь успел вовремя. Отброшенные от Пронска и Рязани ратники Сумбулова подкрались к Зарайску «как тати в нощи», внезапно ворвались в город и начали грабить посад. Тем временем Пожарский заперся в крепости, тщательно подготовился к бою и утром контратаковал. Посадские люди, разозлённые ночными грабежами, поддержали воеводу. Уставшие от грабежа и насилий, ушавшиеся за ночь дворяне и казаки Сумбулова жестоко поплатились за разбой. Самому предводителю едва удалось скрыться.

К этому времени политическая ситуация в стране круто переменялась. Немалая часть россиян, сражавшихся под знаменами свергнутого ныне Шуйского и убитого под Калугой своими же соратниками Лжедмитрия II, принесла присягу королевичу Владиславу. Против этого не возражали даже столь твердые в вере архиереи, как патриарх Гермоген и ростовский митрополит Филарет (Романов). Но при соблюдении двух важнейших условий: королевичу следует принять православие и свято хранить в государстве истинную веру, а отец его король Сигизмунд должен отступить от Смоленска и «очистить к Московскому государству» все занятые поляками и литовцами земли, как было до Смуты. Увы, бояре изменили ещё раз, согласившись передать Российское государство «на волю» Сигизмунда, практически сдать его иноземцам.

«БОЯРСКАЯ НАГЛАЯ ИЗМЕНА»

Опасность со стороны сторонников самозванца и боязнь народного бунта заставили бояр искать пути соглашения с польским гетманом, так как, рассуждали они, «лучше госу-

даричу служить, нежели от холопов своих побитым быть и в вечной работе у них мучиться». Вскоре им удалось договориться в гетманом Жолкевским о призывании на престол Владислава.

Хорошо осведомленный о настроении в Москве, гетман Станислав Жолкевский не стал медлить. 20 июля он выступил из Можайска, а 24 июля стоял уже в 7 километрах от Москвы, на Хорошевских лугах у Москвы-реки¹¹⁸. Московские бояре — князь Ф.И. Мстиславский, князь В.В. Голицын и Ф.И. Шереметев, окольничий князь — Д.И. Мезецкий и дьяки Василий Янов и Томило Луговской встретились с Жолкевским у Новодевичьего монастыря. Обсуждение условий соглашения об избрании Владислава происходило в тревожной обстановке, когда тушинцы пытались произвести нападение на Москву. Переговоры неоднократно прерывались из-за того, что к князю Мстиславскому то и дело приезжали гонцы с известиями о ходе военных действий.

17 августа 1610 г. в польском стане был подписан договор и состоялась присяга Владиславу. В основу договора было положено старое (ещё тушинское) соглашение, в которое внесены были весьма характерные изменения. Правительственные полномочия Владислава ограничивались его обязательством не решать никаких более или менее существенных вопросов «без приговора и совета бояр и всех думных людей». Кроме того, Владислав обязывался «прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве, не переменять, и московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве и в чести не теснить и не понижать». Заботливо охраняя господство бояр, договор создавал прямую угрозу независи-

¹¹⁸ См. его мемуары: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.

мости и целостности Русского государства¹¹⁹. Дальнейший ход событий показал всю опасность антипатриотического шага боярства.

Гетман Жолкевский был мудрый политик. С большой ловкостью используя обстоятельства, он вынуждал бояр к новым уступкам, подготавливая, по мнению московского летописца, оккупацию столицы польскими войсками: «и гетман Жолкевский боярам сказал, что король даст сына своего Владислава, а что им говорил, и то всё неправдою, хотя их тем обольстить». Жолкевский настоял на скорейшем отправлении русского посольства к Сигизмунду и включил в его состав наиболее влиятельных и опасных для польских планов бояр — князя В.В. Голицына и Ф.П. Романова, которые сами могли выступить претендентами на престол. Значительный по численности (до 15 тыс.) гарнизон в Москве, состоявший из стрельцов, Жолкевский постарался ослабить, настояв на посылке крупных отрядов для сопровождения посольства к королю, а также для борьбы с тушинцами.

Обман, совершённый боярами, был с возмущением принят дворянством. Народ волновался и «вступил с боярами в распрю, требуя перемены государя». Вновь ожили надежды на приход Лжедмитрия, и дворяне снова стали отъезжать в его стан. Волнения среди московского населения побудили стоявших у власти бояр согласиться на ввод в Москву польского оккупационного отряда. Но когда 17 сентября в город прибыл пан Гонсевский для размещения войска по квартирам, кто-то ударил в набат, и сбежался народ. Бояре стали просить польское командование отложить вступление войск в Москву. Протестовал («запрещением великим запрещал»)

¹¹⁹ Польский и русский тексты договора: Собрание государственных грамот и договоров. Т. 2. М., 1819. № 199—200.

против ввода иностранных войск в столицу патриарх Гермоген. Он собрал «великое множество» дворян и других служилых людей и обсуждал, «как бы нарушить крестное целование», т. е. фактически отказаться от приглашения на русский престол Владислава. Но князю Ф.И. Мстиславскому и другим сторонникам польской кандидатуры вместе с представителем польского командования удалось уговорить «мятежников». Четверо зачинщиков было посажено в тюрьму.

Если массы москвичей не скрывали ненависти к иноземцам, то правящие бояре стояли за польскую кандидатуру, видя в ней единственное средство справиться с волнениями. «Некие же от бояр чстыре человека, — говорит летопись, — умыслили королевских людей пустить, и прежде пустили такую славу, якобы чернь хочет в Москву впустить Тушинского вора, в Коломенском стоящего».

Этими горячими сторонниками унии с Речью Посполитой были представитель знатнейшего московского боярства, дядя будущего царя Иван Никитич Романов, инициатор договора с Сигизмундом М.Г. Салтыков, тоже член старинной боярской московской семьи, и его племянник И.Н. Салтыков. Больше всех холопствовал перед интервентами «торговый мужик» кожевник Фёдор Андронов. Назначенный Сигизмундом в казначеи, он всецело отдался служению интересам нового господина. Человек беспринципный, Андронов использовал свой фавор у Сигизмунда для достижения личных целей. М.Г. Салтыков горько жаловался впоследствии на то, что с бояр «дела посняты», что польский резидент управляет с Андроновым, и что многие люди в Москве пострадали от него.

В ночь на 21 сентября 1610 г. поляки вступили в русскую столицу. Жолкевский расположился во дворе Бориса Годунова. Солдат и гайдуков он поставил в других боярских дворах Крем-

ля и царском дворце; командный состав — полковников, ротмистров и др. — разместил по боярским домам в Китай-городе и Белом городе. Забрав ключи от городских ворот, Жолкевский повсюду расставил стражу из польско-литовских жолнёров (солдат), которые несли караул по стенам Белого города.

Сознавая слабость польского гарнизона и враждебное отношение к иноземным захватчикам со стороны большей части москвичей, Жолкевский стремился точно соблюдать договор и поддерживать дружеские отношения с правящими кругами Москвы. Но его совесть не могла вынести обмана. А его политика, по-видимому, вызвала недовольство Сигизмунда, который смотрел на Русское государство как на завоеванную страну. Этим объясняется назначение велижского старосты Александра Гонсевского «наместником Владислава» в Москве. В конце октября 1610 г. Жолкевский выехал из Москвы, захватив с собой в качестве пленников низложенного Василия Шуйского и его брата Дмитрия.

С отъездом Жолкевского командование польско-литовским гарнизоном в Москве перешло к Гонсевскому. В Москве остались: полк Зборовского, раньше находившийся в Тушинском лагере, полк Казановского, прибывший с королем из Польши, 6 тыс. немцев, перешедших на польскую службу с русской после битвы под Клушином, и полк Гонсевского из состава королевских войск. Четыре роты из полка Гонсевского были расположены в Новодевичьем монастыре. У Можайска для обеспечения сношений между московским гарнизоном и королевской армией стояли полки: гетманский и старосты хотинского Николая Струся.

Оккупация Москвы и назначение Гонсевского наместником Владислава, по существу, означали отказ Сигизмунда от договора 17 августа и его намерение овладеть Русским госу-

дарством. Гонсевский поселился на дворе Бориса Годунова, где жил его предшественник Жолкевский. Вместе с ним в Кремле обосновались и наиболее видные сторонники польского короля: боярин М.Г. Салтыков — на дворе Ивана Васильевича Годунова; казначей Фёдор Андронов — на дворе благовещенского протопопа.

Эти два лица стали самыми близкими людьми к Гонсевскому, помогая ему своими советами в управлении столицей и подавлении народного недовольства. Андронов, Салтыков и дьяк И.Т. Грамотин были энергичными проводниками кандидатуры самого короля Сигизмунда на московский престол. Формально Гонсевский решал все дела совместно с Боярской думой. В действительности же, придя в думу, Гонсевский сажал рядом с собой своих советников — Салтыкова, Андронтова, Грамотина, князя В. Мосальского. «А нам и не слышать, что ты с своими советниками говоришь», — упрекали Гонсевского бояре.

Таким образом, боярское правительство, состоявшее из семи знатнейших бояр, — князь Мстиславский «с товарищами», — фактически не пользовалось никакой властью. Автор Хронографа 1616—1617 гг. говорит, что после царя Василия «прияли власть государства Русского семь московских бояр, но ничтоже управлявшим, только два месяца власти насладились».

Очень скоро поляки стали вести себя в Москве, как в завоеванном городе. Москвичам «от литвы и от гайдуков насильство и обида была велика, саблями секли и до смерти побивали и всякие товары и съесной харч имали сильно безденежно». И «купльствуют не по цене, — жалуется один современник, — отнимают сильно, и паки не ценою ценят и серебро платят, но с мечем над главою стоят над всяким православным христианином, куплю торгующим, и смертью грозят». Бело-русский шляхтич Самуил Маскевич, служивший под началом

Гонсевского, сам признал, что «наши, ни в чём не зная меры, не довольствовались миролюбием москвитян и самовольно брали у них все, что кому нравилось, силою отнимая жен и дочерей у знатнейших бояр»¹²⁰.

Бесчинства интервентов раздражали русское население. Атмосфера в Москве накалялась с каждым днем. Сам Гонсевский признавал, что ему приходилось прибегать к очень суровым мерам для борьбы с преступлениями шляхтичей, гайдуков и немецких ландскнехтов¹²¹. По его распоряжению, за разные преступления было казнено 27 немцев и свыше 20 человек подвергнуто жестоким телесным наказаниям. Был случай, когда один шляхтич в пьяном состоянии выстрелил несколько раз в икону. Для успокоения возмущения, вызванного этим поступком, Гонсевский приговорил отрубить ему обе руки, а тело его сжечь на костре. На суровость приговора, возможно, повлияло и то обстоятельство, что виновный принадлежал к протестантам — «еретической вере», к которой враждебно относились католики. Маскевич рассказывает, как один из поляков по решению суда был бит кнутом на улице за то, что похитил дочь какого-то боярина. Таким образом, само польское командование вынуждено было признавать справедливость жалоб московского населения на бесчинства поляков и немцев.

Призывы бороться с оккупантами началась ещё при Жолкевском, когда в Москве был схвачен со «смутными» грамотами и посажен на кол посланец рязанского воеводы Ляпунова. На пытке он оговорил окольничего В.И. Бутурлина, сносившегося с Ляпуновым и подговаривавшего немцев из королевского гарнизона в Москве к совместным действиям против поляков.

¹²⁰ См.: Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. V. *Записки Маскевича*. СПб., 1834 (и др. издания).

¹²¹ См.: *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000.

На допросе, сопровождавшемся пытками, в присутствии бояр, дворян и представителей московского посада, старост и сотских, Бутурлин сознался, что предполагалось ночью ударить на поляков и их истребить.

Вскоре после отъезда Жолкевского по улицам Москвы от имени самозванца стали «многие листы метать», т.е. разбрасывать прокламации к москвичам, «отводя их от господаря королевича». В прокламациях, если верить Гонсевскому, Самозванец угрожал прийти ночью в Москву, перебить поляков, бояр, дворян больших и всяких людей московских, «кои с ним в его воровском совете не были, жён и сестер и животы их отдать было холопам, казакам, кои ему добра хотели».

По требованию польского командования, бояре опубликовали «приказ ... во все люди, чтобы воровским смутным грамотам не верили, а лазутчиков (которые метали листы от вора из Калуги) имали и, изымавши, к боярам приводили». Но призывы Лжедмитрия встречали сочувствие среди посадского населения Москвы. Это видно из того, что когда был пойман человек, «который с грамотами смутными от вора из Калуги не единожды прислан был», то москвичи его «отбили» в Сапожном ряду. Из розыска по этому делу обнаружилось, что на Москве «многие» люди были на стороне Лжедмитрия II, и что готовился погром захватчиков и их «доброхотов». Несмотря на демагогические лозунги калужского «царька», он имел сторонников и в высших кругах московской знати, очевидно, рассчитывавших с его помощью избавиться от иноземцев.

Так, следствие показало, что сам князь В.В. Голицын, член «великого посольства» к Сигизмунду, по пути в Смоленск «ссылался» с Лжедмитрием. В связи с этим были подвергнуты аресту князь А.В. Голицын и князь И.М. Воротынский. Есть сведения, что против Владислава выступал также Ф.Н. Ро-

манов, который с патриархом Гермогеном «тайно советовал, и будучи в посольстве тайно и лукаво ... промыслил, как бы королевичу, его милости, Владиславу не быть на Московском государстве». Романов, «сдучи с Москвы, положил, чтобы господарю королевичу на Московском господарстве не быть, а патриарх ему имался всех людей к тому приводить, чтобы сына его Михаила на царстве посадить».

Очевидно, что все эти обвинения имели политическую подоплеку. Они были призваны подорвать доверие к виднейшим лицам, вводящим от имени патриарха Гермогена и бояр переговоры с Владиславом и Сигизмундом. Однако можно предполагать, что некоторая часть бояр и дворян, вместе с Гермогеном и Ляпуновым, не желала видеть на русском престоле ни Сигизмунда, ни Владислава. К последнему, впрочем, у Гермогена и всех православных было главное требование: креститься в православие, чуждых конфессий в Россию не допускать, беречь территорию страны и права подданных.

Довольно широкие общественные слои, часть дворянства и зажиточных посадских людей, все ещё полагали, что присяга Владиславу положит конец «кроворазлитию». В польской власти они склонны были видеть оплот против не устраненной угрозы народных бунтов. Тушинский Самозванец держался в Калуге и мог вновь появиться под стенами Москвы. Сохранялась иллюзия, что король Сигизмунд снимет осаду Смоленска и, согласно договору, выведет польские войска из Русской земли. Присяга Владиславу в Москве повела к тому, что такие стойкие и важные центры сопротивления интервентам, как Нижний Новгород и Ярославль, также присягнули Владиславу.

Захватнические планы Сигизмунда были не столь уж явны. Они нашли выражение в ряде дипломатических документов, выпущенных из его канцелярии в 1611—1612 гг. Король откровен-

но признавал, что он «внес войну в самые недра обширнейшего государства», что целью войны было расширение пределов королевства и увеличение его славы. Эти планы связывались с желанием возратить «наследие предков своих» — области, «отнятые силой и похищенные обманом князей московских». В обращениях к папе римскому и главе иезуитов в Польше К. Аквавиве Сигизмунд говорил, что война начата им «для распространения католической веры среди ... диких и нечестивых северных народов».

Изменнические действия русской боярской аристократии и их тяжкие последствия тоже обнаружилились не вдруг. Сигизмунд не утвердил договора 17 августа 1610 г., но стал применять способ откровенного вымогательства по отношению к великому посольству, вынуждая его дать приказ о сдаче Смоленска. Ввиду отказа король приказал арестовать послов и отправить их в Польшу. Смоляне решительно отвергли требование Сигизмунда о сдаче города и продолжали героически обороняться. Такое же энергичное сопротивление оказывал Рязанский край. Боролся с интервентами и зарайский воевода князь Д.М.Пожарский. Массовое движение против захватчиков стихийно поднималось одновременно в различных концах страны.

Убийство тушинского Самозванца в Калуге 11 декабря 1610 г. развязало руки представителям тех общественных слоев, которые чувствовали опасность активных действий с его стороны. «До сих пор, имея в виду этого врага, они несмело нападали на нас, — говорит Маскевич, — теперь же, когда его не стало, начали приискивать все способы, как бы выжить нас из столицы». «Люди ваши московские что над нашими людьми делали? — жаловался впоследствии Гонсевский русским послам, — везде наших заманят па посад, в Деревянный

город и в иные тесные места, или, позвав на честь, давили и побивали, а пьяных извозчики, приманив на сани, давили и в воду сажали».

На Торгу иноземцам продавали живность, рыбу и мясо вдесятеро дороже, а то и совсем отказывались продавать, «да при этом ещё слуг наших, — рассказывал Гонсевский, — облают и опозорят!» На улицах и площадях происходили вооруженные столкновения с поляками. Москвичи насмехались над людьми из стражи Гонсевского, приходившими на рынок за покупками. «Эй, пучки! — кричали насмешники, — долго ли вам здесь пировать? Видно, придется собакам потешиться над плешивыми головами, когда не хотите добром оставить нашего города!»

Большинство историков преувеличивало роль патриарха Гермогена в организации народной борьбы. В действительности не патриарх поднял население на борьбу, а сам народ уже в ноябре — декабре 1610 г. поднимался против интервентов. В конце 1610-го—начале 1611 г. в Москве возникла обширная подрывная литература в виде разного рода анонимных грамот, которые распространялись по стране. Таковым было, например, воззвание от имени жителей Москвы, в ярких красках изображавшее положение в столице. «Мы не слухом слышим, до самих нас на Москве видением конечная погибель приходит, — писал автор воззвания. — Для Бога ... не презрите бедного и слезного нашего рыдания, будьте с нами общо, заодно против врагов наших и ваших общих!» «Пощадите нас, бедных, к концу погибели пришедших; душами и головами станьте с нами обще против врагов креста Христова».

Воззвание не просто старалось вызвать сострадание к постигнутым «погибелью» жителям Москвы. В нем громко звучала мысль о значении Москвы как национального центра всей Русской земли, от судьбы которого зависит благополучие

или гибель государства. «Помяните одно, — говорил автор воззвания, — только корень, основание крепко, то и древо неподвижно, только коренья не будет, к чему прилепиться?» Автор призвал не забыть, что в Москве находятся все национальные святыни русского народа: «Или вам, православным крестьянам, (эти святыни. — А.Б.) то ни во что ж поставить!»

Сохранился обширный анонимный памфлет: «Новая повесть о преславном Российском царстве...»¹²² По мысли автора, он предназначался для широкого распространения среди населения: «И кто сие письмо возьмёт и прочтёт, и он бы его не таил, давал бы, рассмотря и ведая, своей братии, православным христианам, прочитать вкратце», — такими словами заканчивается «Повесть». Автор ярко рисует хозяйничанье захватчиков в Москве: «Сами все видите, какое гонение на православную веру и какое утеснение всем православным христианам от тех губителей наших и врагов ... Наш же брат, православный христианин, видя свое осиротение и беззаступление и их, врагов, великое одоление, не смеет иной и уст своих отверсти, боясь смерти, даром отдаст свое имущество и только слезами обливается» и т. д.

Обрушивается «Повесть» на бояр и других польских «доброхотов», которые предали Москву «жестокосердым врагам». Автор призывает своих сограждан не дожидаться слова патриарха, а начать действовать самостоятельно: «Аще ли ныне терпим, время длим, — сами от себя за свое пераждение и за недерзновение погибнем. Что стали? Что оплошали? Чего ожидаете и врагов своих на себя попускаете, и злему коренью и зелью даете в землю вкореняться и паки, аки злему горькому полюню распложатися?.. Аще и без его, патриарха, словесного

¹²² Дробленкова Н.Р. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность, М.—Л., 1960.

повеления и ручного писания, по своей правде дерзните на них, злых ... врагов победите ... и всех нас от них, врагов, избавите, — не будет от него на вас клятва и прещение, паче же вслие благословение». Таков был пламенный призыв известного московского патриота встать на защиту родины.

СОЖЖЁННАЯ МОСКВА

«Боярская наглая измена» и намерения оккупантов стали явными народу не сразу. Но призывы падали на подготовленную почву. Поверить в то, что творится, россиянам, даже после всех превратностей гражданской войны, было трудно. Но как только люди поняли, что иноземные войска в Кремле вовсе не слуги будущего царя православного, а передовой отряд интервентов, смятение в головах большинства россиян удивительно быстро улеглось. Только в декабре 1610 г. погиб Лжедмитрий II, а уже в январе 1611 г. по городам и весям поднималось всенародное ополчение для «очищения» Москвы от общего для православных россиян неприятеля.

Видная роль в организации народной борьбы принадлежала Прокопию Ляпунову. Совместно с князем Д.М. Пожарским он во второй половине 1610 г. успешно защищал Рязанский край от интервентов. В конце года он стал призывать к открытой борьбе с оккупантами в Москве. Народное движение одновременно возродилось в Нижнем Новгороде и Ярославле. Быстрота, с какой в различных местах формировались народные ополчения, свидетельствует о том, что народ был готов к открытой борьбе с интервентами и московскими изменниками.

В феврале 1611 г. началось движение вооруженных отрядов к Москве. В народном ополчении были представлены разные

слои общества. Здесь были дворяне и дети боярские, приборные служилые люди (стрельцы и казаки), крестьянско-посадские отряды из «охочих» и даточных людей, много «вольницы». Движение народных ополчений к Москве для борьбы за ее освобождение от интервентов показало, что во мнении широких масс представление о независимости и могуществе «Российского царствия» было неотделимо от представления о Москве как центре государства, его «царствующем граде».

Масштаб народного движения не был тайной для интервентов. Всеми зависевшими от них мерами они пытались его парализовать. В Москве они стали держаться крайне настороженно. Были приняты строгие меры полицейского характера. Из кремлевских ворот, выходивших в Китай-город, одни были заперты, другие отворялись лишь наполовину, и по обеим сторонам «тех утесненных врат» стояла вооруженная пешая и конная стража, держа, по выражению современника, «против самых шей наших и сердец то своё оружие в руках своих», показывая «всем нам живую и явную смерть». В полузакрытых воротах происходила давка, «и шум, и визг, и крик». Уличные решетки, которые запирали на ночь от лихих людей, были сломаны во избежание использования их для баррикад. Проезжавшие в город возы подвергались обыску из опасения, нет ли в них оружия.

Русским запрещено было носить при себе ножи, сабли и другое оружие. У купцов отнимали выставленные на продажу топоры; отбирали топоры даже у плотников. Запрещено было продавать мелкие дрова, из опасения, что народ станет применять их в качестве оружия. Движение по улицам ночью было ограничено. Все это крайне раздражало народ. По адресу польско-литовских шляхтичей нередко слышались прямые угрозы: «Уже и теперь ... нет нам воли; что же будет, когда на-

берется поболее этих лысых голов? По всему видно, что они хотят быть нашими господами. Но мы их проучим!»

По мере того как ширились слухи о приближении народных ополчений, возбуждение в Москве росло. Ежеминутно можно было ожидать восстания. В феврале 1611 г. между московскими «черными людешками» и поляками произошло кровавое столкновение. Шляхтичи поручили своим пахолкам (слугам) купить на рынке овса. Один из поляков приказал отмерить несколько бочек и хотел заплатить столько же, сколько платили русские. Торговец потребовал вдвое дороже. Поляк выхватил саблю, но тут сбежалось человек 40 или 50 русских, вооруженных дрекольем. Вмешалась польская стража, находившаяся у Водяных ворот, произошло ожесточенное столкновение. С обеих сторон были убитые. Поляки обратились в бегство.

Весть о столкновении облетела население предместий и Белого города, откуда сбежались толпы народа. Посланные от бояр из Кремля дворяне были прогнаны толпой. Явился Гонсевский и начал призывать народ к спокойствию, упрекая его в измене присяге и непочтительном отношении к королю и королевичу, угрожая кровопролитием. В ответ понеслись крики: «Полно врать! Мы без ружей и дубин побьем вас колпаками! ... Убирайтесь отсюда и очистите наш город!» Только угроза расправиться с непокорными и их семьями заставила народ разойтись по домам, «скрывая в душе злые умыслы».

Особенно московское население было озлоблено против главных пособников интервентов и изменников родине: «злого человекадного волка» боярина М.Г. Салтыкова, «окаянного и треклятого» Ф. Андропова, думного дьяка И. Грамотина и других польских «угодников», «первенцев Сатаниных», как их называет «Новая повесть». Был случай, когда толпа москвичей устремилась в Кремль, требуя выдачи этих изменников. На-

чальник немецкого отряда Борковский ударил тревогу. Немцы бросились к оружию, и толпа отхлынула. Ежеминутно ожидая новой тревоги, интервенты повсюду завели лазутчиков.

Под давлением польского командования бояре и особенно «изменников предводитель и всей их злобе начальник» Салтыков стали требовать от Гермогена, чтобы он остановил движение ополчения к Москве. На это Гермоген ответил: «Будет вы пойдете все литовские люди из Московского государства, и я их благословляю отойти прочь; а будет вам стоять в Московском государстве, и я их благословляю всех против вас стоять и помереть за православную христианскую веру». Были приняты меры для прекращения сношений патриарха Гермогена с внешним миром. Только в Вербную субботу, 17 марта, патриарх был выпущен для традиционного «шествия на осляти».

Обычно эта процессия происходила при огромном стечении народа. Опасаясь, что в такой обстановке могут вспыхнуть беспорядки, польско-литовское командование приказало своим отрядам стоять в полной боевой готовности. «У нас бодрствует не стража, а вся рать, не расседывая коней ни днем, ни ночью», — записал Маскевич в своем дневнике. На этот раз опасения были преждевременны. Под влиянием слухов, что поляки хотят перебить безоружных людей, народ не явился на площадь. Торжество не состоялось.

Соответствовали слухи действительности или нет, — сказать трудно, но буря приближалась. Изменники бояре предупреждали захватчиков о предстоящем «избиении» их русскими и даже называли день восстания — вторник на Страстной неделе (19 марта). Они советовали не дожидаться прихода ополчения и первыми напасть на москвичей. 18 марта в Москве стало известно, что отряды ополчения находятся недалеко от столицы. Ополченцы просачивались в московские пригороды.

В числе первых проник в Белый город будущий освободитель Москвы князь Д.М. Пожарский; к Яузским воротам подошел И.М. Бутурлин; И. Колтовский со своим отрядом занял Замоскворечье.

К подходу ополчений москвичи хотели поднять восстание. Готовились саги с дровами, чтобы преградить улицы и лишить поляков возможности оказывать друг другу помощь, Гонсевский и начальник немецкого отряда Борковский издали приказ, чтобы никто из гарнизона не выходил из крепости. Поляки и немцы не снимали с себя военных доспехов. Сторожевые отряды оккупантов заняли Китай-город, огораживший подступы к Кремлю. Кремль и Китай-город спешно укрепляли. На башни втаскивали пушки. Польское командование приняло решение, не дожидаясь прихода ополчения, выступить ему навстречу и разбить по частям. Этот план не успели осуществить, так как события стихийно разыгрались в самой столице.

Цели и личные стремления участников ополчений были разными. Организующего центра у них не было. Многие, вооружаясь и выступая в поход, не знали, что такие же отряды собираются в соседнем городе или селе. Но исход войны был определенно предreshен. Россию во все времена можно было сколько угодно обманывать, но нельзя ни завосвать, ни (при самом горячем желании правительства) каким-либо образом передать под иноземную власть ее сердце — Москву.

Пример «в твердости разума своего крепкого и непоколебимого» князя Пожарского особенно знаменателен. Он защитил рязанские города от разбойного войска Сумбулова, выступившего под флагом Семибоярщины сразу после того, как вместе с Сапегой изменил Лжедмитрию II. Теперь Сумбулов был отправлен на юг, а Сапега — на север, с задачей заставить города присягнуть королевичу Владиславу. Сапегу разбил под

Александровой слободой князь Фёдор Волконский с переяславским и костромским ополчением. Оба князя, Пожарский и Волконский, насильственную присягу принять не могли. Но дальше действовали по-разному. Волконский, подобно Ляпунову на Рязанщине, продолжил сбор ополчения в Ростове. А всегда верный трою Пожарский поехал в столицу разобраться, кто там оказался «на Московском царстве».

Ранним утром 19 марта 1611 г. Дмитрий Михайлович проснулся в своих небогатых хоромах на Сретенке, возле Лубянской площади. Это был далеко не центр Москвы, не Кремль и не Китай-город, где древняя столичная знать вместе с поляками страшилась и ужасалась в ожидании ополчений разгневанных россиян. Властителям Москвы было чего бояться.

С юга на столицу двигались воины из Рязани, Зарайска, Пронска и других южных городов под командой Прокопия Ляпунова. К ним примкнули жители Калуги, отряды казаков со степного порубежья под предводительством князя Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого¹²³. Шли «на очищение Москвы» ратники князя Репнина из Казани и Астрахани, князя Мансурова из Галича, князя Литвина-Масальского из Муром, шагало городское ополчение Нижнего Новгорода. Шли ополчения из Муром и Владимира, Вологды, Романова и Костромы. Шли отряды казаков и астраханских стрельцов, входившие в ополчение князя М.В. Скопина-Шуйского.

Ополчением Суздаля командовал Артемий Измайлов, Ростова, Костромы и Переяславля-Залесского — князь Волконский, Ярославля — дворянин Воынский, Вологды и всего

¹²³ О роли казаков в «очищении Московского государства» см.: *Долгин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

Поморья — князя Василий Пронский, Козловский и дворянин Нащокин. С севера вел своих казаков атаман Андрей Просовский. Уже шевелилась Пермь, по приходу московских вестей должны были подняться и дальние земли. Но это засевших в Кремле уже не заботило.

Главным чувством московских изменников и интервентов был страх. Изменники призывали истребить москвичей прежде, чем те возьмутся за оружие. В городе было спокойно, купцы отперли лавки, пошла торговля, но власти показали всем свой страх, потащив на стены Кремля и Китай-города пушки. Тащить было тяжело. Поляки попытались призвать на помощь московских извозчиков, те их послали по известному адресу, началась драка, поднялся шум и крик.

Первыми не выдержали первы у наёмников, служивших прежде Скопину-Шуйскому, а при Клушине перешедших на сторону поляков. 8 тыс. закованных в латы наемников вышли на Красную площадь и набросились на ремесленников и торговцев. Убивали без разбора всех, кто попадался под руку, «на площади и в рядах и по улицам», грабили лавки и дома. Когда немцы ринулось на москвичей, поражая безоружных копьями, из ворот Кремля поскакала польская конница, рубя народ саблями. До 7 тыс. безвинных полегло на Красной площади и по Китай-городу. Загудел набат приходских церквей, поднимая московский люд.

Князь Пожарский, как и все москвичи, услышал набат и привычно схватился за оружие. Кроме военных холопов, ратников у него не было. Но неподалеку находился Пушкарский двор, а из ближайшей слободы спешили к центру столицы стрельцы. Наскоро собрав отряд служилых и вооружившихся посадских людей, Дмитрий Михайлович яростно атаковал бронированных убийц на улицах Белого города. В этом наступлении видна была воля опытного в городских боях воеводы.

«Русские, — вспоминал пан Маскевич, — свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнём. Мы кидаемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами. Мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, — они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих городков стреляют в нас из ружей, а другие, будучи в готовности, с кровель и заборов, из окон бьют нас из самопалов, кидают камнями, дрекольем».

Отряд Пожарского «втоптал» неприятеля обратно в Китай-город и укрепил свои позиции у церкви Введения на Лубянке. О его острожек — пискоро возведенное полевое укрепление — разбивались все атаки интервентов. У Яузских ворот успешно сражался отряд воеводы Ивана Матвеевича Бутурлина. На Тверской врага били искусные в боях стрельцы. Казачий голова Иван Андреевич Колтовский метким огнём пушек не позволил полякам переправиться в Замоскворечье и уже перенёс огонь артиллерии на Кремль.

«Мы не могли и не умели придумать, — говорит Маскевич, — чем пособить себе в такой беде». Тогда прибегли к последней мере. Кто-то из поляков закричал: «Жги дома!» Зажгли смолу и стали поджигать здания. Пожар заставил русских покинуть свои засады. Тем не менее поле битвы осталось за восставшими.

В отчаянии начальник польского гарнизона пан Александр Гонсевский приказал планомерно поджигать в Москве деревянные дома: «Видя, что исход битвы сомнителен, я велел поджечь Замоскворечье и Белый город в нескольких пунктах». Ночью польское командование, совместно с изменниками-боярами, выработало план: «не ожидая большой бури», выжечь Белый и Земляной город. Маскевич вспоминал, что «мы действовали

в сём случае по совету доброжелательных к нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться».

Осуществление этого мероприятия было поручено двум тысячам немцев, в помощь к которым были присоединены два полка польской конницы и отряд пеших гусар. Город горел всю ночь. «Пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских. Уже вся столица пылала. Пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и испускали такое зловоние, что Москву можно было уподобить аду ... Мы были тогда в безопасности: нас охранял огонь», — пишет Маскевич, сидевший в Кремле. Почти весь Белый город выгорел. В укреплениях Китай-города интервентам пришлось самим побороться с огнем, но и Пожарский сумел отстоять от огня Лубянку и Сретенку.

Со своей стороны, москвичи использовали ночь, чтобы укрепиться в Чертолье, ещё не пострадавшем от пожара. Там в угловой башне стены Белого города расположился отряд стрельцов из 100 человек. На следующий день сражение возобновилось с новой силой. В среду 20 марта, за два часа до рассвета, из трех ворот Кремля одновременно выехали отряды поджигателей. Посад был подожжен в нескольких местах. Пламя сплошным морем охватило скученные деревянные постройки и, раздуваемое сильным ветром, быстро распространилось во все стороны. Ночью было светло, как в ясный день. Стрельцы с треском рушились. В тесных улицах, охваченных пожаром, шло избиение беззащитных жителей; отовсюду неслись вопли убиваемых, плач и крики женщин и детей.

Поляки наступали, укрываясь за стеной огня, который ветер гнал прямо на Замоскворечье. Колтовский и замоскворецкие стрельцы отступали перед стихией. С тыла, из-за Земляного города, их атаковал подошедший к Москве польский полк Николая

Струся, который к вечеру соединился с комендантом Москвы Александром Гонсевским. Между тем князь Пожарский продолжал обороняться во Введенском острожке. Сосредоточив силы, неприятель навалился на укрепление Пожарского. Князь бился в течение всего дня, не давая жечь эту часть города: наконец, «изнемогши от великих ран, пал на землю». Тяжело раненного в голову князя холопы вынесли из пылающей Москвы. Дмитрия Михайловича доставили в Троице-Сергиев монастырь, а позже перевезли в родовое село Мугреево, между Шуей и Нижним Новгородом (ныне в Южском районе Ивановской области).

В последующие дни поляки и немцы продолжали жечь уцелевшую от огня часть города. «Смело могу сказать, — говорит тот же Маскевич, непосредственно участвовавший в поджигательстве, — что в Москве не осталось ни кола ни двора».

НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК

Враг на время и страшной ценой победил. До тяжело раненного Пожарского доходили вести, что уже через пару дней к оставшемуся от Москвы пепелищу подошли крупные конные, а затем и пешие отряды ополчения. После упорных боев враг был «с поля сбит». В ночь на 6 апреля россияне взяли почти все укрепления Белого города, заперев неприятеля в Кремле и Китае.

Разнородные отряды Первого ополчения объединились под командой очень разных по характерам и взглядам людей: боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, казачьего атамана Ивана Мартыновича Заруцкого и думного дворянина Прокопия Петровича Лягунова. Они возглавили «Совет всея земли» для восстановления законной власти в стране, учреждали центральные ведомства-приказы.

Однако летом 1611 г. вести становились все тревожнее. После 20-месячной героической обороны от поляков пал Смоленск. Король Сигизмунд не скрывал своих намерений занять Московский престол. «Совет всяя земли» обещал казакам земли и денежные оклады (которых не хватало дворянам и стрельцам). Только Прокопий Петрович Ляпунов крепко стоял против грабежей, требовал исключить из казаков и вернуть хозяевам беглых крестьян и холопов. Разгневавшие на воеводу казаки, получив из занятого интервентами Кремля подложную грамоту Ляпунова с призывом «бить и топить» казаков-разбойников, изрубили оклеветанного вождя.

Первое ополчение неотвратимо распадалось. Большая часть дворян покинула войско. На севере холоп Иван Шваль сдал шведам Новгород, а местные власти вели переговоры о призвании на царство шведского королевича¹²⁴. Шведы растеклись по русской земле, но на востоке их натиск уперся в твердыню Соловецкого монастыря, а на западе — в мощные стены Пскова и Печерский монастырь. В земском войске под Москвой начался голод, многие брели из него по домам. Однако интервенты и изменники рано радовались.

Пётр Сапега, пришедший в середине лета с подмогой и припасами для осажденных, опрометчиво устремился к Кремлю через Покровские ворота Белого города, над которыми ещё с апреля развевалось знамя князя Фёдора Ивановича Волконского. Из Кремля на вылазку столь же опрометчиво пошел Александр Гонсевский. Оба были побиты и отступили с уроном. Вразумившись, Сапега на другой день прошёл в Кремль с незащищенной стороны, через Москву-реку, а Гонсевский отыгрался на казаках, отбив у них несколько башен Белого города. Впрочем, бой с Волконским не прошел Сапеге даром: недолго проболев, он в Кремле и умер.

¹²⁴ *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). Юрьев, 1913; и др.

Осенью к Москве пришел литовский гетман Ян-Карл Ходкевич с восводой Яном Потоцким и искушенными в битвах хорутвями. Правда, в них насчитывалось едва 2000 человек. Уже к зиме князь Волконский беспрерывными атаками на польский лагерь и отряды фуражиров заставил неприятеля отступить от Москвы. Но нашествие Ходкевича крайне обеспокоило россиян. 6 октября духовные власти Троице-Сергиева монастыря призывали всех православных без промедления спешить на подмогу ополчению.

«Пришел к Москве, — писали троицкие монахи, — а литовским людям на помощь Ходкевич ... чтоб ... к боярам, восводам и ратным людям, которые стоят за православную христианскую веру, никаких запасов не пропустить и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную погибель. А бояре, восводы и всякие ратные люди стоят под Москвою крепко и неподвижно, хотят за православную христианскую веру по своему обещанию пострадать и смертью живот вечный получить. А каширяне, калужане, туляне и других замосковных городов дворяне, и дети боярские (младший дворянский чин. — А.Б.), и всякие служилые люди к Москве пришли. А из северских городов Юрий Беззубцев со всеми людьми идет к Москве же наспех. А на другой стороне (от Москвы) многих городов дворяне, и дети боярские, и всякие служилые и ратные люди собираются теперь в Переяславле Залесском и хотят идти к Москве же».

Получили эту грамоту и в Нижнем Новгороде. В городах Поволжья давно была установлена своя собственная выборная власть, а московская и казацкая не признавалась. Вот что писали казанцы в Пермь после убийства Ляпунова: «Митрополит, мы и всякие люди Казанского государства согласились с Нижним Новгородом и со всеми городами поволжскими ... с татарами и луговою черемисою (марийцами. — А.Б.) на том, что нам быть всем в совете и соединенье, за Московское и Казанское государ-

ство стоять, друг друга не побивать, не грабить и дурного ничего ни над кем не делать ... Новых воевод, дьяков, голов и всяких приказных людей в города не пускать и прежних не переменять ... Казаков в город не пускать же. Стоять крепко до тех пор, пока Бог даст на Московское государство государя. *А выбрать бы нам на Московское государство государя всю землю Российской державы.* Если же казаки станут выбирать государя по своему изволению, одни, не согласившись со всею землею, то такого государя нам не хотеть (выделено мной. — А.Б.)».

Последняя фраза говорила о реальной опасности для граждан Поволжья. Одно дело было закрывать ворота перед авантюристами и спокойно ждать, когда «Бог даст на Московское государство государя», когда ополчение победит и грядут всенародные выборы. Совсем другое — дожидаться, когда казаки возьмут Москву и посадят на престол своего казацкого царя. Ко времени получения грамоты из Троицы в Нижнем Новгороде было хорошо известно, что Трубецкой и Заруцкий, с одной стороны, признают «царем Дмитрием» явившегося на Псковщине самозванца, с другой — склонны посадить на престол младенца, сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II. Не менее страшно было ожидать, что будет, если победят поляки ...

Но страшиться было привычно, а начать действовать — страшнее вдвойне. Троицкую грамоту за подписью архимандрита Дионисия с братией читали в Нижнем Новгороде власти: духовенство, воеводы князь Василий Андреевич Звенигородский и Андрей Семенович Алябьев, стряпчий Иван Иванович Биркин, дьяк Василий Семёнов и выборные земские старосты. Среди последних слушал грамоту мясной торговец Кузьма Минин Сухорукий. Видя, что никто ничего решать не хочет, Минин воскликнул: «Святой Сергей явился мне во сне и приказал возбудить усопших! Прочтите грамоты Дионисиевы в соборе, а там что будет угодно Богу».

Стряпчий Биркин возражал, что негоже привлекать к делу народ, но Минин добился своего. На другой день протопоп Савва огласил грамоту в соборе и увещевал нижегородцев постоять за веру. Народ воодушевился; Минин немедленно конкретизировал призыв: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом — кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником».

Этот призыв всколыхнул народ, но до дела было ещё далеко. Земский староста организовывал сходку за сходкой, рассказывая о нависшей над всеми опасности.

— Что же нам делать? — спрашивали нижегородцы.

— Ополчаться! Сами не искусны в ратном деле, так станем клич кликать по вольных служилых людей.

— А казны нам откуда взять служилым людям?

— Я убогий с товарищами своими, — говорил Минин, — всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей. Брали третью деньгу: у меня было 300 рублей и я 100 рублей в сборные деньги принес, то же и вы делайте!

— Будь так, будь так! — кричали нижегородцы и несли деньги Минину.

— Осталась я одна после мужа бездетна, — говорила одна вдова, — и есть у меня 12 000 рублей, 10 000 отдаю в сбор, а 2000 оставляю себе!¹²⁵

С помощью тех, кто добровольно дал деньги, Минин начал вытрясать «третью деньгу» из самых прижимистых граждан. Но это было только начало. Для организации настоящего дела нужно было создать новую власть: призвать *походного воеводу*, назначить при нем *казначея* и сборщиков экстренных налогов.

¹²⁵ Подробно: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899; Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1612 гг. М., 1917 (перизд. М., 1939).

Именно Минин предложил нижегородцам кандидатуру воеводы князя Пожарского, к которому заранее посылал верных людей. Дмитрий Михайлович согласился далеко не сразу, опасаясь ввязываться в дело, которое легко могло оказаться авантюрой. Минин ездил к нему в Мугреево и договорился о гарантиях серьезности предприятия. По примеру Скопина-Шуйского, воевода и староста, князь и купец единодушно положились на профессиональное войско, для создания которого была необходима солидная финансовая основа.

Князь любезно принял официальную делегацию лучших людей Нижнего Новгорода во главе с печерским архимандритом Феодосием и дворянином Жданом Петровичем Болтиным. Но поставил одно неперемennое условие: он возглавит ополчение, *если за казну будет отвечать Кузьма Минин*. Нижегородцы вернулись домой и били челом Минину. Тот тоже выставил условие: «Соглашусь, если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги».

Нижегородцы согласились и подписали составленный Мининым документ, согласно которому сбор установленных старостой налогов обеспечивался всеми средствами, вплоть до того, что неплательщиков обязывали продавать в рабство детей и жен. Очень скоро некоторые убедились, что это не простые слова, а многие пожалели, что подписали приговор. Но было поздно. И собранные наспех деньги, и документ Кузьма Минин отправил Дмитрию Михайловичу Пожарскому. А тот энергично использовал деньги на сбор ратников и явился в Нижний Новгород с небольшим, но боеспособным, готовым поддержать порядок войском.

Это была хорошо подготовленная и блестяще выполненная операция. На коротком пути от Мугреева до Нижнего Новгорода к князю присоединились смоленские, вяземские и дорогобужские дворяне и служилые люди. Потеряв свои земли

на западе, эти профессиональные военные были помещены в Арзамасском уезде и дворцовой волости Ярополчине. Но оттуда их изгнали казаки Заруцкого. Очевидно, что воины «сошли» (встретили) Пожарского в пути по заранее достигнутой договоренности. Князь поддержал их деньгами, а в Нижнем они немедленно получили денжное жалованье.

Подкрепив патриотический порыв нижегородцев реальной военной силой, Пожарский и Минин нанимали на службу все новые отряды. Вскоре финансовые возможности Нижнего Новгорода были исчерпаны. Но направленные в другие города воззвания постепенно расширяли базу ополчения. Грамоты за подписью Пожарского констатировали, что долгая «междоусобная брань в Российском государстве» кончилась печально. «Усмотря между нами такую рознь ... польские и литовские люди умыслили Московское государство разорить, и Бог их злокозненному замыслу попустил совершиться».

— Видя такую их неправду, — продолжал диктовать Дмитрий Михайлович, — все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем, православным христианам, в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям.

— Изю всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадой, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, из-за грабежей и похищения. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее.

— Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовскими и поволжскими, собрались со многими ратными людьми ... идем все головами своими на помощь Московскому государству ... и ... всякие люди Нижнего Новгорода, посовествовавшись между собою, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалование им в подмогу дать и послать на помощь Московскому государству.

— И вам бы, господа ... идти бы теперь на литовских людей всем вскорс. Если вы, господа дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков ... каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться; как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы всею землею о том совет учиним и дурна никакого вора делать не дадим ... Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том ... что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля¹²⁶.

Пожарский показывал дворянству и купечеству выход из кошмара иноземной и казачьей власти. Служилые люди к нему пошли, а из городов, вслед за приезжающими в Нижний выборными представителями земской власти, хлынул поток денег. На них закупались тяжелое вооружение, снаряжение и припасы, платилось жалование дворянам, стрельцам, пушкарям, «добрым» казакам, добровольцам из посадских людей, «даточным людям», мобилизуемым из крестьян, отрядам татар и других народов Поволжья.

Воинство было строго российским: пожелавшим присоединиться к Пожарскому иноземцам ответили, что «наемные люди

¹²⁶ Грамоты изданы: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). Т. II. СПб., 1836. См. также: Грамоты и отписки 1611—1612 г. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1862. Вып. 1. Материалы. № 6 и сл.

из иных государств нам теперь не надобны ... мы ... служим и бьемся за святые Божии церкви, за православную веру и свое Отечество».

Дмитрий Михайлович продолжал формировать и обучать войско в Нижнем до начала марта 1612 г., когда пришли вести, что отряды Заруцкого, занявшие уже Суздаль, идут к Ярославлю. Туда спешно направили двоюродного брата воеводы, князя Дмитрия Петровича Лопату-Пожарского с конницей. Он успел занять город раньше казаков Заруцкого. 23 февраля за ним двинулось главное войско, хотя денег на выплату ему «подъемных» не доставало. Положение спас Минин, собрав 5207 рублей с торговавших в Нижнем иногородних купцов, не побоявшись при этом «обидеть» экстренным налогом даже всесильных Строгановых.

На марше войско росло. В Балахне и Юрьеве-Поволжском и Кинешме Пожарский принимал на службу новые отряды, а Минин — деньги, собранные по его велению местными властями. В Костроме воевода Иван Шереметев был на стороне королевича Владислава, но народ восстал и город перешел на сторону ополчения. Пожарский, сам некогда отбивавшийся от посадских людей в Зарайске, пожалел воеводу и спас его от гнева разъяренных граждан.

ЗЕМСКИЙ ВОЕВОДА

В начале апреля в Ярославле был создан новый «Совет *всей земли*» во главе с Пожарским и Мининым. В него входили представители духовенства и Боярской думы, земские выборные от дворянства и посадских людей. «Вам бы, господа, — говорилось в рассыласмых по городам грамотах ополчения, — ... советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее

конечное разоренье быть не безгосударным ... И по всемирному совету пожаловать бы к нам: прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человек по два и с ними совет свой отписать за своими руками (подписями. — А.Б.)».

Выбор по два представителя от каждого уезда был типичен для организации Земского собора. Но собрать в Ярославле достаточно представительный Собор, тем более избирать на нем государя, было, конечно, нельзя. Множество городов оставалось под властью воевод, поставленных изменниками-боярами или подмосковным казацким ополчением. Другие, например южные порубежные уезды, откликнулись на призыв Пожарского и выслали рати к Москве, но находились далеко, за районом активных боевых действий. Наконец, немалая часть местных властей ещё раздумывала, как бы половчее использовать потребность ополчения в помощи и выгадать для себя особое положение.

Примечателен пример Казани, старейшего и, как думали Минин и Пожарский, вернейшего союзника Нижнего Новгорода. Казанцы до тех пор активно увещевали другие города постоять за общее дело, пока не понадобилось посылать казну и ратников в Нижний Новгород. Тщетно откладывал Пожарский выступление в поход по Волге, ожидая от них подмоги. Прибравший к своим рукам власть в городе дьяк Никифор Шульгин посчитал, что негоже царственной Казани подчиняться нижегородцам. В этом сго укреплял перебравшийся в Казань из Нижнего давний противник замыслов Минина Иван Биркин. Но казанские жители хотели участвовать в «очищении» Москвы. Тогда именно Биркин самолично повел ополчение в Ярославль, рассчитывая занять видное место в «Совете вся земли». Допустить этого Минин и Пожарский не могли. В результате Биркин демонстративно покинул Ярославль и увел за собой большую часть казанских ратников.

При создании «Совета вся земли» проявилось качество Пожарского, без которого Второе ополчение не могло бы состояться. Обладая властью фактически, он вопреки древней традиции спора «о местах» признал все притязания знати на первенство. Составленную в Ярославле 7 апреля 1612 г. Соборную грамоту о создании *Всенародного ополчения* и Совета Пожарский подписал десятым (Волконский — шестым, а Минин — пятнадцатым)¹²⁷. Впрочем, местнический счет не был строго соблюден: ниже неграмотного Минина (за которого расписался Пожарский) поставили подписи ещё 34 человека, включая несколько князей.

Не отказал князь в чести Заруцкому и Трубецкому, которые признали невозможность выбора царя без «Совета всей земли» и предложили свой «совет и соединение». Доверия к казакам не было, но Пожарский уверил их предводителей, что спешит им на помощь. Он не разорвал союз даже тогда, когда подсланные из подмосковного стана казаки попытались его убить; более того, изблещенным убийцам князь лично испросил помилования. Единственной мерой предосторожности было решение Совета по прибытии под Москву беречься от смешивания своих отрядов с людьми Трубецкого и Заруцкого.

Но города, занятые их войсками, надо было освобождать. Суздальцы просили защиты от бесчинств казаков атамана Провосецкого; к ним Пожарский послал второго своего двоюродного брата, князя Романа Петровича. В мае отряд Лопаты-Пожарского разгромил верных Заруцкому казаков в Пошехонье. Для защиты от них Переяславля-Залесского по просьбе граждан выступил из Ярославля воевода Иван Наумов. Земские воеводы шли в Тверь, во Владимир, где сидел с отрядом Первого ополчения Артемий Измайлов, в Ростов, Рязань, Касимов и другие города. Шведская угроза заставляла укреплять Каргополь, Белоозеро, Устюжну и

¹²⁷ ААЭ. Т. II. № 203; Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения. С. 124–136.

даже Углич, который сначала ещё пришлось очистить от казаков. Все эти военные заботы не отменяли необходимости пополнять, вооружать, обучать и содержать главные силы освободительной армии в Ярославском уезде.

Точных данных о них мы не имеем. Одни историки полагают, что Пожарскому удалось собрать от 20 до 30 тыс. человек, в том числе около 10 тыс. дворянской конницы, до 3 тыс. казаков и около 1 тыс. стрельцов. Другие исчисляют всё Второе ополчение в 10 тыс. человек. В любом случае Дмитрий Михайлович не надеялся взять числом: денег и припасов постоянно не хватало. Для управления охваченной Земским ополчением территорией при «Совете вся земли» был создан Поместный приказ, позволявший наделять оскудевших дворян поместьями, приказ Казанского дворца и Новгородская четверть для управления и сбора средств в Нижнем Поволжье и на Русском Севере.

На северо-восточные уезды возлагались наибольшие надежды. Пожарский неустанно слал грамоты в Соль-Вычегодскую, Пермь, Верхотурье, Устюг и даже в Тобольск с требованием денег и припасов. «Присылайте к нам в Ярославль денежную казну, что есть у вас ... в сборе, ратным людям на жалованье. Поревновать бы вам, *гостям* (богатым купцам. — А.Б.) и посадским людям, чтобы вам промеж себя обложить, что кому с себя дать подмогу ратным людям. Тем бы вам ко всей земле совершенную правду и радение показать, и собрав с себя те деньги, прислать к нам в Ярославль тотчас».

Плачевное состояние казны заставляло требовать решительных мер. Например, в грамоте на Верхотурье от 26 мая повелевалось силой отнимать товары у торговых людей из городов, не сделавших довольного вклада в земскую казну. Вклад годился всякий. Кроме денег и хлеба Минин принимал муку, овес, толокно, сухари, крупу, соленую свинину и т.п.

Пожарский тем временем должен был ещё управляться с распрями в самом «Совете», среди своих воевод и начальных людей. Известный летописец Смуты келарь Троице-Сергеева монастыря Авраамий Палицын¹²⁸ увидал в ярославском окружении Пожарского мятежников, ласкателей и трапезолюбцев, воздвигавших гнев и свары между воеводами и во всем воинстве. Дмитрий Михайлович, если верить Авраамию, якобы был бессилен установить лад в ополчении. Потому он призвал в качестве третейского судьи бывшего ростовского митрополита Кирилла (давно уступившего свое место српахиального архиерея Филарету Никитичу Романову и жившего в Троице на покое). Однако и тому не удавалось примирить враждотворцев.

Мы не можем ни обойти это суждение, ни принять быгующий в литературе вывод, что Пожарский не был настоящим вождем, «не имел таких качеств, которые бы внушали к нему всеобщее повиновение». Да, Дмитрий Михайлович сам говорил, что есть вожди достойнее его: «Был бы у нас такой столп, как Василий Васильевич (Голицын), все бы его держались и слушались, а я бы к такому великому делу мимо его не принялся. Меня к тому делу насильно приневолили бояре и вся земля».

Но В.В. Голицын был у польского короля в плену, а говорил Пожарский с послами Великого Новгорода, которых не мог своим авторитетом заставить отказаться от защиты шведов и ввергнуть сограждан в огонь гражданской войны. Князь со всеми держался мягко и обходительно. Единственными ярко проявляемыми им качествами были скромность и *абсолютное бескорыстие*: он, как и Минин, не принимал никаких подарков и даже не получал жалованья.

Мог ли иной вождь удерживать вместе ратников и воевод, многие годы воевавших на разных сторонах в Гражданской

¹²⁸ Сказание Авраамия Палицына. М.-Л., 1955.

войне и ныне сошедшихся защищать святое, но лично не такое уж выгодное дело: не поддерживать очередного претендента, а обеспечить право выбора царя «всей земле»? И не очевидно ли, что тихий, мягкий и скромный Пожарский на деле справился со своей задачей блестяще, если историки не знают *ни одного случая неповиновения* его приказам?

Само использование известного святой жизнью митрополита в качестве третьей стороны следует рассматривать как проявление мудрости, а не слабости Пожарского. Возвышение троицкого инок Кирилла могло не нравиться честолюбивому троицкому келарю, но это не значит, что мы должны некритично принимать оценки Авраамия. Его, как и вообще властей Троице-Сергиева монастыря, крайне раздражала медлительность Пожарского, не спешившего по призыву монахов бросаться очертя голову к Москве.

Если смотреть на дело глазами князя Дмитрия Михайловича, то он не имел возможности действовать поспешно. Под Москвой осталось очень мало дворян, зато было полно авантюристов, способных увлечь его сборное войско различными действительными или мнимыми выгодами, если князь не приведёт монолитные, крепкие, довольные службой и жалованьем полки. Минину требовалось дать время на сбор необходимых средств. А Пожарский просто не мог позволить себе потерпеть поражение от поляков или казаков, поскольку все средства снабжения из городов и уездов выжимались Мининым досуха.

Сципион «кунктатор» стал победителем Ганнибала именно благодаря своей «медлительности». Пожарский не менее разумно использовал промедление. Пока он собирал силы, поляки и бояре в Кремле голодали, а казаки под Москвой и шляхтичи в королевском лагере ссорились до драки. Король Сигизмунд был не прочь занять Московский престол, но сомневался в своих силах обуздать гражданскую войну, которая жгла уже

саму Польшу. Разгулявшись на Руси, шляхта буйствовала и в Речи Посполитой; Пожарский ещё стоял под Ярославлем, когда 7 тыс. оставшихся без вождя ратников Сапеги составили конфедерацию и ушли из Москвы домой, грабить королевские имения, возмещая себе невыплаченное жалование.

Король препирался со шляхтой на сейме и не пошел к Москве. Лишь смоленский губернатор Яков Потоцкий в мае послал туда на смену Александру Гонсевскому полковника Николая Струся с 3 тыс. ратников. Тогда и литовский гетман Ян Карл Ходкевич, более полугода простояв без дела, двинулся к Москве с запасами для гарнизона, величайшими усилиями набрав 12-тыс. войско из сбродной польской и литовской шляхты, 15-ти хоругвей королевской конницы, отрядов пехоты и 8-ми тыс. украинских казаков.

Давняя вражда Потоцкого к Ходкевичу мешала объединению усилий неприятеля. Племянник Потоцкого Струсь задержал поход гетмана на 4 недели, но так и не объединился с ним. В начале июня 1612 г. Струсю удалось войти в Кремль, а Ходкевич доставил гарнизону продовольствие, но это был последний успех интервентов. Оголодавший гарнизон мигом расхватал доставленные припасы. По требованию Струся Гонсевский передал ему командование. Напрасно Ходкевич защищал Гонсевского, обещал гарнизону скорый приход короля, умолял Сигизмунда выступить в поход и собрать для войска жалованье.

Предвидя плачевный исход завоевания, Александр Гонсевский и множество его сторонников покинули Москву. В Кремле и Китай-городе осталось лишь войско Струся и часть ратников Сапеги под командой хорунжего Будилы. В залог будущего жалованья им были выданы драгоценности из царской сокровищницы (короны, скипетры, бармы, облачения и т. п.). Бояре, хоть и утеснённые в своей власти, готовы были расплачиваться с оккупантами чем угодно, лишь бы те продолжали их защищать.

Ходкевич уже понимал, что раньше зимы Москва королевских знамен не увидит, а прокормиться в ней интервенты не смогут. Чтобы удержать Москву, гетман должен был любой ценой собрать и доставить поредевшему гарнизону продовольствие. Он отступил на запад и разослал повсюду буйные отряды фуражиров, которые в поиске не разорённых сел сражались с казаками и отрядами ополчения, а в Новгородской земле — даже со шведами (коиными были разбиты).

В свою очередь Пожарский одарил и ободрил ратников, по его призыву пришедших к Москве с южных рубежей, и послал к столице два конных отряда с задачей укрепиться в западной части города, на вероятном пути Ходкевича, обязательно отделив от казаков. Расчёт был верным: в «острожке» отряда М.С. Дмитриева смогли укрыться от нападения казаков южно-русские ратники, а отряд Д.П. Лопаты-Пожарского обратил в бегство бросившихся на него воинов атамана Заруцкого.

Казачий предводитель терял почву под ногами. Укрепившийся было в Пскове самозванец, на которого он рассчитывал и которым так пугали Пожарского троицкие монахи, был схвачен псковичами и вскоре убит. Окончательно сделав ставку на сына Марины Мнишек и рассорившись с Трубецким, Заруцкий ушёл в Коломну, где жила Марина. Но больше половины казаков осталось с Трубецким, который высказывался за союз с Пожарским. Тогда Заруцкий разорил Коломну и бежал в рязанские края, надолго сойдя с политической авансцены.

26 июля 1612 г. главные силы Земского ополчения выступили из Ярославля. Шли медленно, подстраиваясь под скорость движения тяжелой стенобитной артиллерии и большого обоза с запасами, необходимыми в разоренных окрестностях столицы. Поджидали в условленных местах подкрепления, посылали «по вестям» отряды для изгнания неприятеля из ближних и дальних городов. Троицкие монахи усердно слали грамоты,

торопя наступление на Москву. Пожарский не отказывался, но находил благочестивые предлоги двигаться достаточно медленно, чтобы по дороге собирать и обучать войска, а также «очищать» государство.

Отойдя от Ярославля на семь верст, князь передал командование князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину. Он разослал по городам грамоты с призывом направлять отряды и казну в Ростов, а сам удалился в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь помолиться у гробниц предков. Когда войско отстоялось и пополнилось в Ростове, Пожарский прибыл в город и молился в Борисоглебском монастыре. Придя в Переяславль, ополчение вновь отдыхало и принимало в свои ряды местные отряды. Здесь Пожарский провел переговоры с посланниками Трубецкого, просившими поспешить к столице для обороны от Ходкевича.

Князь одарил посланников, направил к Москве подмогу и обещал выступить немедленно. Он выполнил обещание, хотя оборона подвластной «Совету всей земли» территории требовала посылать отряды вплоть до Архангельска. 14 августа 1612 г. ополчение уже стояло под Троице-Сергеевым монастырем. Здесь была последняя остановка на пути к столице, здесь Пожарскому и Минину пришлось выдержать последний спор с командирами, опасавшимися, что князь будет убит казаками подобно Ляпунову, а Второе ополчение ждет судьба Первого.

Часть казаков из лагеря Трубецкого пришла к Троице и, поклявшись верно служить Земскому делу, влилась в ополчение. Но большинство не желало отказываться от вольницы и готово было защищать её с оружием в руках. Земские ратники успокоились, лишь получив уверение, что они ни за что не встанут в одном лагере с казаками, а вождь их не поедет к Трубецкому.

Сомнения и колебания ополчения замечательно характеризует сцена выступления войска от Троицы 18 августа, опи-

сапная С.М. Соловьевым: «Отпевши молебен у чудотворца, благословившись у архимандрита, войска выступили, монахи провожали их крестным ходом, и вот, когда последние люди двигались на великое дело, сильный ветер подул от Москвы навстречу ополчению! Дурной знак! Сердца упали; со страхом и томлением подходили ратники к образам Святой Троицы, Сергия и Никона чудотворцев, прикладывались ко кресту из рук архимандрита, который кропил их святою водою. Но когда этот священный обряд был кончен, ветер вдруг переменялся и с такою силою подул в тыл войску, что всадники едва держались на лопадах, тотчас все лица просияли, везде слушались обещания: помереть за дом Пречистой Богородицы, за православную христианскую веру»¹²⁹.

При подходе к Москве Трубецкой не раз посылал звать Пожарского к себе. Ответ воеводы и ополчения был один: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками!» 20 августа Трубецкой, смирив гордыню, лично встретил Пожарского и просил объединить силы в одном лагере, но получил решительный отказ. Казаки оскорбились, однако Земское ополчение беспрепятственно заняло отчасти уже обустроенные передовыми отрядами позиции по широкой дуге западной части Белого города от Алексеевской башни на Москве-реке до Петровских ворот.

Главные силы Пожарского и Минина сосредоточились у Арбатских ворот, на кратчайшем пути к Кремлю от Смоленской дороги. Они немедленно занялись укреплением своих позиций острожками и сплошным глубоким рвом. Казаки, засевшие в Замоскворечье и по восточной части Белого города, давно перекопали все рвами и траншеями, но всё равно просили подмоги. Опасаясь их «шатости», Пожарский вынужден был по просьбе

¹²⁹ Соловьёв С.М. Сочинения в 18 книгах. М., 1989. Кн. IV. С. 658—659.

Трубецкого послать к его Ставке у Крымского двора пять сотен конных дворян, ослабив своё воинство, имевшее, за вычетом гарнизонов в разных городах и рейдовых отрядов, едва 10 тыс. ратников¹³⁰ и в основном малоопытных воевод.

ОСВОБОДИТЕЛЬ МОСКВЫ

Литовский гетман Ян-Карл Ходкевич нисколько не сомневался в превосходстве своих сил: 12 тыс. отличных воинов, да ещё около 3 тыс. в гарнизоне Кремля. Сам гетман имел опыт службы в испанской армии и одержал ряд славных побед над шведами. Вечером 21 августа 1612 г. он осмотрел расположение противника с Поклонной горы и на следующее утро кратчайшим путем атаковал. На восходе солнца конница гетмана спустилась с Воробьевых гор, форсировала Москву-реку и схватилась с кавалерией Пожарского на равнине Лужников. В жестокой сече русские сотни и польские хоругви сместились на Девичье поле. Неприятель теснил ополченцев от Новодевичьего монастыря до валов Земляного города, наконец, ворвался в самую Москву.

Видя, что гетманская конница одолевает, Пожарский велел ополченцам спешиться. Огонь из острожков, из-за печных труб сгоревшего города остановил натиск вражеской кавалерии. Ходкевич бросил в бой пасмную пехоту числом до полутора тысяч человек. Русские, отстреливаясь, отступали до Чертольских и Тверских ворот Белого города. Им в тыл ударил полковник Струсь. Но против польского гарнизона стояли стрельцы, отразившие вылазку жестоким огнем. «Хорошо было, — оправдывался участник вылазки, — Москве биться с нами, наевшись хлеба, а наши с мая месяца терпели недостаток! Прежде, когда хлеба

¹³⁰ Даже из этого числа ряд историков около 2500 человек относит к войску Трубецкого.

вдоволь было, и Москва нам не страшна была; а теперь не то что руки, и ноги не слушали, чтоб бегать».

Прорываясь через развалины к центру Москвы, Ходкевич игнорировал стоявших справа от него за рекой казаков Трубецкого. Те лишь смотрели на битву и насмехались над ополченцами: «Богаты пришли из Ярославля! Отсилятся от гетмана сами!» Но приданные им Пожарским дворянские сотни не могли смотреть на гибель своих товарищей — поскакали прямо через реку, нежданно ударили во фланг и тыл неприятеля.

Видя такое мужество, усовестились некоторые казачьи отряды, закричали Трубецкому: «От вапих ссор только гибель чинится Московскому государству!» Казаки четырех атаманов бросились в бой и ошеломили утомившегося неприятеля. После восьмичасового сражения гетман Ходкевич отвел свои силы в лагерь на Поклошней горе.

Ночью 600 гетманских гайдуков во главе с московским измешником Григорием Орловым прокрались вдоль реки, врасплох взяли острог у церкви Святого Георгия на Яндове и провели гонцов Ходкевича в Кремль. Но сам гетман наутро в бой не вступил, лишь переместил войска к Донскому монастырю для наступления на Замоскворечье. Эта медлительность стоила ему дорого. Вопреки раздору с казаками, Пожарский перебросил крупные силы в Замоскворечье.

Ополченцы заняли позиции на развалинах Земляного города, по которому на рассвете 24 августа пришелся первый удар Ходкевича. Земские воины и казаки были смяты спешившимися поляками. Те за несколько часов ожесточенного боя через рвы и траншеи прорвались по Ордынке до Пятницкой улицы. Но их остановил огонь из острожка у церкви Святого Климента. Бой среди развалин Замоскворечья разбился на отдельные очаги.

Гетман командовал наступлением на своём левом крыле, где полякам угрожала перешедшая реку конница Пожарского.

Земские ополченцы и здесь не устояли: поляки «втоптали» их в реку, так что сам воевода вынужден был отступить на другой берег. Тем временем правое крыло неприятеля под командой Конецпольского и украинского атамана Ширяя отбросило московских стрельцов. Успех на флангах позволил неприятелю усилить натиск в центре и, наконец, взять штурмом Климентовский острожек.

Вид неприятельского знамени на церкви Святого Климента озлобил казаков: они яростно контратаковали и отбили острожек, захватив вошедшие туда первые возы идущего к Кремлю гетманского обоза. Ни Пожарский, ни его воеводы не могли развить этот успех с утружденными и деморализованными ополченцами. Не видя подмоги, казаки закричали: «Что ж это?! Дворяне только стоят да смотрят, а нам не помогают! Они богатыся именьями, а мы босы, наги и голодны! Не станем биться за них!»

Множество казаков покинуло свои позиции. Полк венгерской пехоты гетмана вновь занял острожек. Командовавший польским центром полковник Неверовский с тремястами жолнерами (солдатами) уже пробился в Кремль, а Ходкевич подтянул 400 возов с продовольствием к церкви Великомученицы Екатерины на Ордынке. Тем временем Пожарский послал дворян во главе со своим двоюродным братом Дмитрием и духовенство под предводительством Авраамия Палицына уговорить казаков постоять против неприятеля. Красноречивый троицкий келарь в «Сказании» о Смутном времени приписал всю заслугу вразумления казаков себе.

«От вас, казаки, — говорил атаманам-молодцам Авраамий, — началось дело доброе; вам слава и честь; вы первые стали крепко за православную веру, претерпели и рапы, и голод, и паготу; слава о вашей храбрости и мужестве гремит в отдаленных государствах; на вас вся надежда; неужели же, братия милая, вы погубите все

дело?!» Так, пересходя от отряда к отряду, Авраамий (и, надо полагать, не он один) уговаривал казаков, и их настроение вновь переменялось.

— Хотим умереть за православную веру! — кричали одни.

— Мы пойдем, и не воротимся назад, пока не истребим вконец врагов наших! — возглашали другие.

— Спешим пострадать за имя Божие!

— Сергиев! Сергиев!

Толпы босых и нагих оборванцев схватили оружие и бросились на праздновавшего победу неприятеля. За казаками устремились пешие ополченцы. Враг в Климентьевском острожке был истреблен, поляки отступали, русские вновь занимали рвы и траншеи. Ходкевич не был разбит. Он лишь немного отвел воинов и велел готовить пищу. В полках Пожарского пели молебны за избавление Московского государства от гибели и давали обеты о строительстве храмов. Начинало темнеть.

В этот момент, как рассказывает «Новый летописец» — популярнейший в XVII в. памятник истории Смутного времени¹³¹, — «пришёл Кузьма Минин ко князю Дмитрию Михайловичу и просил у него людей. Князь же Дмитрий сказал: «Бери, кого хочешь!»» Минин поднял три сотни конных дворян, менее других пострадавших в утреннем бою, и присоединил к ним отряд сотника Хмелевского. Кузьма переправился через Москву-реку и неожиданно атаковал неприятеля, стоявшего у Крымского двора. В жаркой схватке был убит племянник Минина, польская конная рота побесжала и стояла пешую роту. Видя этот успех, казаки и ополченцы поднялись изо рвов и траншей, «из ям и крапив», двинулись «в напуск» (атаку) на врага. За ними устремились дворянская и казачья кавалерия.

«Русские всеми силами стали налегать на стан гетмана», вспоминал полковник Будила; они «напали густыми массами»,

¹³¹ Полное собрание русских летописей. Т. 14. М.-Л., 1965.

дружным «натиском». По словам летописца, был «бой зело великий и ужасный». От грохота выстрелов не слышно было голоса человеческого, небо стояло в зареве, словно от пожара. Потрясенные неожиданно могучей атакой истомленного врага, поляки вразброд отступали к Донскому монастырю. В суматохе боя казаки отрезали гетманский обоз и захватили 400 возов с продовольствием. Воеводы и атамань насилу остановили преследование все ещё опасного неприятеля, уходящего к Воробьевым горам. В руках русских остался гетманский обоз, шатры, знамена и литавры (большие боевые барабаны, возимые на лошадях).

Утро застало литовского гетмана Яна Карла Ходкевича в унылом отступлении по дороге к Можайску¹³². Войско его пострадало тяжело, особенно шляхетская кавалерия, в которой осталось не более 400 человек. Но с потерей обоза было потеряно все. Наступление на Москву без припасов не имело смысла, а собрать их вновь было едва ли возможно. Казаки бросили войско Ходкевича и ушли разорять Вологду. В отчаянии гетман призывал на помощь короля, но на имеющиеся деньги тот смог собрать в августе лишь 3 тыс. наемников-немцев.

Сформировав два полка, Сигизмунд III только в октябре пришел из Вильны в Смоленск и тщетно пытался поднять шляхту в поход на Москву. Лишь когда сам король с горстью наемников отчаянно пошел «восвать» на Русь, часть шляхты устыдилась. 1200 всадников нагнали его по дороге в Вязьму, где стоял Ходкевич. Поляки пытались взять Погорелое Городище, потом Волоколамск, положили много людей на приступках, потеряли передовой отряд под Москвой и убрались восвояси, еле живые от голода и холода.

Гораздо хуже пришлось гарнизону Кремля. «О, как нам горько было, — писал один из осажденных, — смотреть, как литовский

¹³² Бибилов Г.Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. // Исторические записки. Т. 32. М., 1950.

гетман уходит, оставляя нас на голодную нужду!» Польский комендант Кремля, названный «гетман» Николай Струсь, которого русский летописец называл «мужем великой храбрости и многого рассуждения», поддерживал суровую дисциплину, но запасы кончались. Надежда была на гетмана, который через лазутчиков передал обещание вернуться через три недели.

Надеялись в Кремле и на ссору между русскими полками. Она началась, как обычно, «с головы». Трубецкой надменно требовал, чтобы Пожарский и Минин для общего совета ездили в его лагерь. Те отказались наотрез, справедливо опасаясь разделить судьбу предательски убитого Ляпунова. В начале сентября мутить воду в лагере Трубецкого явился недавно спасенный Пожарским воевода Иван Шереметев со товарищи. Знатные деятели Смуты подговаривали казачьих атаманов идти разорять Ярославль и другие земские города, а ещё лучше — убить Пожарского и ограбить дворян его ополчения.

«Такое злое начинание» способствовало возмущению казачества. «Нам не платят за службу, — кричали казаки, — дворяне обогащаются, получают поместья в Русской земле, а мы наги, босы и голодны!» Чтобы избежать кровопролития, власти Троице-Сергиева монастыря прислали казакам в залог будущего жалованья драгоценные церковные облачения, шитые золотом и жемчугами. Грамоту об этом с похвалами мужества и доблести казаков прочли на войсковом собрании — и казаки усовестились, снарядили двух атаманов с поклоном вернуть ризы в монастырь.

«Мы все сделаем по прошению троицких властей, — сказали казаки, — какие бы скорби и беды ни пришлось нам терпеть, все выстрадаем, а отсюда не отойдем, не взяв Москвы и не отомстив врагам за пролитие христианской крови!»

Пожарский, подвергшийся во время этих волнений реальной угрозе, и Трубецкой, рисковавший потерять власть над казаками,

поняли, что объединение власти неизбежно. Даже Минин, с трудом наскребавший казну по городам и уездам, согласился, что платить жалованье одним воинам и оставлять голодными других нельзя. Предводители встретились на Неглинной-на-Трубе и помирились. Они решили устроить на этом месте общий штаб-разряд, объединить ведомства-приказы и финансы, а главное — управлять подведомственными им территориями совместно. Войсковые собрания утвердили это решение. Об образовании новой власти и о новой ситуации под Москвой по всем городам были посланы грамоты:

«Были у нас до сих пор разряды разные, а теперь, по милости Божией, мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, по челобитью и приговору всех чинов людей, стали заодно и укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Мину Московы доступать и Российскому государству во всем добра хотеть без всякой хитрости. А разряд и всякие приказы поставили мы на Неглинной-на-Трубе, снесли в одно место и всякие дела делаем заодно.

И над московскими сидельцами промышляем: у Пущенного двора, и в Егорьевском монастыре, да у Всех Святых на Куличках поставили туры и из-за них по городу бьём из пушек беспрестанно и всякими промыслами промышляем. Выходят из города к нам выходцы, русские, литовские, немецкие люди, и сказывают, что в городе из наших пушек побивается много людей, да много помирает от тесноты и голоду, едят литовские люди человечину, а хлеба и никаких других запасов ничего у них не осталось. И мы надеемся овладеть Москвою скоро.

И вам бы, господа, во всяких делах слушать наших грамот — Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского — и писать о всяких делах к нам обоим. А которые грамоты станут приходить к вам от кого-нибудь одного из нас, то вы бы этим грамотам не верили».

Интервенты и изменники в Кремле узнали об объединении ополчений и крайне обеспокоились. Вскоре они увидели реальные плоды союза воевод. Вся линия каменных укреплений вокруг Кремля и Китай-города была подготовлена Земским ополчением к отражению атаки с внутренней и внешней стороны. Не защищенный камнем Замоскворецкий полуостров был отрезан от «материка» глубоким рвом и валом с забитыми землей фашинами. Воеводы, переменяясь, лично наблюдали за обширными осадными работами день и ночь.

Надежды осажденных на помощь от гетмана Ходкевича или короля Сигизмунда таяли день ото дня, неделя за неделей, голод в Кремле и Китай-городе усиливался. Не желая кровопролития, Пожарский 15 сентября послал предложение почетной капитуляции полковникам, ротмистрам и рядовым, минуя твердостоятельного Струся:

«Нам ведомо, что вы, будучи в Кремле в осаде, терпите немалый голод и великую нужду и ожидаете день со дня своей гибели, а крепитесь потому, что Николай Струсь и московские изменники ... уговаривают вас, ради живота своего. Хотя Струсь учинился у вас гетманом, он не может вас спасти. Сами видели, как гетман приходил и как от вас ушел со срамом и со страхом, а мы ещё были тогда не со всеми силами.

Объявляем вам, что казаки, которые были с паном гетманом, ушли от него разными дорогами ... а сам гетман со своим полком ... ушёл в Смоленск 13-го сентября. В Смоленске нет ни души: все воротились с Потоцким на помощь гетману Жолкевскому, которого турки разбили. Королю Жигимонту приходится теперь о себе самом помышлять, кто бы его от турок избавил. Жолнеры Сапеги и Зборовского в Польше волнения чинят ...

Присылайте к нам, не мешкайте; сохраните свои головы, а я (т. е. лично Пожарский. — А.Б.) беру вас на свою душу и всех ратных людей своих упрошу: кто из вас захочет в свою землю

идти, тех отпустим без всякой зацепки; а которые похотят Московскому государству служить, и тех пожалуем по достоинству; а кому из ваших людей не на чем будет ехать, или не в силах будет от голода, то как вы из города выйдете, мы прикажем навстречу таким выслать подводы».

Ответ осажденных показал, что, несмотря на все испытания, они сохраняют высокий боевой дух. «Не новость, — обращались они к россиянам, — вам лгать в своих писаниях: у вас нет стыда в глазах! Присмотрелись мы на храбрость и мужество ваше! Московский народ самый подлейший на свете и по храбрости подобен ослам или суркам, которые только тем и обороняют себя, что в ямы прячутся. Видели мы своими глазами, как литовский гетман дал вам себя знать с малыми силами!

Мы, ожидая счастливого прибытия государя нашего короля с сыном Владиславом, не умрём с голоду, а дождёмся его и возложим царю Владиславу на главу венец вместе с верными его подданными ... а вам Господь Бог за кровопролитие и разорение Московского государства возложит на голову кару ...

Не пишите к нам ваших московских глупостей: не удастся вам ничего от нас выиграть! Мы вам степ не закрываем, добывайте их, если они вам нужны ... Не пиши нам сказок, Пожарский; мы лучше тебя знаем, что польский король усоветовал с сенатом, как довести до конца московское дело и укротить тебя, архимятежника!»

Русским воеводам ничего не оставалось, как налить из пушек по стенам и башням Кремля, рискуя попасть в соборы, и всё плотнее сжимать кольцо осады, не пропуская ни единого «хлебоноши». Последнее было особенно опасно для осаждённых. К началу октября хлебец из лебеды стоил у них 3 золотых, четверть ржи — 100, а четверть конины — 120. Богатейшие не могли купить себе еды. Вскоре голод стал ужасающим.

«В истории нет подобного примера, — писал свидетель событий, — писать трудно, что делалось. Осаждённые переели ло-

шадей, собак, кошек, мышей; грызли разваренную кожу с обуви, с гужей, подпруг, ножен, поясов, с пергаментных переплетов книг — и этого не стало! Грызли землю, в бешенстве объедали себе руки, выкапывали из могил гниющие трупы, и съедено было таким образом до восьмисот трупов».

За умирающими товарищами стояли очереди трупоедов, за право съесть близкого к смерти товарища судились родственники и соратники. Затем стали бросаться на живых. «Пан не мог довериться слуге, слуга пану», писал участник трагических события, мазурский хорунжий Иосиф Будила. Отец ел сына, сын пожирал мать. Человечье мясо солили и продавали; голова шла всего по три золотых. Пытаясь предотвратить смерть гарнизона, полковники пошли на меры, потрясшие даже бывалых солдат. Они приказали вывести из тюрем всех пленных, забить их насмерть и отдать на съедение гайдукам. По свидетельству очевидца, живьем съедено было более 200 человек. А всего из более чем 3000 осажденных в живых осталась половина.

Тяжело приходилось и осаждающим, прежде всего казакам. 22 октября 1612 г., развернув знамена и заиграв в боевые рога, они бросились на отчаянный штурм Китай-города и взяли его на саблю. Первое, что они там увидели, были чаны с человечинной. Гнев против изменников-бояр и интервентов был ужасен. Земские ратники, войдя в Китай-город за казаками, соединились с ними в порыве немедля покарать злодеев.

На памятнике, в XIX в. поставленном на Красной площади по проекту скульптора Мартоса, запечатлён именно этот момент. Минин, указывая рукой на Спасскую башню, призвал Пожарского покончить с кремлёвскими «человекоядцами». Но князь был недвижим. Ему удалось остановить войска, утишить их праведный гнев и спасти насельников Кремля от всенародной расправы. Впоследствии большевики, верно поняв жест Минина, переставили памятник, развернув так, чтобы выборный человек всей земли не указывал на гнездо людоедов.

В условиях жуткого голода удивительно, что Струсь сумел защитить остающихся в Кремле русских, только потребовал выслать вон их жен и детей. Встревоженные бояре обратились за обороной к Пожарскому. Тот с Мининым встретил выходящие из Кремля семьи и укрыл их в своём лагере, несмотря на ярость казаков, грозивших убить князя за то, что не дал грабить боярынь.

Увидев, что Пожарский держит слово, взбунтовался осаждённый гарнизон. Николай Струсь едва уговорил товарищей прежде послать к Пожарскому послов. О почётной капитуляции речи уже не было: исстрадавшиеся воины просили только оставить им жизнь. 24 октября ворота Кремля отворились. Первыми выходили бояре, дворяне и купцы. При виде их казаки выхватили сабли и закричали: «Надобно побить этих изменников, а животы их поделить в войске!» Но Земское ополчение грозно стояло тут же в боевой готовности. По шумев, казаки ушли в свой лагерь.

Спасение московской знати стало крупным вкладом Пожарского в дело примирения после гражданской войны. С самого начала Дмитрий Михайлович отнесся к сидевшим в Кремле с поляками и сдавшимся ему аристократам не как к пленникам, приняв их всех в качестве видных чиновных людей. И впоследствии он настаивал на том, чтобы люди, повославшие в Смуту на разных сторонах, отложили всякую ненависть и *равно предали забвению* прегрешения друг друга.

Свято выполнил князь и свои обещания полякам. Их начальные люди и доставшиеся Пожарскому по договору с Трубецким рядовые сохранили жизнь и были разосланы в заточение по разным городам. Тогда как несчастные, доставшиеся казакам, были убиты почти все. Имущество пленных Мининым справедливо разделил между казаками. Когда в Нижнем Новгороде разъяренный народ бросился на пленных, едва не разорвав

Будилу с товарищами, мать Пожарского сумела их защитить, блюдя слово сына. Впоследствии пленные содержались на свободе, даже получали жалованье, и были обменены на русских полоняников. В частности, Струсь вернулся в Польшу взамен ростовского митрополита Филарета (отца царя Михаила Романова, будущего патриарха Московского и всея Руси).

Легко представить, как было трудно защитить пленных даже в Земском ополчении, когда русские войска, соединившись на Красной площади, торжественно вступили в Кремль и увидели загаженные соборы и оскверненные святыни. Князь Пожарский не последовал примеру князя Трубецкого, поселившегося в Кремле. Он остановился на Арбате и, пока знать интриговала, занялся строительством на собственные средства храма в честь иконы Казанской Богородицы, с которой освободители вступили в Китай-город.

По очищению Москвы заботами Пожарского были организация обороны от нашествия польского короля и утверждение власти «Совета всея земли» на местах. К зиме, когда военная опасность спала, по всей стране были разосланы грамоты о Земском соборе¹³³, который уже в начале 1613 г. избрал государем всея Руси Михаила Фёдоровича Романова¹³⁴.

В источниках есть упоминание, что Дмитрий Михайлович не вполне одобрял выбор на трон юного Михаила Романова, опасаясь, что тому не удастся сохранить в стране порядок. Пожарский будто бы предлагал «не выбирать в великие князья никого из своих одноплемеников, так как с ними не было никакого счастья и удачи и без чужой помощи никак нельзя будет отстоять от врагов и оборонять страну, но надо взять великого

¹³³ Черетин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 187—200. Ср.: Замятин Г.А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. университета. 1926. Т. 3.

¹³⁴ Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова / Публ. под ред. С.А. Белокурова. Изд. 2. М., 1906.

князя из чужих государств» (при безусловном соблюдении тем православной веры)¹³⁵. Но вполне вероятно, что это была просто инсинуация иноземцев. Против Михаила Фёдоровича Романова Пожарский публично никогда не высказывался.

1 июля 1613 г. новый государь венчался на царство. Пожарский был пожалован боярином, Минин стал думным дворянином. Дмитрий Михайлович получил в награду старинную родовую вотчину Ландех, богатое село Холуй с соляными промыслами и земли в Суздальском уезде.

БОЯРСКИЙ СУД

Историки справедливо возмущаются тем, что Пожарский был возвышен и вознагражден значительно меньше Трубецкого и других бояр, да и само награждение было укорным. Так, прежде Пожарского в бояре из стольников попал князь Иван Борисович Черкасский — тот самый, что помогал полякам подавлять московское восстание, в котором сражался и получил тяжкую рану князь Дмитрий Михайлович! Справедливости ради надо заметить, что этой ситуации Пожарский был не одинок. Например, князь Фёдор Иванович Волконский Мерин, не щадя жизни боровшийся с интервентами с начала Первого ополчения до очищения Москвы, получил меньше, чем его родич Григорий Константинович Волконский, все это время просидевший с поляками в Кремле, составляя счетные книги раздаваемым интервентам царским сокровищам! Но важно, что Дмитрий Михайлович был доволен.

¹³⁵ *Васенко П.Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича. СПб., 1913; *Дьяконов М.А.* Избрание Михаила Фёдоровича на царство. СПб., 1913; *Замiatин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. 1926. Т. 3; и др.

Разбогатев, он мог на широкую ногу вести жизнь большого барина-вотчинника, не завидуя придворным интриганам и старательно уклоняясь от политики¹³⁶. Неудивительно, что князь был вновь призван на службу только в 1615 г., когда обострились военные действия со шведами и поляками. Пожарского послали на выручку осаждавшему Смоленск князю Дмитрию Черкасскому, коммуникации которого перерезал неуловимый пан Лисовский с отрядами заматерелых разбойников.

Пожарский сумел настичь Лисовского¹³⁷. В ожесточенном сражении перевес клонился то на одну, то на другую сторону. Наступил момент, когда большая часть русского воинства побежала, но князь с двумя сотнями дворян и пехотой укрепился в обозе, сумел отбиться и вновь собрал беглецов. За три дня, пока противники стояли друг против друга, не решаясь на новое сражение, Пожарский перекупил на свою сторону иноземных наемников Лисовского. Затем не пропустил его буйные ватаги к Калуге, но сам приболел. По его просьбе Лопата-Пожарский прогнал наконец опасного противника за рубеж.

Позже Пожарского поставили во главе экстренного сбора со всего государства «пятой деньги» на завершение войны с Польшей и Швецией. Он участвовал в переговорах со шведами, завершившихся в 1617 г. Столбовским миром. Осенью этого года князь спешно вышел воеводой в Калугу, успел собрать войска и отразить поляков от стен города.

Читатель, знакомый с родной историей (а иной и не возьмет в руки эту книгу), понимает, конечно, что знатная придворная челядь измывалась над Пожарским. Знати было особенно приятно заводить «местнические дела», в которых герой освобождения

¹³⁶ *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых. СПб., 1906; и др.

¹³⁷ *Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень — зима 1615 г.) / Подг. Б.И. Флоря // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. 1. М.—Варшава, 1995; и др.*

Москвы оказывался виноватым перед каким-либо придворным лизоблюдом, который и сабли-то в руки не брал¹³⁸. Но это так, к слову: аналогично обращались со всеми выдающимися русскими полководцами в XVII в. А в XVI в. поступали проще — их всех попросту казнили¹³⁹.

Однако весной 1617 г. положение Дмитрия Михайловича Пожарского при дворе волшебным образом улучшилось. Дело в том, что на польском рубеже готовился в поход на Москву тот самый королевич Владислав, которому большинство московской знати в своё время целовало крест, призывая на царство. Одню перечисление польских и литовских воевод, ставших под знамя Владислава с московским гербом, говорило о мощи нашествия. Довольно упомянуть великого канцлера литовского Льва Сапегу и старого гетмана Яна Карла Ходкевича (с ними шел ещё десяток виднейших воинов). С юга же к Москве рвался, разоряя всё окрест, гетман реестрового украинского казачества Конашевича Сагайдачный с 20-тыс. войском.

«Я иду на Москву, — сказал Владислав армии на русском рубеже, — во славу Господа Бога моего и святой католической веры. Иду воздать благодарность великой Речи Посполитой, которая воспитала меня и теперь отправляет для воинской славы, расширения границ и завоевания северного государства!»

Когда королевич Владислав пошёл на Москву, Пожарский выступил из Калуги к Можайску. Князь в тяжелейших условиях вывел из окружения конницу князей Черкасского и Лыкова, несмотря на продолжавшие одолевать его местнические оскорбления. Серьезную помощь главному восводе оказал его товарищ князь Григорий Константинович Волконский. Другие

¹³⁸ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв.: хронологический реестр. М., 1994; *Его же*. Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2009.

¹³⁹ Богданов А.П. Опальные воеводы. М., 2008.

воеводы не могли выполнить столь сложной задачи, многие вообще спешили сдаться неприятелю. Города переходили в руки врага один за другим, с боем, а чаще без боя. Королевич с запада и гетман Сагайдачный с юга подошли к Москве.

Задержать Сагайдачного на рубеже Оки Пожарскому и Волконскому не удалось. Дмитрий Михайлович тяжело болел и в Серпухове совсем слёг, ожидали его кончины со дня на день. Царь отозвал его в Москву. Г.К. Волконский остался сдерживать Сагайдачного, с боями отступая к Коломне. Не раз его братья Фёдор и Пётр, командуя арьергардом, атаковали прорвавшихся казаков с саблями в руках. Всего полторы сотни храбрецов, все, как и воеводы, израненные, прибились в Коломну. Оттуда войско ушло в Москву: главный бой вновь предстоял под стенами столицы.

Бояре (из тех, кто не успел бежать из столицы) пребывали в страхе, за исключением отважных воевод, которым не давали достойного места при дворе и даже (при возможности) важных военных постов. Растерянный юный царь Михаил призвал Пожарского во дворец и осыпал наградами. Вручил воеводе золотой кубок, накинул на плечи соболью шубу, велел зачитать перечень его великих заслуг перед Отечеством. И назначил оборонять Арбатские ворота — главное направление удара врага.

Пример старого и больного князя, сражавшегося при обороне столицы «не щадя головы своей», ободрил молодых воевод и москвичей, вооружившихся на защиту своих очагов. В жестком бою враг был отброшен от ворот, а затем отбит от Москвы. Владислав временно отказался от претензий на русский престол, а в конце 1618 г. поляки пошли на Деулинское перемирие. Пользуясь страхом московских бояр, они ценою перемирия всего на 14 лет и шесть месяцев удержали за собой Смоленск и множество других русских городов с уездами, населением, вооружением и всеми запасами.

Более Дмитрий Михайлович Пожарский в активных военных действиях не участвовал. Его ждал не менее серьёзный фронт — борьба с русским бездорожьём. Когда войска королевича Владислава отступили от Москвы, дороги России после Гражданской войны и интервенции лежали в запустении. Ямские слободы и стапы запустели, сословие ямщиков было практически уничтожено. А ведь ямщики и ямские чиновники занимались не только использованием, но строительством и поддержанием дорог в проезжем состоянии — с использованием труда массы людей по ямской повинности! «Ямские деньги», на которые всё это делалось, были вторым по величине налогом в бюджете России — после военного налога, «стрелецких денег». Это не удивительно: целостность и жизнь огромной страны зависели от дорог, которые в наших природных условиях содержать непросто.

Подвиг Пожарского по восстановлению путей сообщения был велик. Он принял дорожную службу, когда вся Европейская Россия до Волги и Камы была разорена, а на многих ямах не оставалось ни единого человека. Зимой, по отзывам иностранных наблюдателей, по разбитым дорогам ещё можно было проехать 500 верст за трое суток. Но как только вскрывались ручьи и реки, движение становилось кошмаром. Проложенные в основном напрямик дороги Московского государства шли через заливные луга, топи, овраги и водные преграды, требовавшие массы искусственных сооружений. Только между Москвой и Смоленском путешественник насчитал в те времена 533 моста, не считая гатей и плотин. Они были уже починены, но пошедшие в дело плохо связанные толстые бревна не имели дощатых настилов, что делало передвижение на тяжелом экипаже крайне опасным.

То, что дорога стала проезжей, было заслугой 10-летний борьбы Пожарского с разрухой, чиновниками и самим правительством. Вложив саблю в ножны после отражения от Москвы

Владислава, Пожарский принял устройство ямов — пунктов дорожной и почтовой службы на бесконечных путях страны — в полное ведение Ямского приказа. Князь взял на себя, как судью приказа, всю ответственность за функционирование русских дорог. Но если «вниз» он мог повелевать, то «вверх», где принимались дорожные законы, ему приходилось вести нескончаемую войну.

Прежде всего князь озаботился экономическими условиями для привлечения «охотников» в разгромленное Смутой сословие ямщиков. В 1619 г. было особым указом было подтверждено данное Иваном Грозным освобождение ямщиков от всех земских повинностей: «К городу камня, и извести, и лесу возить, и города и остроги делать, и мостов мостить, и с посадскими и с уездными людьми ни в какие подати тянуть и никакого изделия делать ямщиком не велено, а велено им гонять ямскую гоньбу». Это фундаментальное установление закрепило мысль, что поддержание ямской гоньбы по значению равно всем остальным земским повинностям. Оно хранилось как восстановленная после Смуты государева грамота Ивана IV, подтвержденная царём Фёдором Ивановичем, Борисом Годуновым, Михаилом и Алексеем Романовыми (последний раз — в 1657 г.), «и рудить сё никому ни в чем не велено, а велено ходить по тому, как ... написано».

В 1619—1620 гг. князь на несколько месяцев отказался от должности, но вскоре вновь возглавил Ямской и одновременно Разбойный приказ, которыми совместно управлял до середины 1628 г. Это сочетание ведомств объяснялось просто: Дмитрию Михайловичу нужно было восстановить функционирование дорог, одновременно очистив их от «лихих людей» и возродив ямскую службу.

Временный уход Пожарского из Ямского приказа долго оставался загадкой. Мы можем разгадать её с помощью трёх

документов, появившихся в 1620—1621 гг., вскоре после того, как князь согласился вновь возглавить дорожное ведомство. Хорошо известно, что в условиях Гражданской войны, при слабых и нуждавшихся в привлечении сторонников правителей, дворянство закрепило за собой колоссальные земли. Вырвать их обратно было практически невозможно, но Пожарский как раз специализировался на невозможном. Демонстративно хлопнув дверью, он согласился вновь возглавить ведомство при условии, выполнение которого было с некоторым изумлением констатировано при патриархе Филарете:

«Которые ямские земли после московского разоренья розданы были в поместья и на оброк боярам, и окольным, и дворянам, и приказным людям, — и те ямские земли из раздачи и из оброка по их государеву указу взяты и отданы к ямам по-прежнему. А впредь ямских земель в поместья и в вотчины никому отдавать не велено». Ямским судебником князя Пожарского было запрещено не только отбирать ямские владения, но и сдавать их на оброк: даже заброшенные станции — «оставленные ямы» — могли быть переданы только другим станциям, «на которых ямах гоняют ямскую гошьбу». Впоследствии даже отдельные ямские дворы посторонним людям запрещено было покупать и брать в заклад.

Второе условие касалось восстановления нормативных актов, значительная часть которых сгорела в Смуту при страшном пожаре Москвы. Для этого в каждом ведомстве поднимались местные архивы, но и там удавалось отыскать не все копии. Пожарский добился того, чтобы «государев указ записывать в книгу» со слов «московских и разных городов охотников», т.е. самих ямщиков. Более того, он настоял, чтобы указной нормой стали положения, продиктованные после Смуты самой жизнью. В защите интересов ямщиков в правительстве князь был воистину велик. Пробытый Пожарским в Боярской думе указ о ямских

исках столь противоречит русской юридической практике, что мог быть принят только благодаря авторитету князя.

Одна из реконструированных Пожарским норм гласила, что по недокументированным денежным и имущественным искам ямщиков можно вызывать на суд в Ямской приказ только «на два срока», Введение и Сборное Воскресенье, а не «в пашенную пору». Согласно другой норме гонец, надсадивший ямскую лошадь не показанной к перевозке кладью, платил до Смуты по 5 руб. за мерина и нёс наказание. По настоянию Пожарского было закреплено иное решение: за лошадь следовало платить «против купли, справясь с записными книгами на конской площадке, потому что перед прежними летами лошади дороги». Ещё одна важная норма была добавлена: гонец, «погнавший за большие дороги в сторону мимо подорожной в поместья, или в вотчину, или для какого своего дела», обязан был выплатить «на те лишние версты ... прогоны вдвое», а за задержку взятых по подорожной подвод у себя на дворе — компенсировать ямщикам «проесть», т.е. убыток.

О том, какую борьбу князю Пожарскому пришлось выдержать в Боярской думе, свидетельствует утверждённый после его возвращения в приказ Ямской судебник, первые статьи которого сурово ограничивают боевых и городских воевод в личном пользовании ямскими подводами, распоряжении ими, а также лишают их средств давления на ямские общины. Воеводами служили бояре, окольные и думные дворяне, которые и обсуждали законы в Думе, — т.е. под давлением Пожарского они ограничили сами себя!

Не менее важная статья Ямского судебника установила давать каждому ямщику солидный участок земли: на 5 четвертей пашни и 20 копен сена в лугах. Затем на протяжении многих лет князь добивался фактического и юридического увеличения приписанных к ямам земель. Разработанное под его руководством единое по-

ложение о ямском земельном наделе было утверждено государем лишь в 1627 г. Зато действовали его нормы до конца XVIII в.

Ямской судебник князя Пожарского (1620—1621), это обширный — в объёме древнейшей Русской Правды — свод законов о ямской гоньбе и ямщиках. Он рисует их как особый служилый чин государства, свободный настолько, насколько это вообще было возможно для лиц не дворянского звания. Они обязаны были жить собственными домами в ямских слободах и на станах, честно вести гоньбу на основе круговой поруки. Они имели собственный суд ямских приказчиков. Даже по делу об убийстве человека другого сословия, даже пойманные на воровстве с поличным ямщики являлись на городской суд со своим приказчиком, и именно его слово было окончательным!

Местная администрация — «воеводы и приказные люди» — не могли брать с ямщиков никаких пошлин. Лишь малую часть их, например, с женитьбы на стороне или выдачи ямской девицы замуж за чужого, могло взимать ямское начальство. В длинном списке неплатимых пошлин значатся и дорожные: «явку» товара, мыт, перевоз и мостовщину нельзя было брать даже с записавшегося в ямщики «охотника», отъезжающего из своего города на место службы.

Ограничения, наложенные на ямщиков, не были суровы. Им нельзя было принимать гостя или принимать себе человека, не «явив» его приказчику, — псевдомые люди на яме представляли опасность, — но калымить по дороге или заниматься посторонним промыслом им никто не запрещал. Лошадей ямщик покупал свободно и беспошлинно, дав символическую деньги (0,5 коп.) за запись её в книге, по которой, между прочим, начальство само взыскивало и возмещало ему цену загубленной в дороге животного.

Не могли ямщики только бежать со службы и записаться в крепостные к «сильному человеку». Судья Ямского приказа

князь Дмитрий Михайлович Пожарский добился, чтобы с такого хозяина не только брали крупный штраф в 10 руб., но и били его вместе с беглым кнутом, «чтоб тому охотнику неповадно было с яму бегать, а тем людям неповадно было беглого охотника держать». «Избыть» последственной ямской службы смелый человек мог. Например, если ямщик не ограничивался беспопытным изготовлением спиртного для себя, а устраивал в слободе подпольную корчму, «выпнувший» сё приказчик высчитывал у него штраф больше стоимости коня: 5,5 руб. Если же, как прозорливо предположил князь Пожарский, приказчик покрывает этот доходный промысел, и «у охотника выпнут корчму мимо приказчика», «заповедь» в 5,5 руб. брали с начальства, а охотника били кнутом и высылали из слободы вон с конфискацией имущества.

Льгот своим подопечным славный освободитель Москвы добивался не зря. Ямская служба была после Смуты весьма опасна. Судебник перечисляет случаи смерти от «сотрения» возом и упавшего дерева, от рук разбойников, в воде и от мороза, не говоря уже о пропаже без вести, когда и тела не найдут ...

Победой завершилась многолетняя борьба князя Дмитрия Михайловича с анархией в выдаче подвод по подорожным. Споры из-за того, на сколько лошадей, телег или саней то или иное лицо должно получать в приказе деньги, были очень острыми. И не только потому, что «прогоны» на всем протяжении своего существования с древности до конца XIX в. были важной прибавкой к жалованью чиновников. Светских и даже духовных лиц положенное им число подвод крайне заботило с точки зрения социального статуса. Не получивший «должного» числа подвод полковой воевода мог не выехать к войскам. Из-за того, в какой карете сидеть, например, митрополиту, споры велись на уровне патриарха и могли привести к отлучению излишне «вознесшегося»¹⁴⁰!

¹⁴⁰ Документы приведены: *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.

8 марта 1627 г., за год до ухода Пожарского с поста главы Ямского приказа, царь Михаил Фёдорович подписал огромный по объёму указ, регламентировавший выдачу ямских подвод чинам Российского государства и Русской православной церкви: от боярина и митрополита до псаря, трубника (гонца, знаком отличия коего был почтовый рожок) и целовальника. Отныне все подводы давались с проводником, а число их было строго связано с чином. Эта «система Пожарского» просуществовала в России столько же, сколько царская ямская, а затем почтовая служба, т.е. до 1917 г.

После 10-летнего руководства Ямским и Разбойным приказами, Дмитрий Михайлович воеводствовал, т.е. возглавлял местную администрацию в Великом Новгороде (1628—1630) и Рязани (1638). В 1633 г., во время Смоленской войны, он не был послан главным воеводой в действующую армию. Дмитрий Михайлович формировал в тылу вторую армию вместе с князем Дмитрием Черкасским, а затем присутствовал на мирных переговорах, олицетворяя собой непобедимую мощь России.

Неподкупность и авторитет Пожарского сказались на назначении его главой Московского судного приказа, ведавшего судом над городовым, наиболее многочисленным в стране дворянством (1634—1640). В 1637 г., когда донские казаки взяли у турок Азов, и царь Михаил ожидал мусульманского нашествия на Москву, Пожарскому поручили возвести часть Земляного города — мощного по тем временам укрепления в районе Современного садового кольца. На следующий год, все ещё трепеща от страха нашествия, царь Михаил с боярами назначили Пожарскому воеводство в пограничную Рязань. Все эти страхи придворной челяди, разумеется, «пролгались». Дмитрия Михайловича они не волновали так же, как и придворная грызня. Россияне знали Пожарского и ценили его подвиг, как писал некий пиит:

Многие бо люди дивятся мужественному твоему храбрству
И радуются, что Бог тебя принес к великому государству,
Попеже всегда против супостатов лица своего не падишь,
К Богу, царю и ко всем человекам правду творишь!

Князь был дважды женат, имел троих сыновей и трёх дочерей, которых выдал замуж в фамилии князей Куракиных, Пронских и Лыковых. Любил князь жить со своей семьей в огромных вотчинах, щедро давал деньги на строительство храмов и монастырей, самым знаменитым из которых стал Макарьев-Желтоводский на Волге. Он заново отстроил и сильно расширил свой московский двор, любил роскошно одеваться. Его выезд — драгоценный конь в сказочном убранстве, богатая свита вооруженных слуг и домашних холопов — соответствовал образу весьма состоятельного человека.

ЗАВЕЩАНИЕ

Внешне вполне счастливый в государственной и семейной жизни, Пожарский страдал приступами «черного недуга» — меланхолии. Возможно, его беспокоили неладья в семье. После смерти первой жены и матери его детей, Прасковьи Варфоломеевны, в 1635 г., он скоро женился на юной княжне Феодоре Андреевне Голицыной. Дети, особенно младший сын Иван, явно ревновали отца к ней; молодая жена отвечала тем же. В завещании Пожарский специально указал: «Да я ж приказываю жене своей, чтоб она не покинула сына моего князя Ивана, а ему её иметь, что мать свою».

Перед смертью «раб Божий многогрешный боярин князь», по прозвищу «Козьма», расплатился с долгами (по памяти — он и сам всем верил на слово). «Бедной своей горькой жене» он завещал дворы и вотчины, с тем, чтобы ей ещё ежегодно давали по

50 рублей и по 20 четвертей всякой крупы два его взрослых сына, князя Пётр и Иван. Жене Дмитрий Михайлович оставил домашних холопов — до её выхода замуж, смерти или пострижения в монастырь. Ещё князь отписал княгине свой кабак, дорогую посуду, 20 лошадей. После смерти жены вотчины должны были унаследовать его сыновья, а московский двор — дочь Настасья и её муж, князь Иван Петрович Пронский (сыновьям тоже доставался двор, поделенный пополам). Наследуя после вдовы вотчины, сыновья должны были отдать за них, «кому она прикажет», 300 руб., а за двор — 200 руб.

Сыновей князь благословил образами. «А которые образа в постельной у княгини в хоромах, и теми образами всеми благословляю княгиню, — никому до них дела нет, потому что теми образами нас с нею на свадьбе благословляли». Сыновья получили в наследство вотчины, кабаки, мельницы, дорогую посуду, шубы и прекрасных верховых коней. Драгоценным оружием князь оделил не только сыновей, но и зятя, Ивана Пронского. Муж другой дочери, Алёны, князь Иван Фёдорович Лыков, наследовал коня с драгоценной сбруей и 30 рублей. Сестру свою, 70-летнюю Дарью Михайловну Хованскую, Пожарский благословил образом и завещал давать княгине в год 50 руб. и довольно продуктов. По 50 руб. в год должна была получать и его дочь, княгиня Настасья Пронская. Её дочери Авдотье, внучке Пожарского, сыновья должны были дать в приданое 200 руб. Другой внучке, Анне, в приданое доставалась княжеская вотчина в Медынском уезде. Часть дорогих вещей князь завещал дальним родственникам.

Холопов своих и покойного сына, с записями они служили или нет, князь велел «ничем не тронуть, совсем отпустить. А которые люди пожепились на крепостных женах детей моих, — и те люди детей моих до живота. А которые люди кабалные и безкабалные у детей моих, и им костью моею не ворохнуть, жаловать

их так же, как при мне было». Множеству слуг, служивших не в холопстве, князь приказал дать волю. Если они захотят служить его детям, их можно было принять в холопы, только по жизни детей, «а не в вековечные». Холопы, данные им в своё время зятю Ивану и дочери Настасье, тоже должны были служить лишь при жизни хозяев. Пожарский не хотел, чтобы кого-либо обращали в «всковые холопы». Холопов и слуг он помнил поимённо и заботился о судьбе каждого. Мальчика, возможно, увечного, он особо поручил заботам жсны, «а будет он ей не понадобится, и его приказать в Спасский монастырь в служки, чтобы его сверстать с добрыми служками, и детям моим его жаловать».

Большие вклады по своей душе Пожарский завещал сделать монастырям и церквям. Духовнику, черниговскому протопону Михаилу, Дмитрий Михайлович завещал иноходца, пубу и 5 руб. денег. Часть денег следовало раздавать нищим, по 300 человек в день, но чтобы милостыня была взята не из кабацких доходов. В крайнем случае, из них можно было занять деньги, чтобы потом возместить доходами с вотчин. «А животов моих, — писал князь о движимом имуществе, — кроме лошадей да сосудов серебряных, денег лежащих нет ничего».

Отпеть себя Пожарский велел патриарху и митрополиту, а похоронить в Суздале, в Спасском соборе Евфимиева монастыря, в головах у своего почившего сына Фёдора¹⁴¹.

Дмитрий Михайлович скончался 20 апреля 1642 г. и был погребен в своей родовой усыпальнице в богатом боярском наряде¹⁴².

¹⁴¹ Завещание князя Дмитрия Пожарского / Публ. Ю. М. Эскина // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143—157.

¹⁴² Уваров А. С. Сборник мелких трудов. Т. 3. М., 1910. С. 28. Не находит подтверждения версия, что князь принял перед смертью схиму (Погодин М. П. Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Москвитянин. 1852. № 19. Отд. III. С. 70; Корсакова В. Д. Пожарский Дмитрий Михайлович // Русский биографический словарь. Т. «Плав-Примо». СПб., 1905. С. 245).

ЭПИЛОГ

Летом 1648 г. три монарха имели опаснейшие конфликты с подданными. Царь Алексей Михайлович, от которого при восстании москвичей отвернулась даже гвардия, всего за 15 дней обеспечил созыв собора — и к январю 1649 г. получил действовавшее ещё 200 лет Соборное уложение, защищавшее личность, собственность и самодержавную власть так жестко, как сама эта власть не могла и вообразить. Карл I Стюарт в те дни положил голову на плаху — и англичане смогли насладиться кровавой диктатурой Кромвеля. Людовик XIV бежал из Парижа, где бушевала Фронда, и долго скитался по стране, не зная, где главу преклонить. А фрондёры, не имея опыта демократии, перессорились, предали друг друга и сдались.

Войдя с войсками в Париж, «король-солнце» вырвал из протоколов парламента листы с постановлениями Фронды и прошамкал с детства беззубым ртом: «Вы думали, что государство — это вы? Государство — это я!» Франция полной мерой ощутила прелести абсолютизма, от которых её избавила лишь Великая французская революция. Царю Алексею тоже долго не покорялся восставший Псков, но с гражданами, посылавшими представителей на Земский собор, он помирился без крови.

Для построения в России абсолютизма по западному образцу понадобилась прямая война с народом, создание новой, дворянско-крепостнической армии и оккупация ею всей страны, разделённой на дивизионные и полковые «дистрикты». Этот военно-полицейский режим установил царь Пётр — любимец наших глядящих на запад «демократов». Они, как и Пётр I, видят в «этой стране» только рабов. Иные, мнящие себя патриотами, всё ещё мечтают о победе в гражданской войне. Воистину, князь Пожарский, промучившись много лет, дороги в России на время исправил, но дурость её элиты осталась на века.

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИИ	3
ЖЕРТВЫ СМУТЫ	24
ПОЛКОВОДЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	
КНЯЗЬ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ.....	87
НЕПРЕКЛОННЫЙ ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН	210
ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА	
КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЖАРСКИЙ.....	278
ЭПИЛОГ.....	350

Научно-популярное издание

От Руси к империи

Богданов Андрей Петрович

1612

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 19.10.2012. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «PetrburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 11. Тираж 5000 экз. Заказ № 1567.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yareoslavl.ru www.printing.yareoslavl.ru

В 1612 году на карте мира появилась вместо Московского государства новая держава – Великая Россия. Величие её состояло не в превосходстве над другими странами по размерам территории.

Великой назвали свою страну выборные представители её уездов, подчёркивая, что власть принадлежит всей земле, а не только Москве. Столичные бояре призвали в Москву интервентов и потеряли право на власть. Только Земский собор сословий и районов России мог спасти разорённую гражданской войной и преданную своей верхушкой державу. Новая книга доктора исторических наук Андрея Богданова расскажет читателю тяжёлую правду о Смутном времени и православных людях, которые сумели его преодолеть.

ISBN 978-5-4444-0678-6

9 785444 406786

